

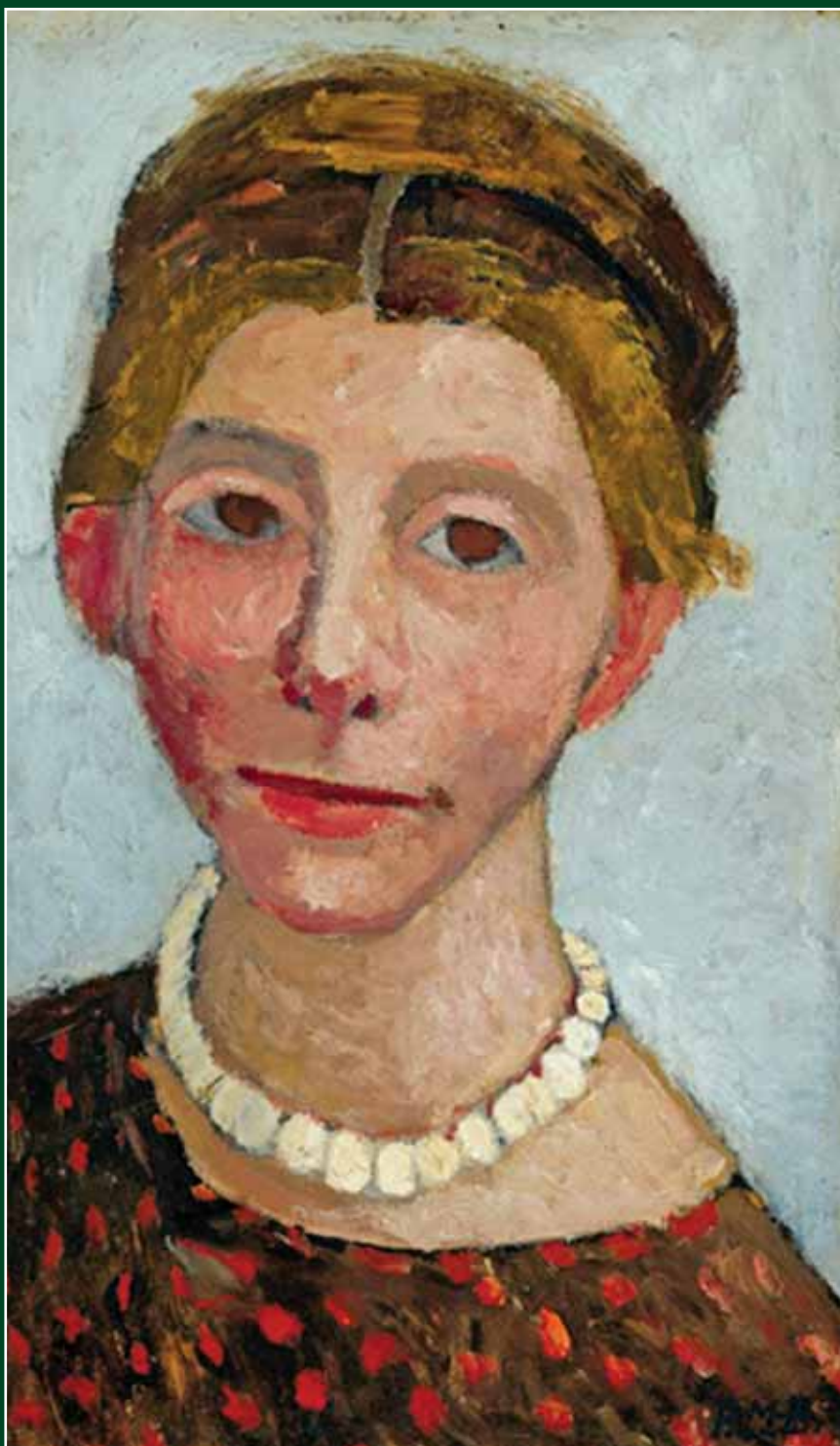
СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2020

О жизни и творчестве художницы Паулы Модерзон-Беккер
читайте на странице 70.

Посмеемся вместе

<i>Александр Сегень</i>	И нефть, и газ, и черная икра (новогодняя сказка)	4
-------------------------	--	---

Из российской истории

<i>Дмитрий Зелов</i>	Данилыч	16
----------------------	----------------------	----

Итоги конкурса

<i>Михаил Смирнов</i>	Брат	44
-----------------------	-------------------	----

Поэзия

<i>Иван Васильцов</i>	Стихи	62
-----------------------	--------------------	----

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Екатерина Соломатина: «Всегда и в любой ситуации нужно оставаться человеком...»	65
------------------------	--	----

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Паула Модерзон-Беккер. Портрет Рильке	70
---------------------	--	----

Быть может, вы не знаете

<i>Дмитрий Зелов</i>	Подборка	82
----------------------	-----------------------	----

Новое имя

<i>Андрей Киселев</i>	Незнакомец	84
-----------------------	-------------------------	----

Судьбы

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	«Маленькая герцогиня романовской крови»	90
--------------------------------	--	----

Житейские истории

<i>Юлия Макарова</i>	Красные туфли	103
----------------------	----------------------------	-----

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Федор Сологуб. «Единой жизни торжество»	112
--------------------	--	-----

Остросюжетный роман

<i>Георгий Ланской</i>	Право последней ночи	124
------------------------	-----------------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Коллаж Натальи Кумуковой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744 5512

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.12.2019

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Мария Федоровна Андреева... Литературоведы видят ее образ в героинях А.Н. Толстого и А.М. Горького, даже в булгаковской Маргарите угадываются некоторые ее черты. В начале XX века она была одной из ведущих актрис Московского Художественного театра. Публика боготворила ее, а Лев Толстой утверждал, что «такой актрисы в жизни своей не встречал». Параллельно актерской деятельности она вела полную риска жизнь революционерки, выполняя задания партии большевиков. Причем делала это с таким искусством, что несколько лет ни коллеги, ни полиция ни о чем не догадывались. В.И. Ленин дал ей подпольную кличку «Феномен» — слишком уж редким явлением была эта необыкновенная женщина.*

Алла **Зубкова** «Женщина удивительной судьбы»

«*Деяния Александра Микулина восхищают публику, но сам он всегда в тени. Его профессия — рискованнее некуда! Александр — каскадер и постановщик трюков. В кинематографе он уже 40 лет. Главные фильмы в его биографии — «Берегись автомобиля», «Щит и меч», «Дело Бориса Савинкова» и многие другие картины. Именитые режиссеры называют его «легендарный Саша Микулин».*

Мария **Бойкова** «Боец невидимого фронта»

«*Эта королева на английском троне — персонаж настолько же реальный, насколько и мифический. Чем больше времени проходит с окончания царствования «королевы-девственницы», тем неправдоподобнее становится ее образ. Правление Елизаветы не было «золотым веком», как принято считать, да и сама она обладала присущими обыкновенным людям качествами. У нее не существовало стройной концепции государственной власти. Будучи королевой, она оставалась крайне неуравновешенной истеричной женщиной с многочисленными причудами. А что же было на самом деле?..*

Светлана **Бестужева-Лада** «Королева, которая «вышла замуж за Англию»

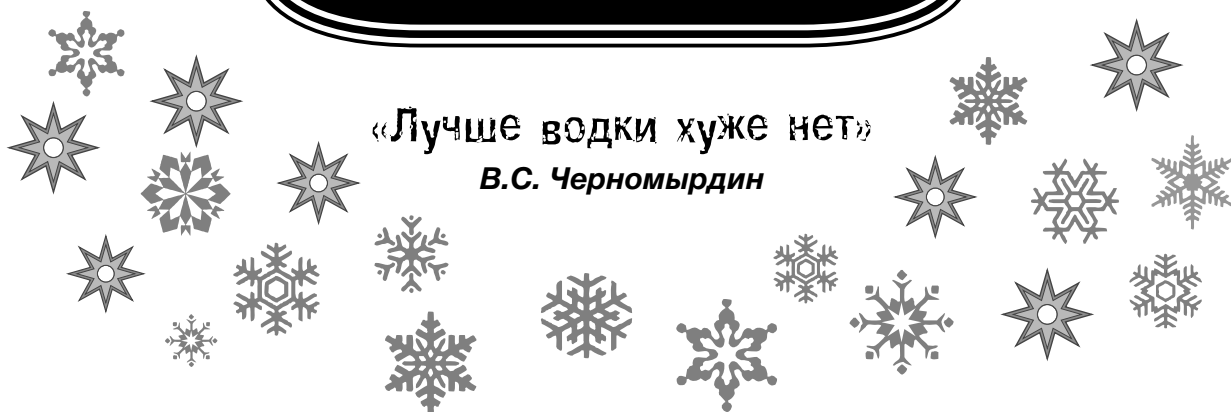
«*Детектив Анны и Сергея Литвиновых «Свадьбы не будет»*

Александр Сегень

И НЕФТЬ, И ГАЗ, И ЧЕРНАЯ ИКРА...

(НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА)

«Лучше водки хуже нет»

В.С. Черномырдин

Подобные истории почему-то случаются только с пьяными писателями.

Однажды в канун Нового года прозаик Александр Егерь задержался в Союзе писателей, где выставили угощение. Бутербродов и огурцов с помидорами, как водится, оказалось мало, и они быстро кончились, водки — очень много, и она еще некоторое время прожила после похорон закуски.

А главное, шли интереснейшие литературные споры, какое еще имущество бывшего Союза писателей СССР захапали себе те или иные руководители разных новых творческих организаций. Но и эти «высоко духовные» беседы иссякли. Тут Егерь вспомнил, что его пригласило на предновогодний банкет руководство издательства «Романное время». Он глянул на экран мобильного и увидел, что там все уже полтора часа, как началось, и он поспешил. Другой прозаик, Сергей Сахалинцев, смело заявил, что составит ему компанию, дабы с Егерем ничего не случилось

— Куда едет Сашка Егерь, там всегда интересно, — сказал он.

— Так что у тебя с глазом-то? — по пути настойчиво добивался правды собрат по литературному цеху, поскольку в конце декабря, причем не солнечного, а вьюжного, человек в темных солнечных очках, как у спайдермена, выглядел весьма подозрительно.

— Ну что ты придолбался! — с неохотой открывая правду, проскрипел Сахалинцев. — Ну, дома я не ночевал вчера и... сам понимаешь.

— Кулаком?

— Да нет, вот так вот наотмашь хряснула, а на пальце перстень. Который я сам же ей, дурак, и покупал на пятнадцатилетие свадьбы. Бровь рассекла. Кровища...

— Понятно. Высокие у вас отношения. Я имею в виду, что она тебе не в пах и не в коленку, а в бровь.

— Выше только лобешник, — мрачно усмехнулся Сахалинцев, и снова поглядел на свои часы, коими весьма гордился.

— А я вот терпеть не могу ничего на руке носить, — сказал Егерь. — Хорошо, что теперь мобильники есть, можно по ним время узнавать.

— А если зарядка кончится?

— Это ты прав, у меня, кстати, на последнем зубчике.

Настроение у обоих, даже несмотря на черные очки, становилось все лучше и лучше.

— «Романное время» должно неплохо проставиться, — сообщил Егерь. — Их какой-то банк взял под свое крыло.

— Банкиры эти... Народные кровососы. Не зря таких в семнадцатом... — Вид у Сахалинцева сделался еще более зловещим. И без того он был из тех красавцев, которые в фильмах обычно без жалости крошат других персонажей, а те воспринимают это как должное. — Кстати, мы еще покажем этим буржуйам недорезанным! — хмыкнул спайдермен.

— Однако водочка-то действует! — бодро воскликнул Егерь, хотя его шатало в этой мутной и нереальной предновогодней действительности. — Что-то не могу припомнить, какая там именно Брестская... То ли Вторая, то ли Третья...

— По-моему, вообще Четвертая.

— Нет, не Четвертая. Погоди!

Егерь достал мобильник и набрал номер приятеля из «Романного времени»:

— Алло! Андрюша, это мы. Мы уже подгребаем.

— Где вы, епэрэсэтэ!

— Да мы уже мимо Владимир Владимировича прошли.

— Какого еще Владимир Владимировича? Путина? Вы что там, нажратые?

— Маяковского мы прошли! Андрюша, какая Брестская, Вторая или Третья?

— Ну вы и впрямь, как видно... — начал приятель, и на том его миссия завершилась.

— Блин! — крикнул Егерь ветру и снегу. — Мобила, сволочь, села! Доставай свой мобильник!

— Нету, — мрачно ухмыльнувшись, сказал человек в черных очках.

— То есть?

— Я ее на днях потерял. Я, как напьюсь, всегда мобилу теряю. Или еще хуже — возьму и в сугроб зашвырну зачем-то.

— Зачем, зачем! Чтоб жена не звонила! Пошли так, горе мое!

И они отправились дальше разгребать руками ветер снегопада. Егерь помнил, что надо с Брестской свернуть в первый двор, и там в каком-то углу будет скромная вывеска «Ресторан», без каких-то иных условных знаков. Но когда продуваемые всеми невзгодами приятели свернули в первый двор, там можно было наблюдать любые подробности современной русской жизни, кроме ресторана. Кто-то дрался, кто-то смеялся, кто-то лаял, по всей видимости, собака, но никакая любезная вывеска не предвещала продолжения веселья.

— Значит, Третья, — сказал Егерь.

И дальше началось нечто подобное тому, когда черт украл с неба луну, и щирые предки нынешних майданутых парубков шастали по предрожденственной малороссийской пурге. Ветер становился все злее и злее, будто мстил двум клятым москалям за голодомор. Снег, словно изготовленный из колючей проволоки фабрики «Добрый гулаговец», царапал им лица, ноги вязли в снежном крошеве и отказывались служить в качестве вездеходов.

— Ничо, зато протрезвеем! — ревел сквозь вьюгу Сахалинцев.

— В сугробе! — стучал зубами Егерь. Несмотря на длинное кожаное пальто, ему становилось все холоднее и холоднее. Приятель и вовсе был в довольно легкой куртке, и его следовало первым в операционную, сразу на стол. В мареве пурги белое лицо Сахалинцева в черных очках светилось, как череп и кости на «Веселом Роджере».

— О! — вдруг сказал Веселый Роджер. — Саня, мы спасены. Девушка! Девушка! Да куда же вы?

Но девушка оказалась весьма благоразумной, да и следовало быть полной дурой, чтобы откликнуться на зов человека в черных очках.

— Дура! — воскликнул прирожденный убийца.

— Умная, — засмеялся Егерь, удивляясь, что в нем начало просыпаться остроумие. — Глянь, Серега! — Они остановились перед какой-то витриной, в которой тускло светилось зеркало, и глянули на себя. — Ни дать ни взять, крупный мафиози со своим телохранителем.

— Еще ты в этом пальто похож на штумбарфюрера, — заметил Сахалинцев.

— Штурм-бан-фюрера, — поправил его Егерь. — О, я, кажется, трезвею, могу такие слова произносить.

— Молодой человек! Сто рублей даю! Одну минуту с вашего мобильного позвонить!

— Этот тоже не враг себе.

И они снова двинулись искать в снежной разноголосице Брестских улиц тот заветный дворик с вывеской «Ресторан», сулящей тепло, спасение, жизнь.

— Слушай, Сань, это, кажется, уже Восьмая Брестская.

— Какой-то патриот-белорус строил тут дома.

— Козел он, а не патриот! Неужели нельзя было назвать одну улицу Брестской, другую Минской, третью Литовской, четвертую Шауляйской?

— Пятую — Шаляйваляйской. Вообще-то этих Брестских только четыре.

— Но мы уже ходим целый час в этих четырех Брестских соснах!

— Зато трезвые как сволочи.

Неожиданно нарвались на врага самому себе. Какой-то добрый и не пуганый гражданин подверг свой мобильник риску и даже отказался от предложенных ста рублей. Но счастья это не принесло.

— Надюш, Надюш, не бросай трубку, пожалуйста! — заговорил Сахалинцев, изыскивая в своем скрипучем голосе не самые царапающие нотки. — Мы тут с Саней Егерем не можем на конференцию попасть. Ее Андрюха Точкин организует. У тебя ведь, кажется, есть в твоём мобильнике... Ну, зачем же так!.. Мы тут замерзнем на фиг!.. Спасибо большое, извините за беспокойство, — горестно вернул он средство связи неосмотрительному прохожему.

— Что она тебе сказала? Шедевр ораторского искусства?

— Сказала: «Катись к той, у которой ночевал». Но ведь речь шла не об этом.

— Сочувствую. Скорее всего, ты ночевал у Снежной Королевы. Она вот-вот распахнет нам свои объятия.

И несчастные «штурманфюреры», как некогда под Москвой и Сталинградом, снова пустились месить ногами коварный русский снег, разгребая руками безжалостную пургу.

И вдруг снова:

— Саня! Мы спасены!

В очередном дворе они увидели... Нет, не вывеску «Ресторан» — двоих официантов. Эти два ангела в черных брюках и белоснежных сорочках, на которые под горло приземлились синие бабочки, стояли на крыльце и курили.

— Саня, я все понял! Надо было не от Маяковки, а от Белорусской площади топать.

— Судя по местонахождению, да. Здравствуйте, мы к вам!

— Здравствуйте! — Оба официанта подчеркнуто вежливо вытянулись вверх на своих ангельских крылышках, но из-за упитанности не смогли взлететь. — Вас там уже заждались.

— Еще бы! — воскликнул Егерь и вдруг ощутил, как от нахлынувшего счастья в него бурным потоком стало возвращаться мощное опьянение.

— А где ваша машина? — спросил один из официантов, распахивая перед обмороженными «эсэсовцами» дверь.

— Сломалась, — махнул рукой Егерь. — Фигня, ща позвоним, новую купим.

Тепло-о-о! Оно распахнуло свои объятия, как сделал бы рай, если бы Господь Бог вдруг отменил приговор Адаму и Еве и добродушно позвал их обратно. Егерь и Сахалинцев полными легкими вдохнули в себя спасительную смесь из запахов пищи и сигаретного дыма, валившего им навстречу из огромного зала, в котором застолье шумело так, как может шуметь на третьем часе своего течения.

— А вот и мы! — воскликнул Егерь, на секунду заглянув в пасть развеселого пиршества.

— Урррраааа!!! — закричала пасть. — Наконец-то!!! Скорее!!!

— Слава тебе, кончилась чертовщина, — проскрипел Сахалинцев, вместе с приятелем подходя к гардеробу и с трудом стягивая с себя куртку окоченевшими пальцами. Тотчас к ним подбежали прислуживающие, помогли освободиться от верхней одежды, повели в спасительный зал.

Опьянение, казалось бы, навсегда ушедшее во время блуждания по Брестским улицам, теперь навалилось с чудовищной силой, да так, что Егерю начало казаться, будто его поместили в аквариум. Черные очки Сахалинцева и вовсе ничего не видели, потому что вмиг в тепле запотели, а снять их и протереть Серега стеснялся — сил не было придумывать героическую историю получения блямбы под бровью.

Стол стоял буквой П. Подальше, за верхней перекладной, нетрудно было различить, хоть и расплывчато, Андрюху Точкина. Рядом сидел некто, похожий на знаменитого актера Божкова, сыгравшего стержневые роли в таких эпохальных фильмах, как «Миллионер» и «Форточник». Приятно, что и Андрюха, и этот псевдо-Божков встали и дружескими жестами поприветствовали Егеря и Сахалинцева, скрестив кулаки и помахивая ими над головой, как, бывало, делали члены политбюро ЦК КПСС, стоя на трибуне мавзолея во время демонстраций.

Новоприбывших посадили на правой ноге буквы П, тотчас подбежали официанты:

— Чего изволите?

Пьяная наглость, поселившаяся в Егере, ответила:

— Водки самой лучшей, сразу стакан. Икру. Сигару.

— Икру какую?

— А что, есть и черная?

— Имеется.

— Ее.

— Сигару какую?

— «Ромео и Джульетта» есть?

— В больших количествах.

— С ума сойти!

— Мне все то же, что ему, — мрачно произнес убийца в черных очках. — Видать, и вправду, банкиры, блин!

Когда через минуту перед ними образовалась бадейка черной икры, в бокалы полилась серебром водка, а по правую руку возникли пепельницы и квадратные блюдечки с кубинскими сигарами, стало окончательно ясно, что они оба уснули в сугробе, и все это — лишь блаженный предсмертный бред. Тем не менее и в бреду человек способен чокнуться с приятелем, махнуть полный бокал водки и закусить черной икрой. Оппа! Нет, погодите...

— За наших самых долгожданных гостей! — воскликнул похожий на Божкова, опрокинул в себя изрядную порцию напитка и скомандовал: — За здравную цыганскую!

И все застолье вмиг разразилось лихим и громогласным:

Хор наш поет припев старинный,

Вина полились рекой.

К нам приехал наш любимый

Александр Палыч дорогой.

Саша, Саша, Саша!

Саша, Саша, Саша!

Саша, Саша, Саша, Саша,

Саша — пей до дна!

Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

И, выливая в себя стакан водки, Егерь со смехом подумал: «Вот дураки! Я же Юрьевич!» Тотчас он приземлился на стул, схватил кусок лаваша, густо намазал его черной икрой, закусил. Точно, черная, и не поддельная, а самая настоящая, астраханская, милая наша, забытая-перезабываемая. Будто ушедшая молодость вдруг заглянула, чтобы проведать, как ты тут, в своей зрелости.

— Охренеть! — восхищенно воскликнул Сахалинцев. — Сто лет ее не ел!

— Да? — развалившись на стуле, с презрением спросила поселившаяся в Егере наглость. — А я каждый день ее жру. Надоела. Хочу чего-нибудь с трюфелями.

— С трюфелями у нас есть бланбидюль, — тотчас прожурчал над ухом любезный голос официанта.

— Валяйте ваш бланбидюль! — заявила наглость.

— Простите, а вас как величать? — спросил Андрюха, обращаясь к Сахалинцеву.

— Ну, ты даешь! — воскликнул Егерь. — Это же Серега Сахалинцев. В очках, что ли, не узнал? Видать, уже крепко накатил.

— А по отчеству?

— Сергеич.

— За нашего второго гостя! — произнес Андрюха, и Егерь вдруг усомнился, а Андрюха ли это?

Хор снова запел припев старинный, вина полились рекой, к нам приехал наш любимый, Сергей Сергеич дорогой... И так далее, до дна.

— Надо было мне сразу свое отчество Точкину напомнить, — проворчал Егерь, махнул, но теперь только полстакана, по-видимому, великолепной, но какой-то безвкусной водки, снова закусил черной икрой, а ему уже и бланбидюль подали. И тоже какая-то безвкусная эта бланбидюль. Нет, лучше и дальше черненькой закусывать, пока дают. — И толкнул Сахалинцева: — До чего же этот хмырь рядом с Андрюхой на артиста Божкова похож.

— Ты только не падай со стула, — мрачно отозвался спайдермен. — Это и есть Божков.

— В смысле?

— А рядом с ним не Андрюха Точкин, а режиссер Дерюжкин.

— Дерюжкин?

— Ну да, который «Подробности русской бани».

— Погоди, Серега... Но...

Егерь внимательно всмотрелся и теперь уже точно видел, что во главе стола сидят Божков и Дерюжкин, известные люди отечественного кинематографа.

— Пипец! Мы не туда попали, — все больше мрачняя, сказал Сахалинцев.

— Да не может этого быть!

Хорошо, что играла музыка, и никто не слышал, как двое представителей литературы медленно постигали реальность.

С огромным трудом отодвигая плечом опьянение, Егерь продолжал всматриваться в то, куда они попали. На крыше буквы П, и впрямь, сидели

знакомые по экранам актер Божков и режиссер Дерюжкин, их облепливали и облапливали пьяные киномузы, целовали их, шептали им что-то на ухо. Много мест на левой и правой ногах буквы П пустовало, поскольку то, что должно было пустые места заполнять, теперь танцевало под грохочущую музыку.

— Нас приняли за каких-то богатых спонсоров, — произнес мрачный Сахалинцев. — А если придут настоящие — нам конец!

— Не гунди, я уже и без тебя все понял, — ответил менее мрачный Егерь. — Как бы то ни было, перед смертью черной икры нажремся.

— Надо линять!

— Брось ты! Судя по всему, они меня принимают за босса, а тебя за телохранителя. Ты же хотел в кино сниматься. Пойдем, я тебя представлю элите современного кино. Попрошу за тебя.

— Дурак!

— Отчего же? Будешь играть суперкиллера. Он ходит по завьюженной Москве, просит мобильники и убивает, убивает...

— Линять, говорю, надо!

— Икру доедим и слиняем.

— Поздно будет, Санек!

— И как ты через свои очки все первым увидел?

— Санек, очухайся! Линять! Мы деловые люди, нам подолгу нельзя засиживаться. Нас ждут партнеры, чемоданы с баксами.

Егерь хорохорился, но белка испуга суетливыми прыжками все же проскакала по его веткам, и от этого почему-то забурлило в животе.

— Что-то у меня газы... От икры, что ли?

— Чего?

— Я говорю, у меня в животе опера Пуччини.

— Какая именно?

— «Филио пердутто».

— А разве такая есть? А, понял. Сходи в тубзель.

Егерь устремился к туалету. Но дойти до него не смог. Его вдруг подхватила одна из танцующих:

— Разрешите потанцевать с вами? — и дерзко закружила его в танце.

Танцуя с ней, он озирался по сторонам, а потом спросил:

— Почему у вас девушки танцуют отдельно, а мужчины отдельно?

— Потому что это не мужчины.

— В смысле?

— В определенном. У вас, в вашей отрасли, должно быть, такого не бывает.

— Какого? А, понял. Что, неужели и впрямь?

— А вы как думали! Да нет, шучу, не все. Но частично.

— По-моему, это противно.

— По-моему, тоже. Но в нашей среде к подобному привыкли. Вот вы, сразу видно, мужчина. О вас ничего такого не подумаешь. Скажите, вы — нефть?

— Я? Нефть?!

— Ну да, так вроде бы о вас говорили.

— Что ж, и нефть, и газ, и черная икра... — ответил Егерь.

С трудом дотанцевав, он попросил извинить его и устремился в туалет. Там заперся в кабинке и стал размышлять о том, что, если появятся настоящие, как-нибудь все сойдет с рук, прошли времена, когда таких, как они, везут заливать цементом и ставить в качестве одной из стен новостройки, которую столь вождественно ждут вкладчики-дольщики, изнывающие под игом ипотеки. Ну, поржут, потом прогонят. Вынесут и — раз-два-три — швырнут в московские сугробы.

Кто, блин, придумал эти Брестские! Вот бы накостылять тому!

Выйдя из места временного заточения, Егерь наткнулся на очередного услужливого служителя.

— Позвольте вам показать, там для вас приготовлены подарки, — проговорил он шоколадным голосом и повел Егеря еще куда-то. За открывшейся там дверью писатель увидел стойку бара, высокие стулья с круглыми сиденьями и сидящих на них девушек разного сорта, но одного и того же предназначения.

— Вот, — сказал обладатель шоколадного голоса, — выбирайте. Здесь есть специальные помещения. Качество — суперевро.

— За кого вы меня принимаете! — решительно отсекся от греха Егерь.

— Понимаю, не сейчас, — кивнул служитель. — Позже.

— И позже тоже. Можете объявить классу, что урок окончен. Пусть идут домой делать уроки, — и мнимый заправила газовыми богатствами страны отправился искать своего телохранителя.

— А вот и он! — воскликнул Сахалинцев, предлагая Егеря актеру Божкову и режиссеру Дерюжкину. Они стояли на фоне танцующих и, видно, ожидали его, желая что-то перетереть. — Позвольте вас познакомить с моим боссом.

— Очень приятно, — пожал Божков руку Егерю.

— Рад с вами познакомиться, — пожал ее и Дерюжкин.

— Александр Павлович, вы нас извините, — ласково произнес Божков, — нам пора ехать. Вы привезли?

— Деньги? — догадался Егерь. Не зря, все-таки, инженер человеческих душ. Он сунул, было, руку во внутренний карман пиджака, где лежало

портмоне с тремя тысячами рублей, но мгновенно спохватился: речь, очевидно, идет совсем об иных суммах, которые приезжают в чемоданчиках, и там обнажаются зеленоватые пачки с одним из первых американских президентов, или лиловые пятисотенные «еврики».

— Простите, но мы, кажется, договаривались, что завтра подвезут прямо в ваш офис, — забормотал Егерь, но наглость взяла слово вместо него: — Вы что же это, голубчик! Не солидно как-то, знаете ли.

— Завтра? — спросил Дерюжкин и жалобно заморгал глазами на Божкова.

— Хм... — замылся великий актер современности. — Простите. Вероятно, и впрямь, какая-то недопонимаемость.

— Посерьезнее надо относиться к таким делам, милый мой, — продолжала наглоть наглость. — Суммы-то немалые. А вы, как я вижу, привыкли все нахватом брать.

Егерь глянул на своего телохранителя и увидел, как у Сахалинцева едва не свалились с бледного лица черные очки.

Божков внутренне возмутился, и видно было, каких трудов ему стоило не швырнуть в морду «бизнесмена» что-нибудь неслыханно дерзкое и столь же непоправимое.

— Я понял. Приношу свои извинения, — по-киношному играя желваками, промолвил он.

— Извинения... Стыдно вам, деятели культуры! — продолжала наглость. Такого от нее Егерь и сам не ожидал. — Просите немереное баблице да еще ставите тут свои условия. Вот захочу... Ладно, не бойтесь, гражданин Смоктуновский, я пошутил. — И безудержная наглость размашисто хлопала Божкова по плечу.

— Лестно, — еле сдерживая себя, зло процедил Божков.

— Что лестно?

— Что вы меня со Смоктуновским сравнили.

— И, кстати, я не Александр Павлович, а Александр Юрьевич.

— Простите, но на вашей визитке, которую мне передали...

— Мало ли, что там на визитке! Так надо.

— Значит, завтра?

— Мое слово — закон.

— В таком случае, разрешите нам откланяться.

— Не при царях живем, чтобы кланяться тут. Давайте быть проще. Айда, на посошок дерябнем.

— Извольте.

Актер с режиссером и Сахалинцев с Егерем подплыли к поляне.

— Я сам налью, — сказал Егерь, взял бутылку водки и налил по полному стакану Божкову и Дерюжкину, затем себе и Сахалинцеву. — И без заку-

ски, товарищи. Предлагаю выпить за нефть и газ! До дна. По полному стакану. И за черную икру!

С ненавистью глядя на него, Божков выпил. Дерюжкин поперхнулся на половине стакана, а Сахалинцев — молодец, справился безупречно. Но жалобно спросил:

— Точно, что без закуси?

— Точно! — рявкнул Егерь. — А вы, режиссер, допейте, допейте. До дна. Как там в вашей цыганской...

Дерюжкин беспрекословно выполнил требование мнимого спонсора.

— Ну вот, а теперь можете нас покинуть.

— Всего доброго, — пробормотал Дерюжкин, протягивая руку, но наглость махнула крылом: вали уж, мол, так, без дурацких этих рукопожатий.

— Ждем завтра. Всего доброго, — произнесли злые желваки, и оба кинематографиста покинули «арену цирка».

— Ну, ты даешь, парень! — глядя им вслед, восхитился Сахалинцев. — Даже от тебя не ожидал такого. Нам, брат, тоже пора валить. Я, представляешь, после этого стакана за нефтегаз трезветь начинаю.

— А ты как думал, — отозвался Егерь уже откуда-то из убегающего от него пространства и времени.

— Ты закуси, Сань, закуси, — видя, как приятель на глазах обмякает, всполошился спайдермен.

— Танцевать! Танцевать! — тотчас спрыгнула к ним откуда-то с лиан та обезьянка, которой Егерь сообщил, что он газ. Музыканты громко заиграли, и все закружилось в танце, в котором было так весело и одновременно страшно.

И как совсем еще недавно пробирались сквозь пургу, так теперь Егерь и Сахалинцев раздирали тайгу танцевального марева, отплясывая за нефть и газ.

— Саня, пора рвать когти! — время от времени орал в ухо приятелю Сахалинцев, но сам при этом никуда не спешил, что-то крича сквозь музон на ухо приглянувшейся ему актриске.

— Мы с моим боссом прошли и Крым, и Рим, и Кагалым, — слышал Егерь голос Сереги. — А скоро вся нефть наша будет.

— И газ! — добавлял Егерь. А наглость теперь уже шла на попятную и заклинала его: «Вали отсюда, Сашуля, вали, милый!»

Потом сидели за столом, и Сахалинцев рассказывал:

— Босс посылает меня к должникам. Я обычно просто прихожу, смотрю на них и спрашиваю: «Вы все поняли?» Потом снимаю очки, дышу на стеклышки, протираю и снова надеваю. Потом медленно разворачиваюсь и медленно ухожу. А к вечеру должок уже на столе у босса.

— А снимите очки!

— Не положено. Только в исключительных случаях.

И снова танцевали. И снова уговаривали самих себя, что пора, давно пора валить отсюда.

А потом — как и полагается по замыслу великого творца комедии «Ревизор» — немая сцена. Но совершенно в новой режиссерской трактовке. Сквозь пьяное сознание до Егеря дошло, что приехали настоящие, именно те, которых здесь и ждали. Точнее, один. Довольно воспитанный мужчина, он потирал ручки в предвкушении встречи с представителями творческой кинематографической элиты. И вовсе не кабан какой-нибудь, а вполне даже интеллигент. А Сахалинцев, в общем-то, человек добрейшей души, стоя перед ним в позе Шаляпина, объявлял:

— А я тебе говорю: катись к той, у которой сегодня ночевал!

— Я не понял, вы, кажется, пьяны и зачем-то стоите тут передо мной. А где господин Дерюжкин и господин Божков?

— Господа все за границу сбежали. Не за горами семнадцатый год! — говорил голос Егеря, словно отдельно от своего владельца.

— Вот именно, — рычал Сахалинцев. — И ты проваливай! Скоро таких, как ты, всех расстреляем.

Потом помнилось, как они схватили у гардеробщика кожаное пальто до пят и продуваемую куртку, накинули это на себя — метель нам нипочем! — вышли из спасительного тепла, увидели, как матерый бритоголовый «убийца» направляется к ним, и побежали. Бежали, бежали и бежали — сквозь пургу, сквозь сорок тысяч Брестских улиц, мимо памятника Маяковскому, и лишь на эскалаторе метро, оглянувшись и не видя страшной погони, смогли выдохнуть:

— Ну, й-оперный театр!

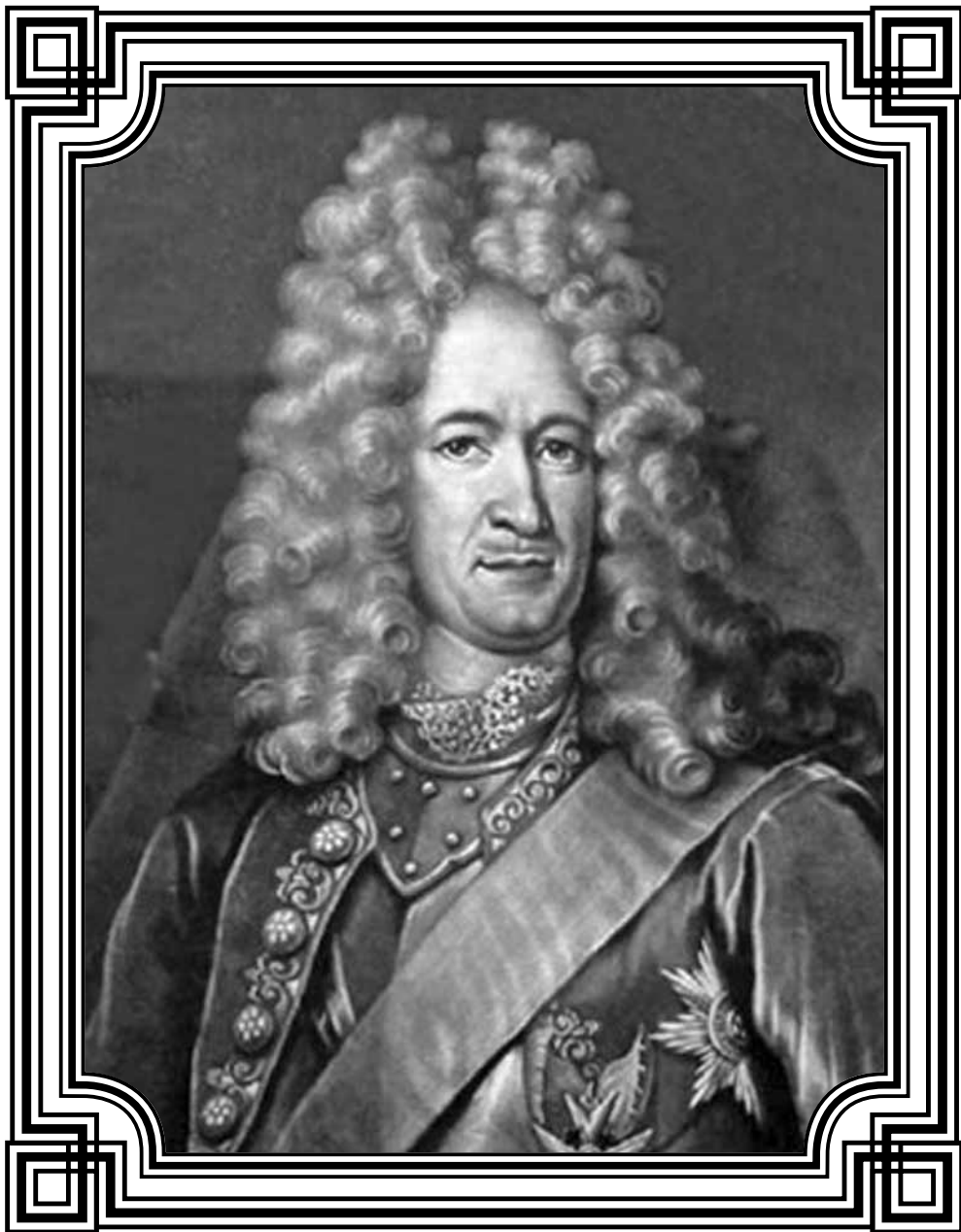
— Кажись, босс, спасены! □

Дмитрий Зелов

ДАНИЛЫЧ

«Стыдно русскому человеку не знать о жизни и смерти такого человека, каков был князь Александр Данилович Меншиков. Недаром любим он был от величайшего в свете Государя; человек был отменного разума».

Граф И.Г. Чернышев

Наконец-то за долгую, суровую зиму выглянуло солнце, и подул долгожданный теплый ветер. Из избушки, больше похожей на землянку, вышел старик и, щурясь на солнце, ласково улыбнулся. Но улыбка получилась какой-то скомканной. Неизгладимые ничем тоска и боль, казалось, навечно впечатались в его лицо, превращая любую улыбку в жуткую гримасу. Взяв стоявший у двери посох, старик пошел к деревянной церкви острога.

Дежуривший в это утро часовой, заметив старика, окликнул его и радостно помахал рукой. Он, как и другие стражники, очень любил беседовать (хоть это и было строжайше запрещено!) с этим странным и удивительным арестантом. Старик, правда, все больше молчал, но иногда на него словно что-то находило (да и скука здесь, в сибирской глуши, смертная, за полгода человека живого не встретишь!), и тогда он рассказывал порой такие вещи, что у его стражников волосы вставали дыбом. Про императора нынешнего Петра II, министров там всяких разных первых, и даже великого государя Петра I. Старику больше не верили, думали, что врет али умом малость тронулся. Но и не верить вроде как было нельзя — зря его, что ли, тогда под таким конвоем привезли и приказали крепко-накрепко охранять, дабы не сбежал. Иначе... не сносить им всем головы.

Только вот... куда отсюда бежать-то, из Березова энтова? Удостоверившись, что чудной арестант и не

пытается сбежать, стражники в нарушение инструкции разрешили ему свободно гулять по крепости и даже выходить за ее пределы. А старик, добрая душа, задаром научил их грамоте, да и церковь вскоре деревянную срубил — а они ему помогали. Раньше жили вообще, ну медведи и есть медведи в берлоге, слова Божьего не знали — одно пьянство, карты, драки. А старик на путь истинный всех наставил, к церкви приобщил. И даже сам в ней служит. Вот и сейчас идет ее отпирать.

Пока дежурный часовой, заглядевшись на загадочного арестанта, предавался раздумьям о превратностях жизни, старик подошел к церкви, присел на завалинку перевести дух, прикрыл глаза и, казалось, задремал.

Вдруг какой-то незнакомый ему голос начал отчетливо произносить: *«Светлейший Святого Римского и Российского государства князь и герцог Ижорский, наследный герцог Аринибургский и Батурицкий, его императорского величества все-российского над войсками командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, государственной Военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, подполковник Преображенской лейб-гвардии, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов Святого апостола Андрея, датского Слона, польского Белого и прусского Черного орлов и Святого Александра Невского...»*

От этих слов лицо странного арестанта вновь исказила жуткая гримаса. Старик попытался, было, прервать свои воспоминания, но не получилось. Сколь он ни силился, сколь ни пытался здесь, в этой сибирской глуши, отвлечься, отрешиться от всего, что связывало его с прошлым, — но не мог. Проклятая память вновь и вновь с какой-то нечеловеческой силой возвращала его туда, где он был Александром Даниловичем Меншиковым, полудержавным властелином.

...Воспоминания менялись так быстро, ну, точь-в-точь как в том диковинном калейдоскопе, который он приобрел тогда в Амстердаме, когда юный Петр взял его в свой заграничный вояж, бежали, наслаиваясь друг на друга. *«Так и вся жизнь была — все бежал, торопился, старался поспеть за бешеной энергией Петра. Вместе ведь Россию выводили "на феатр мировой славы". Теперь все, спешить некуда. Тьфу, опять этого проклятого хохла вспомнил! И какую же змеюку пригрел государь на шее. Не слушал меня, говорил, тот верой и правдой служит России на ниве духовной. Мазепе он ведь тоже верил, считал, что не найти гетмана умнее и лучше. Дьявольским тот ум оказался. Однако поделом ему: и он, и король швейский получили по заслугам. Бог все видит!.. Но зачем они мне теперь все? Я сполна наказан за свою гордыню. Прав ведь был тот проклятый хохол: прегордый Голиаф — это я. А ведь можно было вовремя остано-*

виться... Хотя чего уж там, о другом надо теперь думать, о Вечном, только грехи тяжкие, видать, покоя не дают, все в прошлое тянут...»

Проклятые воспоминания постоянно донимали бывшего светлейшего князя, мучили и терзали его вновь и вновь, не давали покоя, постоянно возвращая туда, в прошлое. Он пытался спастись работой, тяжелым физическим трудом — прошлое донимало его и здесь. Нарва и Гангут, Полтава и Петербург, Москва и Рига, царевич Алексей и Анна Монс, Брюс и Станислав Понятовский, Шафиров и голштинский герцог, — все эти города и страны, фигуры и лица сливались в какой-то жуткий, фантастический клубок, где каждый от него чего-то хотел, требовал, просил, заискивал, проклинал, унижался, умолял. Правда, среди этой дикой мешанины выделялось одно — столь яркое и четкое, что, кажется, протяни руку, и вот оно, рядом....

... Осень одна тысяча осмисот двенадцать седьмого года от Рождества Христова медленно, но верно вступала в свои права. Александр Данилович проснулся на редкость в хорошем настроении. Выйдя на балкон своей любимой загородной усадьбы Ораниенбаум, он посмотрел вдаль, потом перевел взгляд на нижнюю террасу дворца. Сегодня предстояло осмотреть дворцовую церковь, готовившуюся к освящению. На торжестве Меншиков ждал юного императора, с которым из-за тяжелой болезни летом вынужденно потерял кон-

такт. Боялся, что не встанет уже с постели. Но нет, слава Богу, все позади. Теперь вот церковь наречена будет в честь целителя Пантелеймона, молитвами которого и поднялся... Празднично одевшись, светлейший князь нахлобучил на лысеющую голову напوماженный парик, густо пересыпанный мукой, и стал спускаться к храму. Войдя внутрь, перекрестился — никак душа не успокоится, тягостно ей.

Храм был залит ярким солнечным светом. Красота-то какая! Императору должно понравиться. Меншиков еще раз придирчиво оглядел все вокруг. Краем глаза светлейший заметил, что при любом повороте его головы все собравшиеся в церкви низко-низко кланялись. Вдруг он почувствовал, как предательски кружится голова и начинает мутить. Нет, только не это — нельзя упасть в церкви на глазах у всех, никак

нельзя. Только ведь оправился после болезни. Рядом стояло роскошное позолоченное кресло, и он буквально провалился в него. Невеселые мысли вновь, словно туман перед глазами, окутали Александра Даниловича.

Казалось, всего, что возможно вообразить, он уже достиг. Никто даже близко не мог сравниться с его богатством и знатностью, влиянием на российские и мировые события. Да, его боятся, презирают и ненавидят, зато как завидуют! Да и кто, скажите на милость, не хотел бы хоть на час — да что там на час, на минуту! — оказаться на его месте вершителя судеб необъятной империи, властелина полумира?!

Остается сделать лишь один, последний шаг — сочетать законным браком Машеньку, доченьку старшенькую с ее женихом, императором Петром II, малолетним внуком

великого Петра. Благо обручение уже состоялось. И ничего, что дочь старше. Хоть и красивая девка, а дура, ну что с нее взять?! Ишь, выдумала, не мил ей император, младше ее! Да еще и норов свой осмелилась показывать, пойду только за Сапегу. Да могли ли раньше дети вообще умыслить, чтобы родителей не слушать, перечить им?! К тому же Петр развит не по годам, никогда и не скажешь, что двенадцать. По виду — так тоже шестнадцать, как и Маше. Но, славу Богу, Господь все сам устроил. Где теперь этот Сапега, и кто Мария — государева невеста! Всего один шаг остался, и он, Меншиков, счастливый отец, тесть юного императора!

Меншиков очнулся, посмотрел на часового, который стоял, выпучив глаза и с открытым ртом, и мысленно продолжил немой диалог с самим собой:

«Да, конечно, за все нужно платить, но ведь он и заплатил за свое положение сполна. Как познакомился с Петром — так все время и был с ним везде и всюду, трудился без сна и роздыху на благо великой России. Работал наравне с государем, как одержимый, проклятый. Ведь другие не поспевали за Петром, задыхались, угнаться не могли. Только он, Меншиков, мог выдерживать его буйный нрав, поспевать за неугодным, неуемным Петром везде и всюду. А что говорят, что лишнего из государевой казны к рукам прибрал, так только для себя, что ли? Обвиняют, что роскошнее его дома

на Васильевском нет в Петербурге. Ну, а где царь-батюшка послов иностранных всегда принимал, где племянницу свою Анну замуж выдавал, где дочери его любимые Лиза с Аней росли?! Правильно, у него, у Меншикова. И все за его, Меншикова, кстати, счет было. А чуть что попросишь у государя-то на расходы немалые, так либо на потом отложит, либо такую затрещину отвесит, что и просить забудешь.

Понятно, как пировать-танцевать чуть ли не каждую неделю, так все к нему, к Меншикову съезжаются, не в петровской же лачуге дипломатов заморских принимать, только державу позорить. Да и виноват ли он, если Петр по природе своей такой скупердяй. А все эти гости распрекрасные его хлеб-соль едят, а после хором: "Меншиков — плут, вор, под суд его!" А Петр его же и укоряет — мстителен ты, мол, Данилыч, друзей нет.

А какие, скажите, могут быть друзья по такой жизни?! Да и с кем дружить-то? С графом Толстым или Скорняковым-Писаревым, что ли? Только и ждали ведь, как подножку посильнее подставить, в грязь его втоптать. С доносами к Екатерине бежали, думали, найдут на него управу. Сполна свое получили. И поделом. Где они теперь?! Наш распрекрасный граф Толстой на Соловках в монашеской келье гниет! Так ему и надо, старому хрену! Не зря великий Петр никогда этой хитрой лисе до конца не доверял. Ишь удумал, всех вельмож подговаривал, чтоб меня свалить. Выскочкой дразнил, пи-

рожником укорял. Только я-то здесь, а ты, граф, на Соловках крысам про свою древнюю родословную рассказывай. Времени у тебя впереди много...

А правдоруб наш, Скорняков-Писарев, где теперь обитает?! У Тихого океана, на краю света. Все других пытался на чистую воду вывести, правду-матку про него, Меншикова, всему Верховному тайному совету с государыней рассказать. С себя бы лучше начал. Впрочем, теперь на новом месте будет у него возможность честную жизнь начать. А то у других соринку в глазу, а у себя...

Остальное помнилось смутно. Все произошло настолько быстро и внезапно, что он ничего не успел предпринять. Помнил, как юный император отказался с ним встречаться, как объявили арест, выдвинули какие-то нелепые обвинения в государственной измене. Мол, был он, Меншиков, шведским шпионом и хотел стать императором вместо Петра II. А потому и сидел в предназначавшемся для государя кресле в дворцовой церкви Ораниенбаума. Дерзость неслыханная!

Память высвечивала какие-то короткие обрывки: как спешно соби-

Проклятые воспоминания постоянно донимали светлейшего князя, мучили и терзали его вновь и вновь, возвращая туда, в прошлое, где каждый от него чего-то хотел, требовал, просил, унижался, умолял, — все эти фигуры и лица сливались в какой-то фантазмагорический клубок...

Ну вот, значит, остались одни Долгорукие. Покончить бы сразу с этим осиным гнездом. Одним ударом. Только не просто это. Ишь, словно тля, государя императора, Петрушу моего облепили, соки пьют. Ничего, вот Остермана возьмем в союзники (славный он, умный немец), вот тогда всей этой напыщенной аристократии...»

Чей-то кашель, гулко отозвавшийся под сводами церкви, вывел светлейшего из его сладостно-мстительного дремотного оцепенения, и он открыл глаза.

рались в ссылку всей семьей в своем доме на Васильевском острове, плач жены Дарьюшки, топот грязных сапог чужих людей в его доме. Как добирались до Березова, смерть в пути любимой жены, с которой даже проститься толком не дали, ироды, едва похоронить успел. Потом уже в Березове с детьми от голода и холода спасались, сам он избушку свою строил. Ничего, выжили, обустроились. На все воля Божия...

...Едва подразнив сибирскую глухомань погожими теплыми деньками,

короткое северное лето надолго убежало из Березова. Для Меншикова оно прошло в трудах и заботах о хлебе насущном. Удивительное дело — прошлое наконец-то перестало тревожить его, и на душе стало спокойно. В начале осени проезжий офицер, с которым Меншиков был знаком еще по Петербургу, сделал остановку в Березове. Он долго и пристально глядел на Александра Даниловича и, наконец, признал в арестанте бывшего светлейшего князя. На вопрос, как же он теперь может жить обыкновенным простолюдином и трудом рук своих добывать себе на пропитание, Меншиков с достоинством и спокойствием ответил: *«Я всего лишь бедный человек, каким был от рождения. Бог возвысил меня над другими, но чрезмерная гордыня моя не знала предела. И тогда я вновь был ввергнут в прежнее свое состояние. Славлю Творца, что смирил меня и указал мне истинный путь»*. Пораженный офицер молча уехал.

Осень в тот год подкралась внезапно. Была она на редкость суровой и холодной. Сначала занемогла его любимая дочь Машенька, государева невеста. Порушенная невеста. Как отец до конца своих дней каялся, что сломал дочери жизнь, и умолял простить его! Маша уже почти не могла говорить, ласково улыбаясь, она гладила его волосы и еле слышно шептала: *«Так было угодно Господу»*.

А в конце октября занемог и он. Все держался, помогал, чем мог, Ма-

ше, но сил оставалось все меньше. А потом прилег на часок и уже не смог встать. Понял, что пришло его время. Но встречал смерть спокойно, даже радостно. Как сказал тот стражник: *«Он стал каким-то светлым, что ли. Все просил всех простить его за все. А за что? Мы от него всегда только хорошее видели...»*

В свои последние дни на земле Данилыч почувствовал себя гораздо лучше. Младшие дети обрадовались, было, подумали, что батюшка выздоравливает. Но один лишь Меншиков понял, зачем судьба ему подарила несколько дней. Перед ним вновь, с самого начала пронеслась вся жизнь...

Семья Александра Меншикова

История появления рода Меншикова в России окутана тайной. До сих пор существуют две основные версии происхождения его генеалогического древа. Согласно официальной, принятой и активно пропагандируемой самим светлейшим князем, — родитель будущего «полудержавного властелина» был поляком Даниэлем Менжиком, попавшим в плен при осаде Смоленска русской армией в царствование Алексея Михайловича. Получив приглашение на русскую службу, он с радостью согласился и со временем занял место царского конюха. Русифицировав свои имя и фамилию, поляк Даниэль стал в Москве Данилой Меншиковым. Вертевшегося в кремлевских

покоях его смышленного и разбитного сына Алексашку приметил юный царь, с которым они были погодками, и взял к себе в услужение. Началось его постепенное возвышение.

Насильственное насаждение заморских вкусов и привычек, вывод русской женщины в свет из теремного затворничества — так Петр начинал европеизацию России. Русская знать быстро вкусила запретный воздух свободы, и уже ни за что не желала возвращаться в душное, дремотное московское царство. Новый век, новые нравы.

Галантный осмнадцатый век подразумевал, что мужчины и женщины должны, просто-таки обязаны иметь любовниц и любовников. Чем больше, тем лучше. Изменяли друг другу открыто, не таясь. Более того, муж и жена даже хвастали друг перед другом количеством своих любовных походов и их разнообразием. Хранить верность друг другу было даже не глупо, а странно.

И здесь Меншиков являет собой очередную загадку. Современники оставили нам десятки историй о разнообразных любовных похождениях

Петра, и ни одного — о Меншикове. И если Петр никогда и не скрывал ни от Екатерины, ни от окружающих своих любовниц (или как тогда говорили «метресс»), то про Меншикова таких историй просто не существовало. Поразительно, но Александр Данилович действительно был верен своей супруге. Их семья представляла собой редчайший для распущенных нравов XVIII столетия об-

разец семейной добродетели. Недаром мудрый Петр воспитывал своих детей в семье своего любимого фаворита. Самая большая жизненная трагедия Петра Великого состояла в том, что никогда ни одна женщина его не любила. Случай уникальный в своем роде. Анна Монс и Екатерина всего лишь позволяли себя любить, и таких было предостаточно. Но ни одна из них искренно его не люби-

ла. Ни одна! На счастье Меншикова, Петр не был завистлив, а по-мужски благороден. Частенько бывая в гостях у своего фаворита, грозный царь отдыхал душой, купаясь в атмосфере семейного счастья и уюта.

Так кто же была счастливая избранница Александра Даниловича? В самой разгар Северной войны 18 августа 1706 года Меншиков женился на дочери стольника Арсеньева Дарье Михайловне. До того молодые несколько лет встречались, пока Петр со свойственной ему простотой не заявил своему фавориту, что нечего тянуть, пора играть свадьбу. Брак оказался на редкость удачным и прочным. У четы полудержавного властелина родилось 7 детей, из которых четверо умерли еще в младенчестве. Остальные трое разделили вместе с князем его ссылку в Березове.

На знаменитой картине Сурикова изображен овдовевший отец семейства со своими детьми. Его горячо любимая жена, всегда сопровождавшая мужа в радости и горести, умерла по дороге в Березов и была похоронена 10 мая 1728 года в селе Верхний Услон под Казанью. У ног бывшего «полудержавного властелина» сидит старшая дочь Мария, бывшая невеста императора Петра II. В Березове Мария заразилась оспой и через месяц с небольшим после смерти своего отца скончалась в день своего восемнадцатилетия.

На заднем плане картины Суриков поместил двух других детей Меншикова: сына Александра и дочь

Александру. После смерти Александра Даниловича и смены царствования они были прощены и возвращены в Петербург, где влились в ряды столичного дворянства.

Начало большого пути

Первые документально подтвержденные сведения об Александре Даниловиче Меншикове относятся к 1686 году, когда он числился потешным солдатом у Петра I. С юным царем они были погодками, и неудивительно, что живой и подвижный Петр быстро нашел в смышленном и разбитном Алексашке компаньона для своих забав и потех, а вскоре взял его к себе в денщики.

С царем пронырливый и расторопный Алексашка уже не расставался. Однако фаворитом, любимцем царя Меншиков стал далеко не сразу. Петр долго проверял каждого, прежде чем близко подпускал к себе. Впервые фамилия Меншикова появляется в переписке Петра в 1694 году, и с тех пор вплоть до смерти великого реформатора Меншиков становится одним из наиболее любимых адресатов царя.

Петр Великий любил и умел писать письма. Но среди нескольких сотен его корреспондентов Меншиков занимал совершенно особое место. Всем царь давал конкретные поручения-приказы и писал четко, по-деловому, без излишних сентенций, а для Меншикова это были не приказы, а скорее просьбы-поручения, перемежающиеся с сообщени-

ями о погоде, дорогах, здоровье. Только к Меншикову царь позволял себе обращаться не официально, а по-дружески, панибратски. Как только он не называл своего фаворита: «Майн липсте камрат», «Майн херценкинд»... В свою очередь, Меншиков был единственным из респондентов Петра, который мог в письмах к своему патрону обратиться «Майн гер каптейн» — «Мой господин капитан».

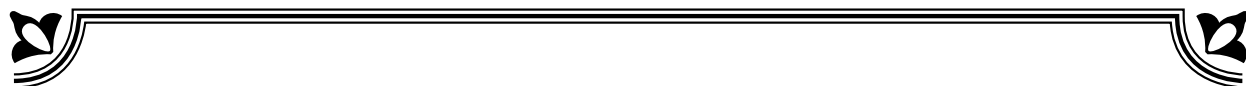
Настоящее боевое крещение Меншиков получил вместе с Петром при Азове. Первый блин вышел комом,

чески собачью преданность, Петр все больше и больше доверял своему новому фавориту, выделяя его среди прочих.

В свой первый заграничный вояж Петр, ехавший за рубеж инкогнито под именем десятника Петра Михайлова, взял своего любимца. Причем определил не куда-нибудь, а именно в свой десяток, как говорится, к себе под крыло. Так в составе Великого посольства Меншиков впервые увидел заморские страны. Контраст между уровнем жизни в России и Ев-

П амять высвечивала короткие обрывки: как спешно собирались всей семьей в своем доме на Васильевском острове, плач жены Дарьюшки, топот грязных сапог чужих людей в доме. Как добирались до Березова, смерть в пути любимой жены. Как спасались с детьми от холода и голода, как сам избышку свою строил. Ничего, выжили. На все воля Божия...

русская осада провалилась. Однако у Петра было замечательное качество: никогда не унывать. Разобрав ошибки, на следующий год царь вновь отправился под Азов. Наградой за упорство и терпение стала мощная турецкая крепость в устье Дона. Излишне говорить, что во второй, победной осаде Азова в 1696 году самое непосредственное участие принимал Александр Меншиков.

А дальше понеслось, завертелось. Меншиков сопровождал Петра во всех его самых важных делах и начинаниях. Видя безусловную, факти-

ропе оглушил всех. Но особо Александра Меншикова, прошедшего свое детство и отрочество в заботе о хлебе насущном. Вот как, оказывается, могут жить люди. Видимо, поэтому он всю свою жизнь, вплоть до падения, стремился перещегоолять богатством и убранством своих городских и загородных усадеб любого русского вельможу.

И получилось. Его роскошный дворец на Васильевском острове резко контрастировал не только со скромной лачугой Петра, но и даже с его Зимним дворцом. Иностранцы

дипломаты отказывались верить Петру, когда тот откровенно говорил, что принимает их не у себя дома, а во дворце своего генерал-губернатора. Думали, что русский царь их разыгрывает, и списывали его чудачества на извечную загадку русской души.

С началом Северной войны Меншиков находился в самой гуще событий. В октябре 1702 года русские войска штурмовали неприступную крепость Нотебург в истоке Невы.

Раз за разом шведы отбивали русские атаки. Видя, что его армия несет слишком большие потери от горстки шведов, Петр в отчаянии приказал прекратить бесполезную осаду. Но два офицера, Михаил Голицын и Александр Меншиков, осмелились ослушаться царя и продолжили отчаянный штурм, граничивший с безрассудством. Петру ничего не оставалось, как только наблюдать. И храбрость русских офицеров была достойно вознаграждена. Фаворит царя одним из первых взобрался на крепостные стены и принудил гарнизон к сдаче. На радостях Петр назначил своего любимца комендантом завоеванной крепости и переименовал ее в Шлиссельбург, что в переводе значило «Ключ-город». Взятие Шлиссельбурга было ключом, открывавшим русской армии течение Невы. А Нева выводила к морю, в Балтику.

В апреле-мае 1703 года совместно с Б.П. Шереметевым Меншиков руководил осадой крепости Ниешанц у истока Невы. После усиленной бомбардировки крепость сда-

лась, и царь тут же переименовал ее в Шлотбург («Замок-город»), а Меншикова сделал комендантом. И так, ключ был вставлен в замок — все течение Невы было теперь в русских руках.

Но о русских победах не знала шведская эскадра генерала Нумерса, ставшая на якорь у истока Невы. Шведы отрядили два корабля на разведку. И тут у Меншикова с Петром возник дерзкий план. Пользуясь незнанием шведов о падении Ниешанца, русские ответили из крепости на сигнальные приветствия шведских кораблей. А затем на обычных лодках напали на вражеские корабли! И произошло то, чего по логике вещей не могло быть. В жарком абордажном бою шведы были пленены. А Петр потом распорядился выбить в память той победы медаль с изображением абордажного боя русских со шведами и надписью «Небываемое бывает». Лучше не скажешь. За эту победу Петр и Меншиков были пожалованы высшим знаком отличия — орденом Андрея Первозванного.

Через несколько дней состоялся знаменитый военный совет, решивший судьбу Ниешанца-Шлотбурга и круто повернувший ход русской истории. Петр приказал искать новое, более удобное место для основания крепости. Ближе к истоку Невы, и чтобы вражеские корабли не смогли бы пройти незамеченными вверх по течению. Так 16 мая 1703 года был основан Санкт-Петербург, будущая столица Российской империи.

Губернатор столичной фортеции

На зависть своим недругам, фаворит Петра прекрасно справлялся с труднейшей задачей — строительством новой столицы и обеспечением скудного северного края продовольствием и людскими ресурсами. Поразительно, но всего через каких-то 10-15 лет с момента закладки крепости перед изумленным взором заморского путешественника открывался не убогий и унылый чухонский пейзаж, а крупный европейский город, с европейскими же площадями и дворцами, застройкой домов в красную линию и даже фонарными столбами, освещавшими улицы в темное время суток. Петербург по планировке и образу жизни, вполне деловому, разительно отличался от всех остальных русских городов. А претворением замысла Петра — превратить Петербург в «райскую землю» заведовал его фаворит Александр Меншиков.

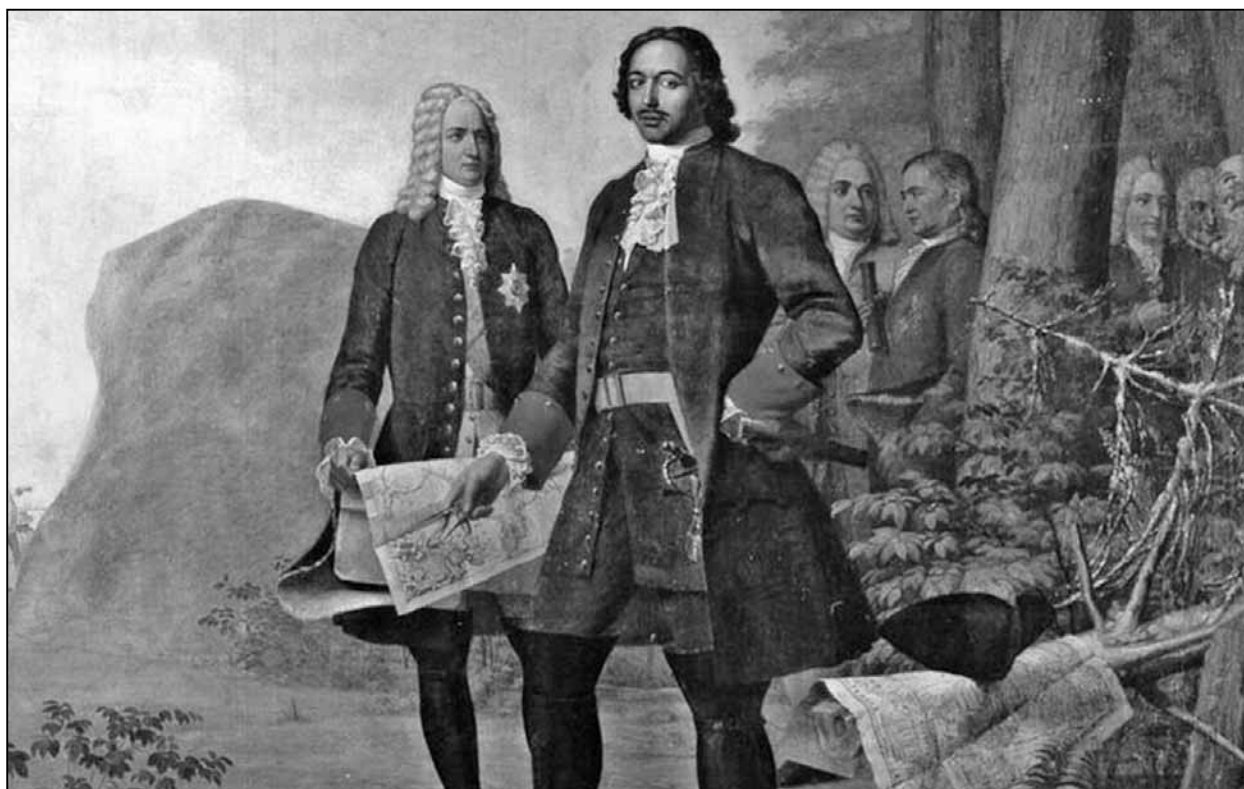
Создавая этот райский уголок в невских болотах, он и о себе не забывал. А потому иногда забывался. Роскошнее его дома на Васильевском острове было не сыскать во всем городе. Петр приспособил дворец своего фаворита под проведение официальных церемоний. Практически все значимые события петровского Петербурга, будь то прием посла или ассамблея, проходили во дворце Меншикова.

Когда перевес русских в затяжной Северной войне со шведами

стал очевиден, Петр начал носиться с идеей переноса центра города на Васильевский остров. Загоревшись идеей превратить новый центр города в царство каналов подобно Венеции, он поручил воплощение этой задачи Меншикову и укатил в заграничное турне.

Возвратившись в любимый город, царь первым делом решил проверить, как Меншиков справился с порученной задачей. На первый взгляд все было прекрасно, и он на радостях тотчас же сел в свой буер и решил погонять по улицам-каналам Васильевского.

Но не тут-то было. Петровская ладья то и дело задевала бортом о стенки канала, а потом и вовсе несколько раз села на мель. Не на шутку рассердившись, царь вызвал Меншикова на ковер. И что оказалось? В его отсутствие Меншиков заузил ширину каналов и уменьшил их глубину. Вырученные таким образом средства пошли напрямик в карман светлейшего. Взбешенный Петр хотел, было, тут же придать своего генерал-губернатора суду, но вовремя спохватился. Меншиков хоть и брал постоянно лишнее, но администратор был от Бога. Кем его тогда заменишь? Поставишь нового — пока тот в дела войдет, драгоценное время будет упущено, да и проворуетея пуще Меншикова. А в том, что власть развращает, Петр с грустью и ужасом убеждался постоянно. И никакие уговоры, увещевания, угрозы и даже публичная казнь проштрафившегося не действовали отрез-

А. Венецианов «Основание Санкт-Петербурга»

вляюще на остальных. А потому, обругав Меншикова последними словами и выместив на нем весь свой гнев, царь плюнул на затею с каналами и велел засыпать их. Так несостоявшиеся каналы стали линиями Васильевского острова.

Виктории полевые и морские

Петербург рос и хорошел на глазах, вырастая из небытия финских болот, словно сказочный город. А война между тем продолжалась. В 1704 году Меншиков отличился при взятии «неприступной» Нарвы. Жесткая пощечина, нанесенная русским четырьмя годами раньше от юного Карла, была, наконец, достойно отомщена. За храбрость и отвагу

под Нарвой Меншиков был произведен в генерал-поручики.

В следующем, 1705 году, за успешные боевые действия против шведского ставленника в Польше Станислава Лещинского Меншиков получил от польского короля Августа II высшую награду Речи Посполитой — орден Белого Орла. А Петр все больше проникался симпатией и уважением к своему фавориту. По его личной просьбе император Священной Римской империи Леопольд I наградил Меншикова в том же году княжеским титулом.

Талант Меншикова как военачальника, между тем, расцветал. 18 октября 1706 года он наголову разбил под Калишем значительно превосходившее шведское войско. За Калиш Петр пожаловал своего фаво-

рита тростью, усыпанной алмазами и изумрудами. Если бы не последовавшее вскоре подлое предательство польского короля Августа, как знать, может, Северная война и не длилась бы двадцать с лишним лет. А так своей изменой Август поставил русскую армию на грань катастрофы — она попала в шведский мешок. Лишь чудом Меншикову удалось выскользнуть из этой ловушки.

Потом Карл повернул на Украину, и Александр Данилович вновь оказался в самой гуще событий. Разбив 28 сентября 1708 года шведский отряд генерала Левенгаупта, шедшего с огромным обозом на соединение с Карлом, Меншиков оставил шведов без новых съестных и военных припасов. Потом, много позже, Петр назовет победу при Лесной «матерью Полтавской баталии». Это была не просто красивая метафора. Знаменитая Полтавская битва состоялась ровно через девять месяцев после победы при Лесной.

Полтава решила исход войны в пользу России. После Полтавской победы у шведов оставался лишь один флот, гроза Балтики, превращенной за XVII век в шведское озеро. Но и он вскоре был разгромлен молодым российским флотом. В Полтавской битве Меншиков командовал кавалерией и одержал верх над шведской конницей. В результате, преследуя бежавших шведов, он принудил их сдаться. В мировой военной истории произошло неслыханное: свыше 16 тысяч хорошо воору-

женных людей без боя сдались в плен. К Петру попал весь шведский генералитет, цвет армии Карла XII. За весомый вклад в решающую для судьбы России победу светлейший князь был пожалован чином фельдмаршала и городами Почеп и Ямболь.

Мазепа

Петр обладал уникальным чутьем — умел безошибочно разбираться в людях. Он подбирал себе толковых администраторов и помощников, всецело преданных его делу, делу преобразования России, вывода ее на «феатр мировой славы». Пожалуй, самой трагической и едва ли не единственной ошибкой Петра был гетман Украины Иван Мазепа.

Он до последнего не верил в предательство гетмана, даже тогда, когда уже всем стало очевидно: Мазепа переметнулся к шведам. Поступавшие ранее на адрес Петра в Москву многочисленные доносы русский царь передавал самому гетману — и челобитчики были обречены. Последними от рук Мазепы пали воспетые Пушкиным в поэме «Полтава» генеральный судья Василий Кочубей и полтавский полковник Иван Искра.

Коварству и хитрости старому гетману было не занимать. Хотя, с точки зрения русских, предательство Мазепы не укладывалось в рамки здравого смысла. Пользовавшийся безмерным доверием русского царя и получавший от него постоянно бо-

гатые подношения, один из первых награжденный орденом Андрея Первозванного, Мазепа ко времени вторжения шведов на Украину имел, казалось, все, что только можно было пожелать — деньги, власть, практически абсолютное доверие «старшего брата».

Что заставило его совершить предательство?! Старый гетман понимал, что в случае победы Карла XII он вряд ли сможет получить больше, чем уже получил от Петра. Шведам он будет необходим ровно до тех

всегда. Кто знает, может, этот швейский король и не врет, сделает его королем Московии, а Петр будет ему прислуживать...

И вот час пробил. Мазепа понял, что другого шанса судьба ему уже не даст, и решился, наконец-то, открыто выступить. Собирая войско, он кинул клич, что идет на подмогу Петру против шведов. Но едва перешел Десну, как объявил казакам, куда и зачем они идут, и разразился полной злобы и ненависти речью против Петра и России. Он обвинил

Современники оставили нам десятки историй о любовных похождениях Петра, и ни одного — о Меншикове. Поразительно, но Александр Данилович действительно был верен своей супруге. Их семья представляла собой редчайший для распущенных нравов XVIII столетия образец семейной добродетели...

пор, пока они не уничтожат Петра, а вместе с ним и Россию. Но нужен ли тогда он им будет? И все же он решился. Почему? Причину нужно искать в патологической ненависти Мазепы к москалям. Он терпел давно и очень долго. И ничто, даже безмерная милость самого Петра не могла заставить забыть Мазепу, что перед ним враги. Много раз он мог поднять восстание, но все ждал удобного момента. Такого, как этот, когда станет решаться судьба России, и можно будет загнать москалей в их глухую медвежью берлогу. На-

проклятых «оккупантов» во всем, в чем было только можно. Но... эффект оказался совсем не тот, на который рассчитывал гетман. Казаки стояли хмуро, потупив глаза в землю. На следующее утро Мазепа увидел, как тает его войско. Сердце екнуло, а потом заколотилось. Ему стало страшно. Казаки отрядами стали убегать от него. И куда, к Петру!

Медлить было нельзя — не давая никому опомниться, Мазепа поспешил к Карлу. В итоге, на встречу с ним он привел чуть больше тысячи казаков. На мгновение Карл даже

Дарья Михайловна, жена Меншикова

потерял дар речи. Мазепа обещал ему народно-освободительное восстание на Украине, десятки тысяч добровольцев, готовых отдать жизнь, лишь бы только сделать Украину свободной и избавиться от ненавистного ига проклятой России, а тут... Жалкая тысяча. Король смерил гетмана презрительным взглядом. Таким пронзительным и обжигающим, что Мазепе стало дурно. У него осталась одна надежда — Батурин.

Осиное гнездо измены

Не доезжая до местечка Бронзы, где гетман сказался больным, Меншиков узнал, что Мазепы там уже нет. Смутные подозрения охватили Данилыча. Все еще не веря до конца в предательство гетмана, Меншиков решил захватить в его резиденцию

Батурин. Однако русских в Батурин не пустили: по приказу Мазепы, побывавшего здесь накануне, все ворота крепости были засыпаны, а пушки приведены в боевую готовность. На вопрос, куда подевался гетман, князю недружелюбно ответили, что в столице Левобережной Украины его нет, и посоветовали ехать за Мазепой в Короп.

Решив, во что бы то ни стало, узнать правду, загоняя лошадей, Меншиков отправился в Короп, но Мазепы не было и там. Старый гетман уже перешел с казаками Десну. Теперь все стало на свои места — Мазепа изменил, о чем светлейший тут же отписал царю.

Весть о предательстве гетмана оглушила Петра, рука его разжалась, и цидулька Данилыча упала на пол светелки. Образы челобитчиков один за другим вставали перед ним. И в этой дивной картине на заднем плане неммым укором Петру ярко высвечивались силуэты Искры и Кочубея. Резко поднявшись, так что дубовый стол опрокинулся на пол горницы, Петр вышел из светелки. На одном дыхании он сочинил памфлет о предательстве Мазепы. Его тут же стали распространять по Украине гонцы царя. А Меншикову полетел другой приказ — не допустить Карла с мазеповцами в Батурин. Любой ценой.

Данилыч и сам понимал, что нужно упредить Мазепу и успеть в Батурин первым. Резиденция гетмана представляла собой хорошо укрепленный замок, расположенный на

высоком берегу широкого и полноводного Сейма. Мазепа сосредоточил в Батурине огромные запасы продовольствия, и самое главное — пушки. Перед уходом из крепости он приказал батуринцам засыпать ворота, заложить все проходы камнями и ждать его с Карлом.

Стояла поздняя осень. Снега еще не было, но корка льда уже начала покрывать берега Сейма. Первым к Батурину успел подойти Меншиков. Переправившись через обжигающе ледяную воду и встав лагерем у подножия холма, на котором возвышался замок, он послал парламентаря. Его втащили в крепость на веревках, ворота были уже засыпаны. На требование русских отворить их, комендант города ответил, что не имеет таких полномочий и разрешить ему может только Мазепа. Тогда Меншиков передал коменданту послание Петра о предательстве Мазепы, и комендант, ознакомившись с документом, запросил три дня на раздумья. Заподозрив неладное, Меншиков согласился подождать до утра. Едва стало рассветать, в русский лагерь, прекрасно простреливаемый с холма, полетели ядра. Взбешенный князь отдал приказ о штурме.

Штурм Батурина был крайне ожесточенным. Его защитники, уже получив через лазутчика сведения о скором подходе гетмана со шведским королем и прекрасно понимая, что их ждет в случае взятия крепости, дрались с редким упорством и озлоблением. Раз за разом отбивали

Иван Степанович Мазепа

они атаки уставших и продрогших русских солдат. С крепостного холма небольшой отряд Меншикова был как на ладони, и батуринцы медленно, но верно уничтожали его.

И тут дело решил случай. В стан к русским из Батурина прорвался старшина Иван Нос. Он оставался верен Петру и России и, воспользовавшись передышкой перед боем, незаметно для батуринцев исчез из крепости. Он рассказал, что осталась одна не засыпанная калитка, про которую и в крепости не все знают. В спешке укрепляя замок против русских, о ней просто забыли. Теперь это было спасение. Устроив показательно-отвлекающий штурм, Меншиков с основным отрядом ворвался в крепость.

Когда с основными очагами сопротивления в городе было покон-

Петр II

Справа:
*Мария
Меншикова*

чено, ему доложили, что через два часа у Батурина будут шведы. Времени, чтобы увезти пушки не было. Осталась одна — взорвать. А заодно и замок с городом, чтобы противник не смог использовать его вновь. Что и было сделано.

Едва отряд Меншикова ушел из города, как Мазепа с Карлом вышел к окраинам Батурина. Их разделял всего лишь час пути. Перед взглядом Карла предстал разрушенный город: повсюду валялись трупы, разрушенные, догорающие дома, стоны раненых, мычание животных, — все сливалось в единый, нестерпимо-протяжный гул. И главное, повсюду валялось сожженное, испорченное продовольствие, так необходимое его армии и — о, ужас! — то тут, то там безобразные куски разорванных пушек!

— Это и есть твой Батурин, о котором ты мне столько рассказывал? — обратил Карл свой испепеляющий взгляд на гетмана. Но Мазепа его уже не слышал. Картина, открывшаяся перед ним, была ужасна. А будущее... Об этом лучше было не думать. Гетман лишился чувств.

Голодным, уставшим и продрогшим шведам пришлось убраться из Батурина не солоно хлебавши. Армия Карла XII и дальше нигде не могла найти себе приют. Украина сделала однозначный выбор в пользу России.

После Петра

Со смертью великого императора в России началась другая эпоха. Меншиков вовремя сориентировал-

ся и, никому не дав опомниться, возвел на престол при помощи гвардейцев супругу Петра Екатерину. Расчет светлейшего князя был ювелирный. В окружении императрицы вряд ли кто питал иллюзии насчет ее способности к управлению державой. Выдержав положенный траур по Петру, она с головой пустилась во всевозможные развлечения. Государственные дела тяготили ее.

В итоге Меншиков, которому бывшая ливонская прачка была обязана своему знакомству с Петром, стал фактически полноправным правителем государства.

Для противодействия светлейшему был образован Верховный тайный совет, основу которого составили представители родовой аристократии, но даже и он не мог тягаться с всеильным Александром Даниловичем. К тому же Екатерина понимала, что политическое будущее ее дочерей целиком зависит от Меншикова. Ее собственный брак с первым русским императором при заточенной в монастырь Евдокии Лопухиной вызвал в свое время в обществе много кривотолков и пересудов. Претендентов на русский трон всегда хватало. Но пока Меншиков был в силе, Екатерина могла быть уверена за себя и будущее своих дочерей. Так оно и вышло. После опалы светлейшего Елизавете Петровне пришлось дожидаться трона свыше десяти долгих лет, в течение которых над ее прекрасной головкой не раз нависала угроза стать постоянной насельницей одного из отдаленных

монастырей необъятной матушки-России.

Тем временем в Петербурге против «полудержавного властелина» зрел заговор. Светлейшего хотели свалить и представить все его вины перед Екатериной, причем в преувеличенном свете. А императрица с осени 1726 года была уже плоха и почти не вставала с постели. 5 мая 1727 года, когда у императрицы началась агония, расчетливый Меншиков бухнулся в ноги к умирающей и вымолил себе прощение, обвинив во всех смертных грехах своих заклятых врагов, стремящихся его погубить. Затуманенное сознание Екатерины I уже совсем плохо понимало сложившийся расклад сил, а потому, не имея уже ни сил, ни желаний вникать в суть дела, умирающая импе-

ратрица подписала требуемые князем бумаги. Участь заклятых врагов была решена.

По указу императрицы, граф П.А. Толстой, лишенный всех чинов и имений, был заточен в Соловецкий монастырь, где через два года и умер. Граф А.М. Дивиер, генерал-полицмейстер Петербурга, женатый, кстати, на сестре Меншикова Анне, был бит кнутом и отправлен в Сибирь. Вернуться в Петербург ему удалось лишь при дочери Петра I

Елизавете. В Сибирь был сослан и другой заклятый враг светлейшего — бывший генерал-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев.

На следующий день после подписания указа, давшего Меншикову возможность расправиться со своими главными противниками, бывшая прачка Марта Скавронская, волею судеб ставшая первой всероссийской императрицей, отошла в мир иной. Светлейший князь успел решить судьбу преемника буквально

в последние часы. Подсунул умирающей заранее заготовленный текст указа о назначении малолетнего внука Петра I императором. Так на российском престоле оказался 12-летний мальчик.

Еще пока была жива Екатерина, Меншиков добился ее согласия на брак своей дочери Марии с будущим наследником престола. В случае реализации задуманного он становился тестем императора и по причине малолетства последнего уже вполне официально на правах регента мог управлять страной. За открытое

а 25 мая того же года Меншиков обручил свою дочь с императором, и Мария стала государевой невестой.

К началу лета светлейший стоял в одном шаге от реализации своего амбициозного плана — свадьбы дочери с императором. От раскрывшихся перед ним грандиозных перспектив он потерял присущий ему самоконтроль. Да и как было его не потерять, если все искали его совета, спрашивали его мнения. Включая императора! Почувствовав себя незаменимым, светлейший князь упивался своей безграничной властью.

Фаворит Петра прекрасно справлялся с труднейшей задачей — строительством новой столицы. Всего через каких-то 10-15 лет перед изумленным взором заморского путешественника открывался крупный европейский город, с площадями и дворцами и даже с фонарными столбами, освещавшими улицы в темное время суток. Именно Меншиков претворил в жизнь замысел царя превратить Петербург в «райскую землю»

противодействие династическим планам светлейшего и поплатились его заклятые враги — Толстой, Девиер, Скорняков-Писарев. Остальные на время были вынуждены «закусить удила».

Едва светлейший управился с похоронами Екатерины, как тут же развил кипучую деятельность по обработке императора в нужном направлении. Плоды не заставили себя ждать. 13 мая 1727 года Петр II произвел его в генералиссимусы,

А тем временем против Меншикова быстро сформировался заговор. Его основу составили аристократические роды Голицыных и Долгоруких, недовольных всевластием незнатного выскочки. Крупным успехом заговорщиков стал переход в их лагерь опытного интригана вице-канцлера барона А.И. Остермана, на словах всецело поддерживавшего князя.

Внезапно светлейший тяжело заболел, да так, что многие уже чуть ли

не хоронили его. Вынужденно он утратил всякую связь с Петром II, чем тут же незамедлительно воспользовались его враги. Развитый не по годам физически, но отнюдь не духовно, Петр II с помощью льстивых и лживых придворных за время болезни князя успел вкусить все порочные прелести праздного прожигания жизни.

Когда тот выздоровел, сразу же попытался вновь взять под свое крыло Петра II, но не тут-то было: развращенный за время отсутствия князя постоянными попойками, выездами на охоту и карточными играми, юный Петр уже не желал возвращаться к Меншикову. Кумиром императора стал его старший друг Иван Долгорукий, известный гуляка, дебошир и бабник. Беззаботная, полная развлечений жизнь с Долгорукими резко контрастировала в глазах малолетнего императора со скучным и занудным Меншиковым, постоянно твердивших о необходимости браться за ум, науки и государственные дела.

С помощью Ивана клан Долгоруких настропалял Петра II против светлейшего князя. Императору внушили, что тот хочет отобрать у него власть, для чего и придумал фокус с женитьбой на своей дочери. Затуманенное винными парами сознание молодого Петра принимало любую выдумку за чистую монету. Однако для решительного объяснения Петр II был еще не готов, до конца не веря в коварные замыслы злодея, о котором ему постоянно твердили Долгорукие.

Помог случай. Ситуацию испортил сам Меншиков. Решив в очередной раз наставить императора на путь истинный, он по-отечески поговорил с ним, но тут же получил гневную отповедь. Мол, больше говорить менторским тоном с ним не удастся, отныне так разговаривать с Меншиковым будет он сам, и дело князя — повиноваться ему. Ошарашенный таким поведением, Александр Данилович был вынужден повиноваться.

Чтобы как-то переломить ситуацию, он запланировал пригласить императора на торжественное освящение дворцовой церкви своей загородной усадьбы Ораниенбаум. Во время инспектирования последних приготовлений Меншикову стало дурно в церкви, и он присел в роскошное царское кресло, специально подготовленное к приезду Петра II. Об этом в преувеличенном свете тут же донесли императору. Чаша терпения Петра II лопнула.

Юный император стал избегать встреч с князем. С большим трудом тому удалось добиться встречи, но Петр разговаривал очень холодно и сухо. Светлейший почувствовал неладное, но было уже поздно. 8 сентября 1727 года вышел указ о домашнем аресте князя, а на следующий день Петр II подписал заранее составленный Остерманом указ о ссылке Меншикова в Раненбург (ныне город Чаплыгин в Липецкой области).

Однако падение «полудержавного властелина» вызвало недоуменный отклик в западных державах. Меншиков был ключевой фигурой

в отношениях с иностранными государствами, а формально ему не предъявили никаких обвинений. Чтобы как-то сгладить международный резонанс члены Верховного тайного совета тут же сфабриковали дело о винах князя. Александр Данилович обвинялся, ни много ни мало, в государственной измене в пользу Швеции и преступном замысле против царствующей династии. Однако абсурдность подобных обвинений была очевидна даже самим организаторам заговора. А потому они так и не решились опубликовать свой манифест.

Меншиков же держался на допросе стойко и с достоинством: по всем пунктам обвинения дал достойный ответ, на колени не падал, пощады не просил. Поняв, что с подследственным договориться не получится, а сам себя он не оговорит, и, опасаясь заговора с целью его освобождения, верховники сочли за лучшее отправить бывшего «полудержавного властелина» из Раненбурга в забытый Богом глухой таежный городок Березов. 17 июня 1728 года Меншиков, уже вдовец, вместе с детьми прибыл к месту назначения.

Последние дни

12 ноября 1729 года в сибирском городке Березове в возрасте 56 лет Александр Данилович Меншиков тихо отошел в мир иной. Свидетели его кончины остались в недоумении. Большинство людей страшно боятся смерти, их страшит даже сама мысль

о ней. Меншиков же в свои последние часы был светел и радостен, словно на праздник собирался. Когда весть о кончине «прегордого Голиафа» и его последних месяцах пребывания в ссылке достигла Петербурга, то удивлению столичных жителей не было предела.

Происхождение Меншикова, его внезапное появление при Петре Великом, головокружительная карьера и стремительное падение при Петре II, — все это еще при жизни «полудержавного властелина» было окутано тайной. Такой же загадкой для всех стала и его смерть. В невольской столице еще свежи были воспоминания, как мучительно страшно умирал Петр. Петербуржцы не могли припомнить еще случая, чтобы сиятельный вельможа, тем более такого уровня, как Меншиков, после своего крушения так легко и спокойно мог сдаться. Любой из опальных деятелей был бы недоволен своим положением, клял бы свергших его на чем свет стоит, а при счастливом раскладе устроил бы заговор и, вернув себе прежнее положение, примерно расправился бы со своими обидчиками.

Меншиков выпадал из этого правила и был непонятен для березовцев, тем более — для петербуржцев. В ссылке он не стремился больше к власти, не роптал на судьбу. Перед смертью простил всех и вся и просил простить его за все грехи. Стал особо набожным, сам построил церковь. В свете гадали, что это было: игра или... раскаяние?

В.И. Суриков «Меншиков в Березове»

Первое казалось нелогичным: для чего, да и перед кем играть в сибирской глухомани, во второе невозможно было поверить — слишком надменен и мстителен был Меншиков при жизни. Не может быть, чтоб смирил гордыню.

И все же последнее было правдой. После падения со светлейшим произошла удивительная, редкостная метаморфоза. Свое крушение он воспринял как кару за грехи и непомерную гордыню. С поражающим следователей спокойствием принял ссылку, изъятие дворцов, усадеб, роскошной утвари и драгоценностей, лишение всех наград, титулов, званий. Многие тогда считали, что от страшного удара Меншиков просто тронулся умом. Не сразу, но простил светлейший всех своих врагов и обидчиков. Постоянно молился за свои многочисленные грехи. Нако-

нец смиренно и даже радостно (!) принял смерть.

Все это изумляло, поражало, рождало многочисленные слухи, сплетни и кривотолки. Последние дни и кончина Меншикова были непонятны, загадочны, необъяснимы для любого, будь он простой обыватель захолустного Березова или знатный столичный фрунт.

Разгадка лежала на поверхности. Меншиков всегда верил в Бога. Он никогда не был фанатиком, но заповедей старался не забывать, следовать им. Только не очень-то получалось при его бешеной жизни при Петре. А потом и вовсе сорвался — как не стало Петра, решил, что теперь сам все может. Когда больно упал вниз — не стал никого винить, тем более вновь соваться в эту власть. Понял, что Бог все еще любит его и спасает. Дает шанс исправиться.

Меншиков последовал совету свыше. Он духовно преобразился, потому и говорили окружавшие его, что «светел он стал»...

Жизнь после смерти

В простом, наспех сколоченном деревянном гробу у церкви Рождества Богородицы, что притулилась на самой кромке высокого берега реки Сосьвы, хоронили бывшего «полудержавного властелина». Стояла сильная стужа, и солдаты выбились из сил, долбя насквозь промерзшую землю. Пока копали могилу, метель с бешеным усердием швыряла пригоршни снега в лица небольшой траурной процессии. Насквозь замерзшие, уставшие и продрогшие люди жались друг к другу, стараясь далеко не отходить. Из-за непогоды видимость была плохая, а в городок из тайги начали забредать волки. Когда все было почти готово, ветер неожиданно стих, метель сама собой улеглась, и над Березовым выглянуло солнце. Оно было столь же пронзительно ярким, как и летом, разве что не грело. Похоронив Меншикова, жители Березова заспешили в свои убогие домишки...

...Шли годы, одно царствование сменяло другое. Уже давно были прощены и вернулись из Березова в Петербург Александр и Александра, дети Меншикова, отбывавшие вместе с ним ссылку. А потом и они отошли в мир иной. Почти через сто с лишним лет после падения Меншикова, в царствование Николая I, губерна-

тором Тобольска был назначен Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский. Прославился он, впрочем, не как администратор, а как историк, собиратель российской старины. Немудрено, что вскоре после своего назначения Бантыш-Каменский инициировал поиски могилы Меншикова.

У жителей сонного сибирского городка Березова тобольский губернатор пробудил интерес к истории. Большинство ведь и не знало, что за арестант у них когда-то жил. Те немногие, кто сто лет назад что-то и знали, в страхе за свою жизнь язык за зубами крепко держали. В Березове ведь даже имя Меншикова тогда запрещено было упоминать. Кинулись местные жители искать могилу Меншикова, но... не тут то было — деревянный крест давно сгнил, и следы могилы затерялись. Искали долго, перекопали чуть ли не весь погост, но могилу светлейшего так и не нашли... А потом вдруг по весне — все и открылось.

Березов — городишко маленький, развлечений никаких. Но вид с высокого берега на острог и церковь такой, что поневоле дух захватывает. Сосьва — река своенравная. В один из летних дней разодетая гуляющая публика увидела, как сильно подмыла за прошедшую весну Сосьва высокий берег, обрушив кусок старой кладбищенской земли. Река Времени унесла в Вечность бранные остатки любимого фаворита Петра Великого.

В начале 90-х гг. XX столетия, когда интерес к истории начал вновь

возрождаться, в Березове был установлен бюст Меншикова недалеко от церкви Рождества. Рядом на погосте была восстановлена, правда, символическая, ограда и памятник могилы его старшей дочери Марии, порушенной невесты мальчика-царя Петра II.

Есть красивая легенда о ее смерти в день своего рождения во время родов. Когда историк и археолог Бантыш-Каменский пытался в Березове найти могилу Меншикова, нашли два маленьких гробика с костями младенцев. Гробики стояли на большом гробу из кедра, в котором лежала женщина, покрытая зеленым атласным покрывалом. Это была дочь светлейшего князя Мария.

бленный в Марию Меншикову князь Долгорукий. Молодые люди обвенчались в построенной ее отцом церкви. Поступок был более чем серьезный — молодой князь во имя любви лишал себя всего: славы, почета, уважения в свете, возможной большой карьеры. Слыханное ли дело — уехать за тридевять земель из столицы в Богом забытый городишко ради дочери государственного «злодея-преступника». Он так и остался до конца своих дней жителем захолустного, ссыльного Березова, променяв столичный блеск и мишуру на жизнь в суровом, северном краю, где обрела вечный покой его любимая Мария. Она умерла в том же 1729 году, что и

Свое крушение Меншиков воспринял как кару за грехи и непомерную гордыню. Не сразу, но светлейший князь простил всех своих врагов и обидчиков. Постоянно молился за отпущение своих многочисленных грехов. Наконец смиренно и почти радостно принял свою смерть...

Но кто был отцом ребенка старшей дочери петровского фаворита? После того как «полудержавный властелин» подвергся опале, был лишен фактически всего имущества, регалий и званий, большинство его друзей, знакомых и приятелей тотчас же отвернулись от некогда богатейшего и влиятельнейшего человека России и его семьи. Но не все. В Березов из Петербурга отправился давно влю-

сам Меншиков, через месяц после смерти отца, в день своего рождения. Ей было всего 18 лет...

Князь Меншиков, хоть во время березовской ссылки настоящее имя бывшего «полудержавного властелина» было запрещено разглашать охранявшим его стражникам, оставил о себе у жителей Березова добрую память: учил их грамоте, сам построил себе обычную деревянную

избу, сам же из окрестных листовниц соорудил церковь Рождества Богородицы, в которой истово молился. «Бог смирил меня», — так, по преданию, любил повторять князь. Та церковь, выстроенная Меншиковым, не сохранилась, а сгорела, как это, увы, часто бывало на Руси, еще в дни правления матушки-Екатерины. Ныне жителей поселка Березово радует глаз каменная церковь Рож-

дства, отстроенная взамен сгоревшей во второй половине осмнадцатого столетия. До 20-х годов прошлого века сменявшие друг друга березовские священники, всякий раз творя службу о почивших обитателях городка и доходя до отошедшего в мир иной Александра Даниловича Меншикова, неизменно повторяли: *«Имя его, Господи, знаешь сам»*... □

Итоги конкурса «Близкие люди»

Дорогие читатели!

Мы не ожидали, что вы так живо откликнитесь на конкурс «Близкие люди». Редакция получила около трех тысяч писем с интересными историями о своих близких. Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе! А победителями стали:

1-е место — Михаил Смирнов,
г. Салават, республика Башкортостан, рассказ «Брат»

2-е место — Эдуард Мордвинов, г. Красноярск, рассказ «Помню, мама!»

3-е место — Александра Кентауская, г. Белоусово Калужской области,
рассказ «Запах скошенного сена»

*Удачи и счастья всем вам,
дорогие друзья, в Новом году!*

1-е место

Михаил Смирнов

Брат

Алешка, сутулый из-за большого горба и поэтому всегда смотревший на мир исподлобья, в синем трико, в серой застиранной рубаше, в вороте которой виднелся простенький крестик на черной нити, отложил книгу и прислушался. В подъезде послышался шум. Кто-то неторопливо поднимался по лестнице. Потом по двери громыхнули раз, следом другой, и донесся громкий голос. Услышав стук, Алешка пожал плечами. Он никого не ждал, тем более ранним утром. Может, кто ошибся, проходя мимо двери, и стукнул

случайно. Но тут снова ударили по двери, и Алешка, поднявшись с дивана и подволакивая ногу, подошел к ней и, распахнув, буркнул:

— Дверь сломаете. Что надо? Слушаю...

В полутемном подъезде стоял крепкий мужчина, одетый в дорогой костюм, белую рубашку с галстуком и в блестящих узконосых туфлях. В руках у него была большая дорожная сумка и несколько пакетов. Он хохотнул, толкнул Алешку в грудь, тот пошатнулся и, не удержавшись, отступил в сторону. Незнакомец шагнул в прихожую, бросил сумку и пакеты на пол, щелчком отправил кепку на затылок и заорал. Не сказал, а именно заорал.

— Крючок, здорово! — облапил он Алешку и принялся хлопать его по спине. — Черт горбатый, это же я приехал! Эй, Крючок, не узнаешь меня? Сколько лет, сколько зим! Не ждали, а я приехал!

Алешка поморщился от боли и шагнул в сторону, вырвавшись из крепких объятий или тычков, которыми награждал его незнакомец. Нахмурившись, он пристально взгляделся в гостя и, потирая небритую щеку, недоверчиво проговорил:

— Да ну, не может быть! Васька, неужели решил приехать? И как же ты надумал? Столько лет не было, а тут — как снег на голову. Мы тебя ждали на похороны, а ты... Опоздал, брат, на этой неделе уже сорок дней будет, как мамки не стало... Видать, пешком добирался, — не удержавшись, съязвил он. — Ладно, сейчас объявился, а то вообще про нас забыл. Проходи, Васька, не стой на пороге, — и, покачивая головой, скрылся за старенькой портьерой.

Брат оставил сумку и пакеты возле порога, кепку забросил на вешалку, мельком окинув взглядом прихожую, прошел в полутемный зал с занавешенными окнами, плюхнулся на продавленный диван и вздохнул, раскинув руки на спинке:

— Ох, хорошо-то как! Что говоришь, Крючок? А где мать? Ушла, что ли? Ну, рассказывай, Леха, как живете, не обижаешь ее? Гляди, мой характер знаешь. Быстро по шее настучу! — Он завертел головой и громко крикнул: — Эй, мать, я вернулся! Где ты, а? Встречай блудного сына...

Васька сидел на диване, осматриваясь по сторонам. Долго не был дома, а все осталось по-прежнему, как ему показалось. Ничего не изменилось. Хотя нет, изменилось... У него появилось ощущение, что попал в заброшенную, нежилую и чужую квартиру, а не в родной дом. Он не почувствовал того человеческого тепла, которое должно быть в жилой квартире, ему казалось, что от обшарпанных стен и старой мебели веет холодом. На серванте стояла небольшая фотография стариков в простенькой рамке — это бабка с дедом. Виднелся уголок книги. Наверное, Крючок оставил, так Васька называл брата-горбуна. У Алешки с малых лет была

привычка читать, и книги можно было встретить везде, даже в самых неожиданных местах, а Васька не переносил книги. Пустая трата времени, и ни к чему забивать мозги всякой ерундой. А братишка всегда был с книгами. Не дозовешься, если читает. Васька злился, а, бывало, даже отнимал книги и прятал, да еще грозил, что выбросит. Алешка молчал. Он всегда был таким — молчаливым, и это как-то настораживало, и в то же время появлялась злость, что братишка не бежит жаловаться, а молчком терпит издевательства над ним.

Васька принялся. В квартире стоял густой запах лекарств, а раньше такого не было. Дверь на балкон открыта, но запах не выветривается, словно въелся в стены. Стойкий запах лекарств, воска и еще чего-то, словно тленом пахло, что ли...

Алешка не стал присаживаться возле него, а пристроился на краешке расшатанного стула. Сидел и смотрел на старшего брата, который сразу после школы сбежал из дома и, можно сказать, что исчез на долгие годы. Они с другом сбежали на золотые прииски. Решили разбогатеть. На прииски не попали. Друг вернулся, а Васька не захотел возвращаться домой. Первое время жил, где попало, потому что никто не брал на работу, потом ему помогли с курсами, он выучился и устроился на работу. За все годы всего лишь дважды приезжал домой. Деньгами сорил направо и налево. Гулял на всю катушку. Мать пыталась образумить его, но бесполезно. Васька разругался с ней в пух и прах, Алешку отлупил и умчался, сказав, что больше не приедет. С той поры действительно ни разу домой не приехал... Изредка приходили коротенькие письма или открытки, что получил квартиру, жив-здоров, и на этом все. Он не интересовался жизнью матери и брата. Не спрашивал, как они живут, в чем нуждаются. Он жил для себя.

— Что молчишь, Крючок? — Василий покосился на братишку, потянулся и мотнул головой: — Эх, устал, как собака, пока добрался! Куда мать-то ушла? Утро на дворе, а она где-то шляется. Вот так приедешь в гости, а их днем с огнем не найдешь...

— Это... — Алешка заскрипел стулом, покосился на брата и еще сильнее склонился. — Это... Мамка не шляется. Она умерла. Тебе отбивали срочную телеграмму. Сообщили, что матери не стало, чтобы на похороны приехал. До последнего тебя прождали, а сейчас заявился и делаешь вид, будто ничего не знаешь. Не говори, что не получал телеграмму. Так не бывает...

Василий посмотрел на худого братишку, на его горб на спине, который, как казалось, еще больше вырос, пока его не было дома, и шумно выдохнул:

— Нет, Крючок, никакой телеграммы не было. И не бреши! Не могла мать так рано... Она же еще молодая! — Он вскочил, подошел к столу, на котором стояла рамка с фотографией матери, долго смотрел на нее, затем опять уселся на продавленный диван и, ударив кулаком по колену, рыкнул: — Хочешь сказать, что я обманываю? Не получал телеграмму, не получал! Я приехал. И подарки всякие понавез. Матери купил, и тебя не забыл, тоже по мелочи прихватил — рубашку там, футболку... А ты говоришь, что мать умерла. Как же так, Крючок? Получается, что теперь у меня никого не осталось? Один я, как перст?!

Вздрогнув, Алешка с опаской покосился на брата. Что он говорит-то? Почему один остался, а я, получается, не родной родному брату?

Василий долго сидел на диване, что-то бормотал про себя, а потом вскинулся, заторопился в прихожую и, расстегнув сумку, принялся в ней шарить. Достал бутылку. Прошел на кухню и загремел посудой. Наполнив стакан до краев, молча выпил, достал из хлебницы корку черствого хлеба, шумно занюхал и уселся на табуретку.

— Слышь, Крючок, что с матерью случилось? Она же никогда не жаловалась на здоровье. Заболела, что ли? Слышь, что молчишь? Айда сюда, мать помянем...

— У матери больное сердце было, — шаркая большими тапками, сказал Алешка и, открыв холодильник, вытащил банку с огурцами, выловил парочку, положил на тарелку и осторожно взял чайную чашку. — Она долго болела. И в больнице каждый год лежала. Я же тебе писал в письмах. «Скорая» приезжала, участковый врач приходил. Мать все ждала тебя, до последнего дня надеялась, что появишься... — Он запнулся, взял чашку, выпил и продолжил: — Мать тихо померла, во сне. Я даже не услышал. Утром поднялся, думаю, а что она не встает. Всегда раньше меня поднималась, а сейчас не выходит. Зашел, а она лежит. Вся желтая такая, а дотронулся — холодная.

Васька покосился на братишку. Одним глотком опрокинул водку и обвел взглядом скудную обстановку на кухне, где стоял холодильник, старый стол с дверками — еще тот, из далекого детства, и три табуретки. Они всегда жили бедновато. Матери одной пришлось тянуть их, двух пацанов. Лешка часто болел, а вот он не жаловался на здоровье. Никогда и ничем не болел, даже насморка не было. Мать всегда смеялась, что все здоровье ему досталось. А потом, после школы, сговорился с другом, потихонечку забрал все деньги, какие были дома, и смотался на золотые прииски. Думал, что встретят с распростертыми объятьями, но ошибся. Они с другом никому не нужны были, а обратно ехать у него не было ни денег, ни желаний, потому что знал, если вернется домой, уже никуда не вырвется.

А ему хотелось зарабатывать огромные деньжищи, посмотреть на мир и жить, как он хочет, а не так, как его бы заставляли. Дружок уехал, а он остался. Отучился на курсах, а потом попал на буровую. Тяжело было, но освоился. Хорошо зажил, когда стал работать. Другие копили деньги, а Васька не откладывал. Ему хотелось жить на широкую ногу, как говорится. И жил! Все, что зарабатывал, быстро транжирил. А вот брату и матери не помогал. И про деньги, что у матери украл, оставил их без копейки, он старался не вспоминать. Одному легче живется, поэтому и жил для себя, в свое удовольствие. Весело жил, пока деньги в кармане водились, а потом впрягнулся и работал круглосуточно, пока опять не появлялись деньги, и снова шел вразнос. И так каждый месяц, каждый год...

А недавно какая-то тоска навалилась. Сам удивился, что его домой потянуло. Бывало, ночами снилась мать. И всегда молчала. С укором смотрела и качала головой. И снилась молодой. Как видел в последний раз, в том обличье и приходила. А вот Алешка, младший брат, почему-то был безликим. Он и в жизни-то был таким: тихим, незаметным и всегда виноватым. Всего боялся, всех опасался и ни в какие разговоры не влезал. Вообще старался избегать любого общения с людьми. Наверное, стеснялся своего горба. А Васька стыдился брата из-за этого горба, потому что друзья смеялись над ними, Алешку горбуном обзывали, а его — братом горбуна, а Васька злился и с каждым днем отдалялся от брата все больше и больше...

Он снова выпил и посмотрел на Алешку. Младший брат. Почему-то жалко было его, убогого, и не более того. Даже не сама жалость появлялась, а смешанное с ней презрение, что ли... Не было того, что должен испытывать брат к брату: любовь, родственные узы, привязанность и поддержка. Давно не было. Вроде годы прошли, как уехал из дома, а вспомнит про Алешку, и все равно в душе появлялось смешанное чувство жалости и презрения. И сейчас, вот он, родной братишка, рядышком сидит, подойди и обними его, но не хотелось, ничего в душе не было, словно на улице столкнулся с незнакомым калекой, взглянул на него и посторонился, пропускающая инвалида, а сам дальше пошел. Брат, даже странно звучит. Такие, казалось бы, родные, а присмотришься — разные, словно небо и земля. Неродные родные братья...

— Слышь, Крючок, — обратился Василий к братишке, — нечего сидеть, поехали на кладбище. Мать проведаю, — и, поднявшись, вытащил из сумки бутылку, взял стакан и положил их в пакет. — Давай, шевелись! На такси поедем.

— А ты надолго приехал? — вдруг спросил Алешка, до этого молчавший. — Оставайся, Вась. Вдвоем-то куда веселее жить, чем одному, — и вслед за братом направился к двери.

Спускаясь по лестнице, Васька оглянулся на него, посмотрел на потрепанные брюки, на туфли с побитыми носами, большую по размеру куртку, которой тот старался скрыть горб, на то, как он волочил ногу, и, нахмурившись, ответил:

— Посмотрю, сколько проживу, может, вообще останусь или обратно уеду. Теперь никто и ничего не держит меня. Посмотрю, — повторил он и, выскочив из подъезда, заторопился к дороге, где мелькнула машина. Пронзительно свистнул, останавливая такси, и, распахнув дверцу, громко крикнул: — Эй, Крючок, шевели копытами!

...Васька подгонял братишку, но Алешка медленно шагал по кладбищу. Здесь нельзя торопиться. И шуметь не нужно. Это огромное Царство мертвых. И могилы... где лежат молодые и старики, взрослые и младенцы — все нашли здесь покой. Некоторые могилы были ухоженные, в цветах и кустах сирени или рябины, а над некоторыми памятниками росли березки — светлые и чистые. Другие были беднее — металлические низенькие оградки и такие же памятники, а кое-где стояли покосившиеся от времени простые деревянные кресты. Всех собрала в одном месте старуха с косой — смерть...

Алешка неожиданно остановился и показал на маленький холмик:

— Пришли. Это мамкина могилка.

Васька долго смотрел на простенький деревянный крест, на маленькую фотокарточку в овальной рамке, потом с недоумением повернулся к Алешке, который стоял позади него, и ткнул пальцем в фотографию:

— Хочешь сказать, что мать стала такой? Здесь же старуха!

— А ты, Васька, вспомни, сколько лет домой не приезжал, вспомни, когда в последний раз видел мать. Ты много знаешь, как мы жили? Ты хотя бы раз поинтересовался, что нам нужно, в чем нуждаемся? Ни разу не спросил! Ты больше хвастался, сколько денег зарабатываешь, сколько пропиваешь в ресторанах, куда ездил, сколько потратил. Тебя интересовали деньги, а не мы с матерью. Мать получала копейки, и я пенсию, а она с этих денег даже умудрялась тебе отправлять переводы, и ты не отказывался, потому что тебе все мало было, сколько ни дай. — Алешка махнул рукой и отвернулся. — Мы никогда не обращались к тебе за помощью, пока мать не заболела. А когда заболела, я отправил письмо, что нужны деньги на лечение, помоги, брат, если есть возможность, а ты не ответил, будто не получал его. Видать, деньги пожалел для матери. А сейчас стоишь и делаешь вид, будто не узнаешь ее, мол, в старуху она превратилась. Да что говорить-то, все равно не поймешь. Эх, брат...

Васька пристально взглянул на него. Не понравилось, что младший брат ткнул его носом, да еще повозил, словно наждаком проехался! А кто он

такой, чтобы упрекать? Ему не понравилось, что горбун, которого презирал, которого, можно сказать, за человека не считал, на него голос повысил. В душе он оправдывал себя. Да, получал переводы, да, тратил. И письмо приходило, но даже мысли не было, чтобы помочь. Если отправляли деньги, значит, у них была такая возможность, чтобы ему помогать, успокаивал себя Василий. Достал бутылку. Налил. Выпил. Чуть-чуть плеснул на доньшко и поставил стакан возле креста, рядом положил кусочек хлеба. Закурил и принялся осматривать городское кладбище. Мать была похоронена на окраине. Вокруг кустарник разросся, изредка тополя стояли, вон кто-то елку посадил. А там, где центральная дорога, красивые, большие памятники, оградки — одна лучше другой. Здесь же простенькие памятники или кресты и ограды дешевенькие. У матери только холмик и крест. Ограду не поставили. Колышки вбиты с четырех сторон, проволока натянута, и все на этом.

— Слышь, Крючок, а когда собираешься ставить ограду с памятником?

— На этой неделе сорок дней будет, как мать похоронили, — ответил Алешка. — Земля еще не просела. На следующий год нужно ставить. Сделаю, если деньги накоплю.

— А что, такие большие деньги нужны? — удивленно спросил старший брат. — Ты пенсию получаешь и, как мать говорила, сапожником работаешь.

Алешка промолчал. Брат прекрасно знал, что все деньги уходили на лечение матери. Обращались за помощью, когда она заболела, но Васька ни копейкой не помог. А лекарства, какие выписывались бесплатно, в аптеках не было. Приходилось самим покупать. Остальные деньги уходили на продукты. Так и перебивались с хлеба на воду...

Он неторопливо подправил могилку, где земля успела осыпаться, тряпкой протер крест и фотографию. За оградой, куда он ходил к колонке, набрал небольшой букетик полевых цветов — мать любила. Вернувшись и поставив цветы в банку, затормошил брата:

— Васька, поехали домой. Поднимайся, вон, костюм перемазал, айда, дома почистим.

— Ты, Лешка, дурак, сволочь и гад! — погрозил ему пальцем Василий, поднялся, пошатываясь и, даже не попрощавшись с матерью, побрел к выходу. — Знаю, что меня осуждаешь. А кто ты такой, чтобы меня осуждать, кто? Ты есть пустое место для меня. Понял? Что ты сделал для меня в жизни? Ничего!

— А что ты сделал для нас с мамкой? — не удержавшись, буркнул Алешка и еще сильнее скособочился. — Ничего...

— Чего сказал? — нахмурился Васька и неожиданно замахнулся на брата: — Как врежу промеж глаз, ни одна реанимация не примет. Ишь, хозяином себя почувствовал. Ничего, я приехал, теперь быстро на место поставлю. Не посмотрю, что брат. Да и какой ты... — Он громко свистнул, останавливая такси, и, устраиваясь на переднем сиденье рядом с водителем, кивнул Алешке: — Давай садись, убогий!

Алешке не хотелось с ним ругаться. Он молчком сел сзади...

Дома Васька скинул туфли, содрал с себя пиджак, ослабив узел галстука, сдернул его и бросил на пол, как и пиджак, и, пошатываясь, отправился в спальню, откуда вскоре послышался громкий всхрап.

Алешка собрал раскиданные вещи и аккуратно положил на табуретку возле кровати. Все пакеты и сумку, которые до сих пор валялись в прихожей, отнес в спальню и поставил возле кровати. Прошел на кухню. Достал из морозилки маленький кусочек мяса, в половину ладошки величиной, вспоминая слова матери: «Лишь бы запах был», — и принялся варить простенький суп, пока брат спит. Проснется, надо его накормить. Все же он голодный с дороги. А потом взял книжку и принялся читать, изредка прислушиваясь к звукам, доносящимся из спальни.

В дверь негромко стукнули, потом еще раз и, не дожидаясь, когда откроют, кто-то открыл ее:

— Алешка, ты дома? — раздался скрипучий старческий голос и, отодвинув портьеру, в комнату вошла пожилая соседка. — Здравствуй, сынок! Это к тебе приехали гости? А кто? Утром выглянула в окно, смотрю, а в наш подъезд заходит видный мужик с пакетами и сумкой. Думаю, к кому это приехал? А потом слышу, в вашу дверь заколотил. Это кто ж к тебе нагрянул?

— Здравсьте, баб Липа, — искоса взглянув на нее, поздоровался Алешка и отложил книгу. — Это старший брат приехал, Васька. Не узнала, что ли? Я тоже не сразу признал, когда дверь открыл. В подъезде темно было, подумал, что ошиблись...

— Правда, не признала, — округлив глаза, закачала головой старушка. — Вымахал-то как! Здоровущий стал, а видный — страсть! Стока годков не приезжал, а теперь надумал. А не поздновато ли спохватился? Раньше нужно было про мамку думать, а она его каждый день ждала... Он что, спит? Солнце к закату, а он дрыхнет. Голова будет болеть. Так и скажи ему. А гостинцы привез? Что-то не вижу. Ну-ка, похвастайся, Алешка...

— Нечем хвастаться, — прижавшись к спинке дивана одним боком, ответил Алешка. — Да мне все равно, что привез. Я не интересовался. Главное, что сам приехал.

— Правду говоришь, Алешка, — закивала головой соседка. — Главное, что приехал, тока слишком поздно появился. Раньше нужно было приез-

жать, пока мамка жива была, — и с любопытством стала осматриваться. — Лешка, а что же ты не поглядел, что брат привез? А вдруг что-то нужно в холодильник убрать или сразу скушать, чтобы не испортилось, а ты сидишь и ничего кроме своих книжек не видишь. Жалко ведь, если придется выкидывать. Денежки за это уплочены. Давай, вместе взглянем, а?

— Ох, баб Липа, ну, ты и любопытная, — коротко засмеялся Алешка и мотнул головой: — Не могу — это не мои вещи. Вот Васька проснется, пусть и разбирает свои сумки.

— А куда ездили? — не унималась баба Липа. — Я в окно заметила, как в машину садились. Могли бы на автобусе, а они, как баре... Такие деньжищи коту под хвост выбросили! Чай, много прокатили, да? — Она осуждающе покачала головой и принялась шевелить впавшими губами, наверное, пыталась подсчитать, сколько денег пустили на ветер.

— На кладбище ездили, к мамке. Там посидели и вернулись. Васька немного перепил. И с дороги устал. Вот и разморило. Спать улегся. Пусть отдыхает... А я на следующий год, если скоплю денег, оградку и памятник поставлю. Уже присмотрел, хороший, красивый!..

— Я вот тоже наказ своим дала, когда снесут меня на мазарки, чтобы поставили большущий крест, — закивала головой баба Липа. — Я же маленькая. Меня и не видно. Мимо пройдут и не заметят, а крест будет стоять, так издаля увидят. Не промахнутся, ежели придут на родительский день. Ну а не придут, значит, мало ума вложила в их бошки, — вздохнула она и обиженно поджала и без того тонкие губы.

— Баб Липа, что рано хоронишь себя? — глядя на нее, рассмеялся Алешка. — Ты уж сколько лет про этот крест говоришь. Я еще мальчишкой был, но помню, как ты рассказывала. И сейчас одно и то же. Не бойся, не забудут, у тебя дети хорошие. А вот наша мамка...

— А что наша мать? — раздался вдруг из спальни хрипловатый после сна голос брата, и, растирая лицо ладонями, он появился в дверях. — Хочешь сказать, что я виноват? Ты жил с матерью. С тебя и спрос, почему она умерла...

— Что ты говоришь, бесстыдник? — замахала руками баба Липа. — Алешенька — умница, безотказный. Дни и ночи не отходил от мамки, ухаживал за ней, когда заболела. Недоедал и недосыпал. Ну а ты...

— Не нукай, не запрягла, — перебил ее Васька и хмуро взглянул на старуху: — Ты кто такая, чтобы указывать, а? Пришла в гости, вот и сиди, а не нравится — вали отсюда! Ишь, привыкли, как к себе домой приходят. Кто тебя звал? Шагай отсюда! — и махнул рукой, показывая на дверь.

Алешка заерзал на диване. Поднялся. Сделал несколько неуклюжих шагов и встал, загоразивая старуху и исподлобья глядя на брата.

— Васька, не ругайся в доме, — нервно передернув плечами, сказал он. — Баба Липа — это мамкина подруга...

— Как врежу, ни одна реанимация не примет, — стал повышать голос Васька. — Мне плевать — подруга или нет. Матери не стало, значит, нечего к нам приходиться. Сама на ладан дышит. Ей давно пора быть на кладбище, а она до сих пор воздух портит. Тоже мне, подружка нашлась...

— Ох, — покачала головой баба Липа и пошла к выходу. — Два родных брата, а небо и земля. Ну, да Бог тебе судья, Васька!

— Иди-иди! — отмахнулся он. — Тоже мне, судья нашлась. Иди, и без тебя голова раскалывается.

Продолжая осуждающе кивать головой, баба Липа вышла, осторожно притворив дверь.

Васька долго ходил по квартире, ругая брата, бабу и всех соседей. Всех обвинял, и ни одного плохого слова в свой адрес. Видать, считал себя правым...

Алешка молчал. Сидел на диване и молчал. Отводил взгляд, если Василий смотрел на него, и словно меньше росточком становился, когда тот подходил и начинал махать кулачищами, того и гляди, заденет. А потом поднялся, вытащил из шкафа чистое полотенце, положил на стол и обратился к брату, как в детстве:

— Василек, бери полотенце и иди в ванную. Искупайся с дороги. А после пообедаем. Я суп приготовил, пока ты спал. Вкусный получился!

Васька, нахмурившись, исподлобья взглянул на него. Постоял, раздумывая, что делать, молчком взял полотенце, новое мыло в упаковке и скрылся в ванной комнате. Он долго плескался, что-то ворчал, иногда громко матерился, а потом неожиданно замурлыкал себе под нос, видать, настроение появилось. Вышел, вытирая вспотевшее лицо, пригладил мокрые волосы и отправился на кухню.

— Ну, корми, Крючок. Чем угощать-то собираешься, а? Красную икру подашь или свиные отбивные?

Скособочившись, Алешка покосился на него, но ничего не сказал. Нарезал черствый хлеб, поставил перед братом щербатую тарелку с супом, где плавали разваренные рожки, виднелась картошка, кругляши моркови да изредка мелькал поджаренный лук. Отдельно поставил нарезанный на тарелочке огурец, а рядом на стол положил несколько зубчиков чеснока.

Брезгливо поморщившись, Васька помешал в тарелке, поднял ложку, в которой одиноко лежал маленький кусочек мяса. Опять зачерпнул, посмотрел на разваренные рожки. Потом отодвинул тарелку, взял кусочек огурца и, захрустев, буркнул:

— Н-да, не густо. С такого супа морда шире не станет — это точно, но и подохнуть не получится. Вот поэтому ты такойдохлый, а может, у тебя все в горб уходит? Глянь, он не по дням, а по часам растет.

— Последние деньги на похороны ушли, — покосившись на него, сказал Алешка. — Даже занимать пришлось. Ладно, соседи помогали, а то бы совсем было худо. Поэтому в холодильнике пусто. Ничего, проживем! Вот ты вернулся домой, теперь все наладится.

— А с чего ты взял, что я останусь? — удивленно проговорил Васька. В этой дыре жить, в этом свинарнике, откуда сбежал? Я вернусь, но к себе. У меня большая квартира, новенькая машина, теплый кирпичный гараж. У меня есть все, что душе угодно, а баб — вообще от Парижа до Алтая. У меня их столько было, что тебе не снилось. А у тебя есть баба, Крючок?

— Нравится одна, — запнувшись, ответил Алешка, не поднимая головы, и принялся хлебать суп. — Хорошая девушка...

— Посмотри на себя, Крючок, — закатился в смех Васька. — Ты же горбатый! Башкой подумай, ведь ни одна нормальная баба не согласится с тобой жить. Хотя... Может, и она такая же, как и ты — крючкообразная?

Алешка нахмурился. Обидно стало, что брат обзывает и унижает его, но он промолчал. Пусть болтает, лишь бы не ругался и не размахивал кулачками. А потом тихо произнес:

— Почему — такая? Она хорошая. Добрая. И нормальная...

— Дуры нормальными не бывают, — небрежно отмахнулся Васька и усмехнулся: — Скажешь тоже — хорошая! Только настоящая дура может жить с таким калекой, как ты, потому что нормальная девка рядом с тобой даже не сядет. Погляди в зеркало, на кого ты похож... Понял, Крючок?

Васька разговаривал грубо. Для него брат давно уже стал чужим. С самого детства, можно сказать. А потом, когда уехал, вообще отвык за долгие годы. Абсолютно отвык! Это не брат, а чужой человек. Для него друзья были куда ближе, чем мать и брат. Уехал из дома пацаном. Сразу после школы сбежал, а сейчас уже взрослый мужик. Получается, что большую часть своей жизни он прожил один, без семьи. Он вдруг вспомнил школу и то, что почему-то стеснялся своей матери, не говоря уж о брате-инвалиде. Мать всегда была тихая, забитая жизнью. Ни с кем не спорила, не ругалась. Все ею помыкали. Не успеет прийти с работы, а уже торопится на другую. Всегда в старенькой одежде, неприглядная, маленькая, щупленькая. Пройдет мимо, и не заметишь, «серая мышь», как говорят. Васька не любил, когда она приходила в школу. Робко постучится в дверь, стоит, опустив глаза, и молча слушает, как учительница жалуется на него. А домой вернется, не ругается, лишь взглянет с укоризной, покачает седой головой и все. И братишка, Алешка, в нее пошел. Взглянуть лишний раз боится, не то что слово

сказать, а тем более поругаться. А он... Ему почему-то стыдно было, что у него такая семья, и он никогда не приводил домой своих друзей. Стеснялся, что живут небогато, что у них всего лишь маленький телевизор и проигрыватель с кучей старых пластинок — это осталось от отца, который сбежал от них, когда они в садик ходили. А на все вопросы об отце Васька отвечал, что он был подводником и погиб при исполнении боевого секретного задания. Даже картинку из какого-то журнала вырезал и всем показывал. И сам поверил в то, что придумал. Верил и всем хвастался, пока кто-то не притащил в школу старый журнал, а там была такая же картинка подводника. Вся школа тогда смеялась над ним. Он злился, дрался, иногда плакал, забившись под лестницу или забравшись на чердак. Мать вызвали в школу. Она долго слушала, а Васька стоял рядышком и смотрел на нее. Учительница жаловалась, что он обманывает, с ребятами дерется, уроки прогуливает, и про отца носом ткнула, а мать ничего не сказала, даже не заступилась за него. После этого Васька стал тихо ненавидеть свою семью, стыдиться мать и бить брата. Старался избегать с ними куда-нибудь ходить, где-то бывать. Ему лучше было с друзьями. С ними весело. А дома — тоска зеленая. В итоге, кое-как дотянув до выпуска, он утащил деньги у матери, и они с другом уехали из города. Он решил стать богатым. Таким, чтобы все завидовали, таким, чтобы все боялись его, таким... Васька вздохнул. Да, он добился. Сначала курсы окончил, потом его определили на работу, квартиру дали. Ну а мамка с братом... Они остались там, где-то далеко, где-то в прошлом, о котором он старался не вспоминать. Да, приезжал домой. Показал матери и брату, с какой легкостью расстаётся с деньгами, разбрасывая направо и налево, но матери ни копейки не давал. Он приехал в гости, и его должны, нет, обязаны кормить, поить и выполнять все его прихоти. Бывало так, что на обратную дорогу мать давала деньги, а он брал и спокойно уезжал. Мать долго терпела, а потом как-то попыталась его образумить, но Васька психанул, разругался с ней, мол, нечего совать нос в его жизнь, сказал, что больше домой не вернется, и ушел, хлопнув дверью. А мать и брат... А зачем о них думать? Это лишняя головная боль. Чем больше он зарабатывал, тем меньше ему хотелось общаться с семьей. И Васька перестал с ними общаться. Отделялся редкими письмами, открытками, а потом вообще замолчал.

— Васька, почему говоришь, что девчонка, которая мне нравится, — дура? — прервал его воспоминания Алешка. — Аленка хорошая. Сам убедись, когда с ней пообщаешься. Она такая, такая... — Он не смог объяснить, какая Аленка, лишь рукой махнул и, опять вперив взгляд в пол, замолчал.

— Какая Аленка? — поморщившись, раздраженно произнес Васька. — Да мне наплевать на нее! Дура, она и в Африке — дура. Тоже мне, выис-

кался женишок— калека. Ишь ты, размечтался! Скажи еще, что жениться собираешься...

— Я бы женился, если бы она согласилась, — прошептал Алешка. — Она, как свет в окошке, так мамка говорила...

Аленка действительно была не такая, как все. Сначала она приходила к матери, делала уколы, бегала в магазины или в аптеки. А его всегда называла женихом. Потом стала просто так приходиться. Забежит после работы, матери поможет. Мимоходом Алешку потреплет за вихры, прижмет к себе, женихом назовет и скажет, что нужно подстричься. На следующий день прибежит, принесет машинку, пострижет, поможет голову помыть, и все так просто, так легко, словно всю жизнь знали друг друга. Алешка привязался к ней, а вот о том, что полюбил Аленку, старался не думать, даже самому себе боялся признаться — таких, как он, любить нельзя, таких в лучшем случае жалеют, а в худшем — презирают. Алешка это понимал, но ведь сердцу-то не прикажешь. Поэтому было тяжело, что Аленка рядышком с ним, а он... А он молчал и просто ждал, когда она придет... Мать обо всем догадывалась и почти перед смертью попросила Аленку не бросать его. Та смутилась, плечиками пожала, сказала, что Алешка хороший, но сейчас еще рано на такие темы разговаривать, и заторопилась домой. А на следующий день опять появилась, и словно никакого разговора не было, пробежала мимо Алешки, называя женихом, трепала за вихры и посмеивалась. А Алешка втайне мечтал, что врачи придумают что-нибудь, и он вылечится, станет нормальным, как все люди, и тогда...

— Не говори так, Васька, — покачиваясь, сказал Алешка. — Не говори, если не знаешь человека...

— Ты еще станешь меня учить, — опять взъерепенился Василий, резко отодвигая тарелку. — Даже пожрать не можешь приготовить. Фу, помой! — и поморщился.

— Алешка, что за шум, а драки нет? На весь подъезд раскричались, — раздался вдруг из прихожей голос, послышались быстрые шаги, и в кухню вошла невысокая стройная девушка, одетая в простенькое платье, с волосами до плеч, в ушах мелькнули капельки — сережки, да на шее виднелась тоненькая цепочка. Она остановилась в дверях и пристально взглянула на Ваську.

— Как я поняла — это Василий, твой старший брат? — Она кивнула и едва заметно улыбнулась. — С приездом, Василек! А я — Алена. Надеюсь, Алеша обо мне рассказал. Он такой молчун! Слово из него не вытянешь. Как дела, жених? А что столько грязной посуды накопилось? Ну ладно, я вымою.

Аленка принялась расспрашивать Алешку и его брата, как провели день, а заодно сразу взялась за мытье грязной посуды.

Вздернув брови, Васька с удивлением, даже с недоумением смотрел на нее: красивая, стройная, хоть и наряд простоватый, но улыбка, а глаза... они словно отдельно были, и смеются, когда смотрит, и темнеют, если хмурится, и чертенята мелькают, и еще что-то такое было, чего не мог себе объяснить. Такого с ним еще никогда не было. Он неожиданно смутился и опустил голову, чего не ожидал от себя. Ну, никак не ожидал!

— Это... Тьфу ты, аж слова растерял, когда на тебя взглянул, — заулыбался Василий, посверкивая золотым зубом. — Откуда взялась такая красивая, что аж сердце екнуло? Послушай, Аленка, может, вечером прогуляемся? — ухватил он ее за тонкое запястье.

Аленка нахмурилась. Отдернув руку, шагнула в сторону, прислонилась к стене и погрозила пальцем:

— Я не девка с улицы, чтобы со мной разговаривать так. Сначала научись говорить, а потом будешь приглашать. У меня подружки есть, чтобы гулять, а нужно будет, и жених появится.

— Хочешь сказать, что это он появится? — ухмыльнулся Васька, ткнув пальцем в Алешку. — Скажи, что может дать тебе этот жених-инвалид? Ничего, кроме головной боли! А я могу дать, потому что у меня настоящая жизнь, не чета этой. А хочешь, все сделаю для тебя! Как сыр в масле будешь кататься. А с ним, с этим женишком... — Он снова ткнул пальцем в брата и пренебрежительно отмахнулся.

— Как сыр в масле... — взглянув на него, задумчиво протянула Аленка. — Алешка может дать больше, чем ты думаешь. У него широкая душа...

— Да ну, широкая... У него душа, а у меня все остальное. Это у меня есть все, что твоей душе угодно, — продолжая усмехаться, сказал Васька. — А чего нет, достану или куплю. А одними словами и обещаниями сыт не будешь.

— Это ты сидишь и обещаешь, — звонко рассмеялась Аленка. — Правильно говорят, что язык без костей. Вот и мелешь всякую чушь — куплю, достану... К примеру, если человеку не дано любить — это он не достанет и не купит, потому что это должно быть в душе, в его сердце, а не деньгами мерить, как ты делаешь. — Она дотронулась до Алешкиного плеча: — Жених, чем будешь кормить свою невесту? Ух, проголодалась! Весь день на ногах, даже пообедать не успела. Думала, к вам прибегу, что-нибудь придумаем.

— Я суп приготовил, — тихо произнес Алешка. — Сейчас налью, — и уже хотел подняться, но Аленка придержала его:

— Сиди-сиди, женишок, сама налью. — Налив в тарелку суп, она присела за стол и посмотрела на него: — Алешка, нужны деньги. Сорок дней на этой неделе. Продукты нужно купить. Я бы сбегала на рынок и по магазинам, все бы закупила, чтобы тебе не мучиться.

— Деньги в серванте лежат, — кивнул головой Алешка. — Забери. А я с бабой Липой поговорю, чтобы помогла с сороковинами. Может, еще кто-нибудь из соседей поможет. Справимся. Вот и Василек приехал. Мамка рада будет, что ее не забываем.

Доев суп, Аленка поднялась, плеснула чай в стакан, неторопливо выпила и, взглянув на братьев, стала их подгонять:

— Так, братцы-кролики, живенько поднялись, и марш с кухни! Не путайтесь под ногами! Идите в комнату, посидите на диване, поговорите по душам, вы же братья...

Алешка поднялся и вышел из кухни.

— О чем говорить? — пренебрежительно сказал Васька, когда они с Аленкой остались одни. — Он двух слов связать не может. С ним хорошо молчать. Он ни слова не скажет, и я молчу. О, какая у нас познавательная беседа получается! А вот с тобой поболтать — это другое дело. А с ним... У него столько ума нет, чтобы разговаривать. Поэтому и молчит, как рыба об лед...

— Молчание — это золото, а вот болтун, как ты, находка для шпиона, — не удержавшись, бросила Аленка. — Не уважаю трепачей!

— Знаешь, Аленка, на это золото, что молчанием зовется, хлеба не купишь, — ехидно протянул Васька и скорчил рожу. — А я хоть болтун, как говоришь, но хлеб с маслом и сыром всегда имею, да еще икорка водится. А ты еще жизни не видела, а говоришь про неуважение. Фу-ты, ну-ты, как заговорила! Вообще, не нужно меня учить. Говоришь, что устала, тогда иди домой и отдыхай, а мы уж сами тут разберемся. Понятно?

— Ты приехал скандалить или брата навестить? Алешка соскучился. Всегда про тебя вспоминал и рассказывал, а ты...

— Тебе-то какое дело? — недовольно буркнул Васька. — Ты в наши дела не влезай, я с Крючком сам разберусь.

Васька сильно разозлился. Не привык, чтобы ему выговаривали в глаза, не любил, чтобы с ним спорили. Сюда приехал и не ожидал, что у брата — этого молчаливого калеки — прорежется голос, когда появилась эта деваха. Тоже мне, нашелся защитничек! Хотя, если посмотреть, неплохая подруга. Есть в ней что-то притягивающее. Взглянет, аж мурашки по коже пробегают. А братишка — инвалид, да еще такой тюфяк, каких поискать нужно, а туда же, мечтает про Аленку. Наверное, думает, что зацепил девицу, если женихом называет. Единственное, чем может взять — это жалостью, а Аленка, если она дура, может попасть на крючок этому Крючку, а потом будет всю жизнь мучиться. Как же увести у него Аленку? Неделя есть в запасе, достаточно, чтобы уговорить. Не таких обламывал, а эта, хоть и языкастая, но простушка, если присмотреться. И одевается так себе.

Много денег не зарабатываешь, ухаживая за больными. Он снова посмотрел на Аленку, и вдруг в голове мелькнула мысль — шальная и неожиданная: а может, взять и жениться на ней? А почему бы и нет? Девка-то хорошая, тем более, не избалованная. С такой заживешь, как у Христа за пазухой. И она будет ценить, и радоваться каждой мелочи. А, правда, что будет, если...

— Н-да, что-то я засиделся в четырех стенах, — потянувшись, задумчиво проговорил Васька, глядя на Аленку. — Может, куда-нибудь сходить, а? Слышь, Крючок — крикнул он в комнату, — в кафе пойдешь?

Он знал, что младший брат откажется.

— Нет, не хочу, — ответил оттуда Алешка. — Что там делать? Покушать? Аленка приготовит вкуснее. Иди, если хочешь, а я дома останусь.

— Одному скучно в кафе, — поморщился Васька. — Ни поговорить, ни посмеяться, а тем более что сидеть одному — это тоска зеленая. Он вдруг резко повернулся к Аленке: — Слушай, может, вдвоем сходим?

— Сходить можно, — качнула она головой и, не удержавшись, съехидничала: — Правда, скучно будет с тобой. И разрешение у жениха нужно спросить. Да, Алешка?

— Ох, языкастая! — подмигнул ей Васька. — Со мной не заскучаешь. Я умею все и даже больше того. У любого жениха отобью. Ну, сама убедись, если согласишься, а не захочешь — все равно уболтаю, не успеешь глазом моргнуть, как свадьбу сыграем, — хохотнул Васька и снова крикнул брату: — Слышь, Крючок, я думаю, ты не будешь против, если мы с Аленкой посидим в кафе или в ресторан заглянем?

— А что у меня спрашиваешь? — ответил тот. — Ты с ней разговаривай. Я не муж, чтобы запрещать. Как скажет, так и будет...

— Может, правда, сходить в кафе? Что-то я вымоталась, — вздохнула Аленка. — Забыла, когда отдыхала.

— Ну что, идем, — сразу заторопился Васька. — Посидим, музыку послушаем. С Алешкой ничего не случится. Пусть твой женишок дома сидит. Ему не привыкать...

Они ушли, и Алешка остался один.

Он походил по квартире. Подошел к сумке и пакетам, с которыми приехал брат, но не стал заглядывать, оставил все, как лежало, его вещи, пусть сам разбирает. Подошел к окну. Постоял, посматривая на соседний двор, где играли ребятишки на футбольном поле, потом, вздохнув, взял книжку и устроился на диване. Он читал, но больше думал. О чем? Да обо всем. Прошрое вспоминал, о матери думал, Аленка перед глазами вставала, и ухмылку старшего брата видел — злую и ехидную...

Васька вернулся на следующий день.

— Слышь, Крючок, а все же уломал Аленку! Знаешь, мы решили пожениться, — сказал он, едва перешагнув порог. — Вот сорок дней пройдут, а там подадим заявление. Не думал, что в наше время такие девки остались.

— Не успели познакомиться, и уже собираешься жениться? — пожал плечами Алешка. — Недельку поживешь, а потом бросишь, как всех своих девок? Разве можно жениться и жить без любви?

— О, гляньте на него, он любовь захотел! — съязвил старший брат. — А может, у нас самая настоящая любовь с первого взгляда?

— И Аленка согласилась? — недоверчиво спросил Алешка. — Она же такая... Такая, аж дух захватывает!

— Согласилась, — хохотнул Васька. — Ночь долгая, уломал ее, не будет же она до старости в девках ходить. Сам подумай, Крючок, к примеру, что будет, если бы она за тебя вышла? Ничего хорошего, потому что у вас нет будущего. А я дам все, что она захочет. Вот и поразмысли на досуге, а нужна ли эта любовь, если нечего дать? Одной любовью сыт не будешь. Ай, да что с тобой говорить! Начитался своих книжек, а под носом у себя ничего не видишь. И вообще, не лезь, куда тебя не просят, а то по шее получишь, — и он, чертыхнувшись, вышел на балкон.

Алешка ничего не сказал, лишь еще сильнее сгорбился на диване, уткнувшись в книгу.

Вечером пришла Аленка. Подошла к Алешке, о чем-то спросила, он промолчал. Постояв возле него, Аленка хотела погладить по голове, как раньше бывало, подняла руку, но почему-то не решилась, лишь легонько, едва дотрагиваясь, провела по плечу и тихонечко отошла.

На сорок дней пришли соседи. Посидели за столом, добрым словом мать вспоминали, Алешку жалели, исподтишка поглядывали на Ваську и перешептывались. Ближе к вечеру все разошлись, соседки убрались в квартиру, помыли посуду и тоже ушли.

Следом за ними Васька стал поторапливать Аленку. Она несколько раз оглянулась на Алешку, который сидел на диване с книгой, а потом нерешительно подошла к нему и сказала:

— Пойми, Алешка, мне нужно жизнь устраивать.

— Да, понимаю, — не поднимая головы, ответил он.

— Пойми, мы же с тобой шутили, называя друг друга женихом и невестой...

— Я все понимаю... — тихо проговорил Алешка. — Да, конечно, шутили, потому что с такими не живут.

— Ну, зачем ты так... — вздрогнула Аленка. — Ты же молодой, встретишь еще...

— А зачем? — Он, наконец, поднял голову, взглянул на нее, а в глазах — боль.

Аленка стояла рядом и не знала, что делать. Снова протянула руку, чтобы погладить его по голове, как прежде, и не смогла — опустилась рука, плетью повисла. Она медленно отошла, стараясь не шуметь, засобиравалась и ушла, тихонечко притворив за собой дверь. Васька подошел к брату, хотел, было, что-то сказать, но махнул рукой и заторопился вслед за Аленкой.

Алешка остался один. Привычно взяв книгу, он устроился на диване и принялся читать. Медленно читал. Больше думал. Отложит книгу и смотрит в окно или еще куда-нибудь, а сам о чем-то думает. Потом поднялся. Долго стоял возле иконы, словно о чем-то говорил, а может, просил. Подошел к фотографии матери, которая стояла в рамке на столе, и опять то улыбнется, то нахмурится и что-то шепчет. И так почти до утра...

Ближе к обеду вернулись Васька с Аленкой. Постучали — громко, требовательно, как любил Васька колотить в дверь, но на стуки никто не отзывался. Васька долго копался в карманах, разыскивая ключ, потом открыл дверь, и они, войдя в квартиру, прислушались. На кухне бормотало радио, но в квартире стояла тишина.

— Эй, Крючок, отзовись! — привычно крикнул Васька. — Слышь, что хочу сказать...

Он снова прислушался и пожал плечами, не понимая, куда делся Алешка. Царившая в доме тишина почему-то настораживала... Васька заглянул в одну комнату, в другую — никого, а, повернувшись, он увидел, что Аленка стоит возле стола и держит в руках пустую рамку, где раньше была фотография матери. Ни письма, ни записки...

Младший брат пропал.

Алешку искали. Долго. Но бесполезно. С той поры его никто не видел. Но каждый год на могиле матери, где стояли красивый памятник и ограда, стали появляться живые цветы. Кто приходил и положил — этого никто не знает. Может, какая-нибудь старушка присела на лавку отдохнуть и оставила простенькие цветы, может, просто прохожий, который мимо проходил и положил небольшой букетик, а может, и... □

Иван Васильцов

Декабрь. По-иному — родина.
Пора отпусков печальных,
Гудков, стекленеющих в небе,
Серебряных поясов.
И воробьев бездомных
С вечной заботой о хлебе,
И женщины, пожалевшей
Упущенных в снег часов.

Никто не изменит вокзалов
И странников не остановит.
Ничто не заменит котомок,
Таящих о поле рассказ.
Пора выходить наружу,
Желанный близится поезд,
Который — движение, поиск
Родных на мгновенье глаз.

Когда-нибудь древнее слово
Сумеет представиться светом,
Махнет из-за тучи крылами,
Растает, как сокол-финист.

Состав остановлен на время,
На вымышленное лето,

Где мята, рожденная вьюгой,
Метелями слеplенный лист.

Звучат, звучат объявленья
Путей, дорог, расстояний.
Для многих — как приговоры,
Для избранных — как мечты.
Люди встают, уходят,
Их темные ждут

платформы,
А на скамьях остаются
Невидимые цветы.

Почерк мороза на стеклах
Сухой, угловатый, горький.
Замерзшее сердце птицы
Молчит не только во мне.

По лестнице — в сказку
сугроба,
По шпалам — в страну
сенокоса,
По трепетной тропке —
к озерам,
По лунной дорожке —
к луне.

Ночами здесь часам не до часов.
Здесь даже небывалое — бывает.
Перед тобой закрывшийся засов
Твои слепые очи открывает.
Смотри на небо и увидишь дом,
Слезой нарушишь сумрачное вето.
Своим тебя осветят чередом
Все стороны несолнечного света.
На севере — предупреждение вьюг,
Морошки, мора и мечты слиянье;
Зимует запад, и ютится юг,
Вот-вот сверкнет восточное сиянье.
Тебя найдут прожектора машин
На самом запредельном переезде.
Далекий блеск неоновых вершин
Перерастет в мерцание созвездий.
Тебе с бегущим суждено бежать,
Изнанкой быть мостов, сползать в кюветы,
Седеющим затылком отражать
Прозренья ослепительной ракеты.
Безвестным городищам и крестам
Ты всё отдашь за радости былые.
С тобой простятся очаги крестьян,
Уже разбитые, еще живые.
Тебя зацепят пальцы рыбаков,
Которых бакен, вспыхивая, кличет.
Ты вдруг почувешь, что в конце веков
Беду лишь бесконечность ограничит.
Пощады не проси у площадей,
Держи топор и крылья за плечами.
Не ночи, а ночных пугайся дней
И света, не светившего вначале.

Екатерина Соломатина

**«Всегда и в любой ситуации
нужно оставаться
человеком...»**

Екатерина Соломатина — молодая талантливая актриса театра и кино, а еще она пробует себя и как креативный продюсер. Вообще, в творческом арсенале Екатерины 74 работы в 74-х проектах! Зрителям актриса запомнилась по многим сериалам и фильмам: «Каменская-2», «Гражданин начальник», «Женская версия», «Сорок розовых кустов», «Холодное сердце», «Разлучница».

А в прошлом году с ее участием вышли сериалы «Фантом», «Поселенцы», «Маменькин сынок».

На сегодняшний день в производстве картина «Три капитана», мелодрама «Когда меня не станет»...

— Екатерина, что нового происходит в вашей творческой жизни?

— Весной состоялись премьеры детективного художественного фильма «Дама Треф», режиссер Филипп Коршунов, и детективного сериала «Женская версия-1», режиссер Валерия Ивановская.

Закончились съемки сериала «Анатомия убийства-2», режиссер Артур Румынский, летом 2020 года будет

продолжение работы над третьей частью этого сериала. На канале ТВЦ скоро выйдет сериал «Женская версия-2» .

Сегодня я много работаю в кино. Мой муж, Александр, занимается кинопродюсированием, и я не так давно решила попробовать себя в совершенно иной профессии — как креативный продюсер. Посмотрим, что получится, в любом случае, мне это очень интересно.

— В МХТ имени Чехова вы запомнились в роли Вари в «Вишневом саде», а сегодня вы играете в театре?

— Не служу в театре уже восемь лет. «Любите ли вы театр, как люблю его я?» — эту фразу я произносила, когда уходила из МХТ в 2011 году. Обстоятельства сложились так, что меня вынудили уйти. Как-то моя подруга, коллега по театру, спросила: «А есть ли жизнь после МХТ?» Я ответила, что есть, и была права. Для меня это счастливая жизнь — вышла замуж, родила ребенка, стала сниматься в кино. Сегодня живу жизнью свободного художника, что было бы невозможно, работая в театре. Предложи мне снова войти в труппу любого театра — я бы еще подумала, а приглашение на интересный театральный проект — рассмотрела бы. Не ради денег, а ради хорошего материала, увлекательной работы. В театре денег не заработаешь — это возможно только в кино.

— У вас были любимые роли в театре?

— Конечно! Это Варя из «Вишневого сада», спектакль поставил Адольф Шапиро, а Олег Павлович Табаков утвердил меня на роль. С благодарностью вспоминаю то время, представьте, мне было двадцать четыре года, и моей чеховской героине ровно столько же, отличное совпадение возраста. Спектакль я играла семь лет — с 2004 года по 2011 год. В театре мне очень повезло, я играла

прекрасных героинь, и у меня был замечательный репертуар. В спектакле «Мещане» в постановке Кирилла Серебренникова сыграла Полю, в «Господах Головлевых» — Любиньку. Интересная работа была в авторском спектакле Евгения Гришковца «Осада», где я сыграла Богиню, в «Ундине» режиссера Николая Скорика — Русалку и Придворную даму...

Уходя из театра, я очень переживала, и переступить порог МХТ смогла только спустя пять лет, придя

с дочкой на «Конька-Горбунка», где играла моя подруга.

— Когда-то вы, совсем юная девушка, приехали в Москву из Новосибирска поступать в вуз. Как приняла вас столица?

— Я поступила сразу в три вуза в 1999 году: Щукинское училище, ГИТИС и школу-студию МХТ. Скрыла, что у меня был диплом о среднем специальном актерском образовании — в Новосибирске я окончила училище, и боялась, что это повредит при поступлении.

Выбрала школу-студию МХТ, и до сих пор благодарю Бога за своих педагогов: Алла Борисовна Покровская, Дмитрий Брусникин, Роман Козак... Наш курс был первым постефремовским, если можно так выразиться, так как набирался уже после ухода из жизни Олега Николаевича Ефремова.

Андрей Васильевич Мягков, Олег Павлович Табаков, Станислав Андреевич Любшин, Евгений Арсеньевич Киндинов — какие профессионалы своего дела! У таких учителей можно учиться бесконечно!

— Несмотря на сегодняшнюю занятость, у вас есть хобби, увлечения?

— Моя семья — это и есть мое увлечение, мне нравится быть мамой, женой. Я — Муза своего мужа, и это тоже работа!

Люблю быть в кругу семьи, совместные прогулки, поездки. С дочкой ходим в театры на детские спектакли, очень любим РАМТ.

— А читать вы любите, есть любимые книги?

— К сожалению, читаю мало. В основном это сценарии, супруг их тестирует на мне, не могу сказать, что много хорошего материала, но встречается.

— Ваша дочка хочет стать в будущем артисткой?

— Ей восемь лет, она очень загружена в школе, никакие секции не

посещает, хотя по натуре — очень артистична. Я — за детство! Пока категорически против ее съемок в кино, хотя предложения были.

— Какие качества цените в людях?

— Люблю душевных, открытых людей. Людей, с которыми мне комфортно энергетически. Не люблю ложь во всех ее проявлениях, тонко чувствую, когда врут.

— Что пожелаете самой себе и окружающим?

— Здоровья себе и близким — это главное. А еще нужно всегда и в любой ситуации оставаться человеком.

По натуре я — идеалист, и очень хотелось бы, чтобы нас окружало как можно больше хороших людей, тогда лучше будет и весь наш мир.

Беседовала **Елена Воробьева**

Паула Модерзон-Беккер

Автопортрет

В 1925 году в Европе широко отмечали юбилей Эриха Рильке. Поэту исполнилось 50 лет. Захотел его поздравить и русский художник Леонид Пастернак (отец Бориса Пастернака), которого связывали с Рильке давние и теплые отношения. Тогда Пастернак с женой жил в Берлине и очень хотел написать его портрет. В своем поздравлении Пастернак писал: «...По тем двум портретам, которые как нарочно недавно мне попались на глаза — узнать довольно трудно Вас...»

Один из описываемых Пастернаком портретов был сделан художницей Лулу Альбер-Лазар в 1916 году. «Некоторое сходство там имеется с Вами, кажется...» — писал Пастернак. А вот о втором портрете он говорит: «...Но зато в другом — кисти довольно известной (и талантливой, думается) художницы Паулы Модерзон — ничего я не мог найти, что Вас бы мне напомнило хоть отдаленно!.. Возможна ли такая перемена?..»

Пастернак написал свой портрет Рильке, и он вполне хорош. Но вот его оценка работы Паулы Модерзон, а вернее Паулы Модерзон-Беккер — не очень справедлива. Портрет этот и похож, и очень выразителен. И он остался и в биографии Рильке, и в биографии этой выдающейся немецкой художницы.

Портрет Рильке

*Портрет
Эриха Рильке*

В конце XIX века жители немецкой деревушки Ворпсведе, расположенной недалеко от Бремена, только и говорили, что о поселившихся там чудаках-художниках. Они приехали сюда в 1889 году и полюбили эту землю. Отто Модерзон, Фриц Макензен, Ганс ам Энде, Генрих Фогелер и их друзья, переехав сюда, уже не желали возвращаться в городскую суету. На фоне этой первозданной природы, полагали они, непременно должен развиваться их талант, в который они все твердо верили. Они пи-

сали пейзажи, на которых запечатлевали скромное очарование саксонской земли, и добились успеха — в середине 1890-х годов в крупнейших городах Германии прошли выставки, на которых публика увидела их работы. О жителях Ворпсведе заговорили и критики, и простые любители живописи. На одной из таких выставок юная художница Паула Беккер увидела картины Отто Модерзона, и они произвели на нее огромное впечатление. Теперь она знала, как ей жить дальше.

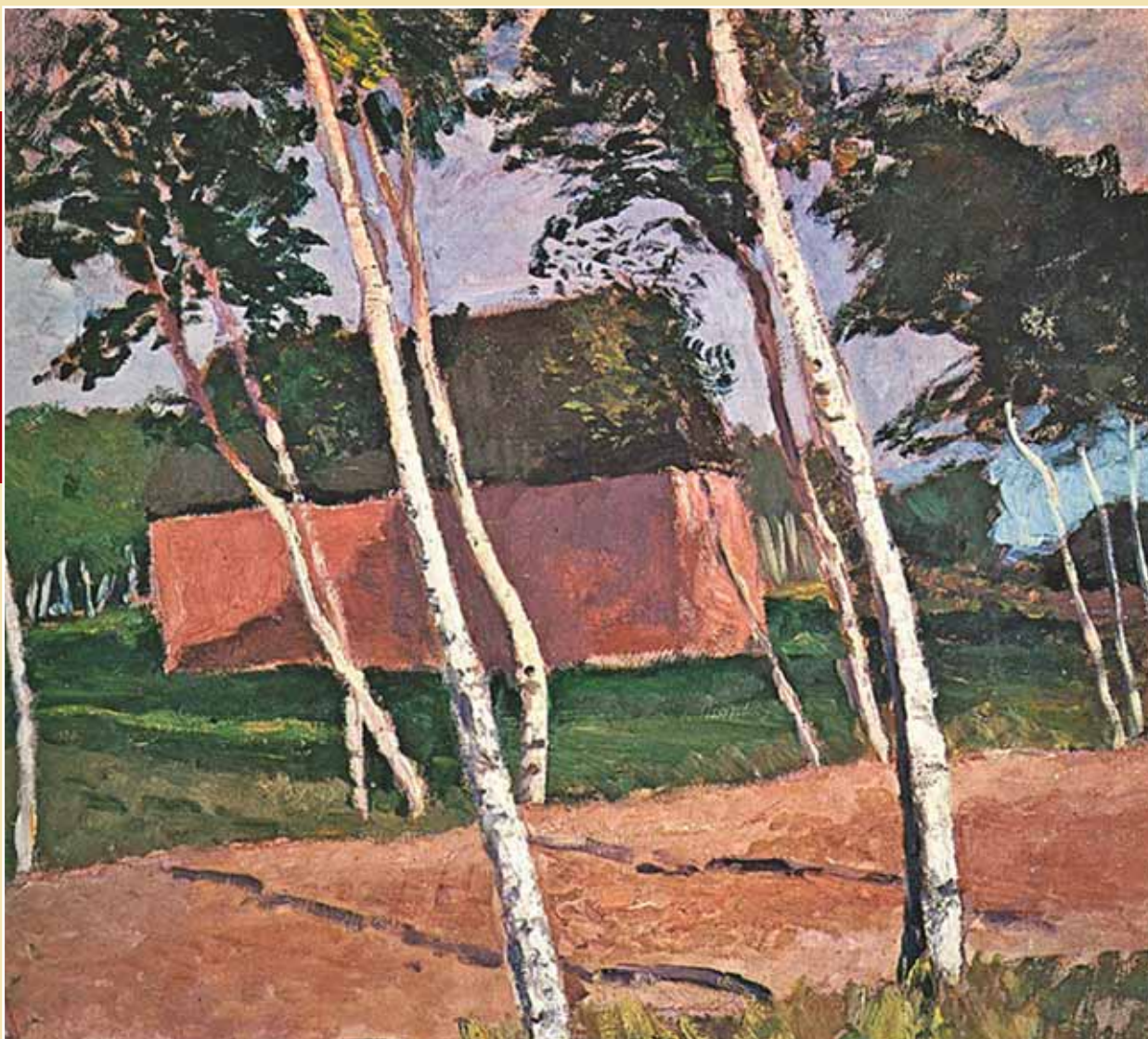
Портрет пожилой женщины, написанный Паулой в богадельне

Справа:
Пейзаж, написанный в Ворпсведе

Паула Беккер родилась 8 февраля 1876 года в Дрездене. Ее отец, Карл Вольдемар Беккер, был инженером и происходил из довольно простой семьи, зато мать, фрау Матильда, была настоящей аристократкой, она принадлежала к старинному тюрингскому роду фон Бюльтцингслевен, ее отец имел высокий военный чин, командовал частями, располагавшимися за пределами Германии. Родители Паулы имели прекрасное образование — герр Беккер владел английским и французским

языками и даже говорил на русском, а фрау Беккер любила искусство, музыку и литературу. Родители очень хотели, чтобы их дети (а их было трое) тоже получили должное образование, а потому приобщали их к культуре — учили игре на фортепьяно, слушали все вместе Вагнера и читали стихи немецких поэтов, особенно уважали Гете.

В 1888 году Карл Беккер получил новое место в Бремене, и его семейству пришлось покинуть Дрезден. В те годы в Бремене шла актив-

ная художественная жизнь, работало много талантливых художников. Старшие Беккеры быстро стали своими в этой артистической среде, и однажды их новые знакомые заметили, что у маленькой Паулы явный талант к рисованию, во всяком случае, она непрерывно что-то рисовала. Когда ей исполнилось 14 лет, ее отправили в Лондон, где жила тогда сводная сестра герра Беккера. Приличная девушка из приличной семьи должна знать английский язык и освоить домоводство — такова бы-

ла цель этой поездки. Но благодаря дяде Паула стала брать уроки уже в настоящей художественной школе — школе Бернхардта Вигандта. Здесь она написала свои первые портреты — на ее картинах возникали образы любимых братьев и сестер. В 1893 году она написала первый автопортрет и в том же году на выставке в бременском Кунстхалле увидела работы живописцев из Ворпсведе. Особенно ей понравился один пейзаж. Отто Модерзон — прочла она имя автора на

подписи к картине. Паула тогда и не догадывалась, что этот человек станет впоследствии ее мужем...

А пока она уже серьезно, вполне сознательно осваивала живопись — приехав в Берлин, посещала столичную художественную школу при Союзе берлинских художниц. Женщин в те годы в Академию художеств не принимали. Денег в семье Беккеров было не так уж много,

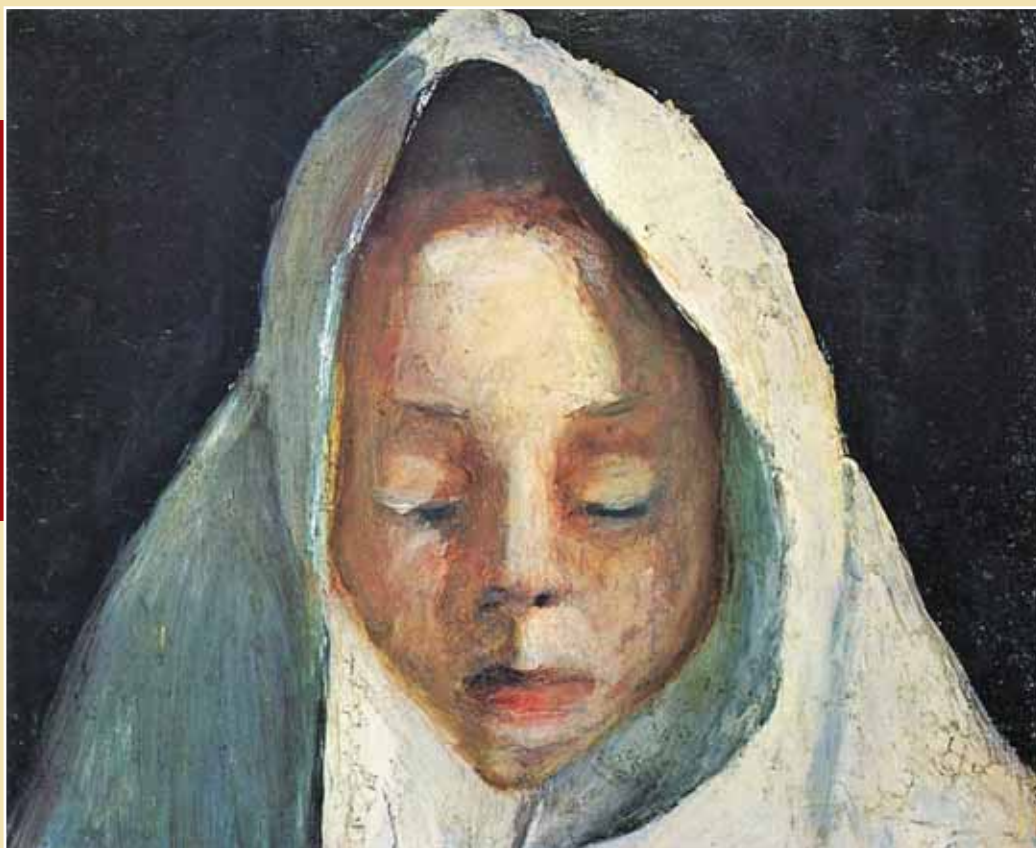
а потому, чтобы дать Пауле средства на учебу, пришлось сдавать комнаты в бременском доме. К счастью, за жилье Пауле платить было не нужно — она жила в особняке своего дяди, Вульфа фон Бюльтцингслеvena. В Берлине Паула училась не только в школе — ее учителями стали Дюрер и Кранах, Голбейн и Тициан, Боттичелли и Леонардо, творения которых она внимательно изучала в берлинских музеях.

В 1897 году родители Паулы праздновали свою серебряную свадьбу. Отметить это важное в жизни семейства событие они решили в Ворпсведе. Там действительно было хорошо — и природа, и покой, и замечательные люди вокруг. Понравилось Ворпсведе и Пауле. А уж когда отец договорился с Фрицем Макензеном, что тот будет давать Пауле уроки рисунка и живописи, она решила поселиться в этом чудесном местечке. Наивная фрау Матильда думала, что ее дочь поедет в Париж, найдет место гувернантки и выучит французский, но Паула твердо заявила, что никуда не поедет, она остается в Ворпсведе, и будет заниматься живописью.

У Макензена была еще одна ученица — ее звали Клара Вестхофф, и она мечтала стать скульптором. Клара была на два года младше Паулы, но у этих девушек оказалось столько общего! Это и любовь к искусству, и умение работать, а главное — уверенность в том, что у них все получится. Они подружились и

Слева:

*Авто-
портрет
с веткой
камелии*

*Детская
голова
в белом
платке*

оставались близкими до последних дней жизни Паулы. А еще в Ворпсведе жил Отто Модерзон, почтенный отец семейства и автор пейзажа, не так давно потрясшего сердце Паулы. Ему девушка очень понравилась, нравились и ее работы, особенно портреты старух, обитательниц богадельни, расположенной недалеко от Ворпсведе. Но у него была жена...

А вскоре Паула решила, что искания ворпсведских художников ее не удовлетворяют. Она знала, что столица искусства — Париж, и надо ехать туда, тем более что Клара уже была там — она отправилась в Париж в надежде поучиться у самого Родена.

И вот в канун 1900 года Паула отправилась во Францию. Она сняла

комнату и поступила в Академию Коларосси. Вместе с подружкой они часто бывали в Лувре, изучали картины старых мастеров, ну и, конечно, посещали галереи, где выставлялись современные художники. Однажды они зашли к папаше Воллару, покровителю парижских художников, и Паула увидела там работы Сезанна. О нем тогда еще никто не знал, но она сразу почувствовала мощь его живописи, а силу воздействия его полотен на зрителей сравнивала с грозой.

В апреле 1900 года в Париж на Всемирную выставку приехал Модерзон. Его жена Хелена, заболев, осталась в Ворпсведе. Там, в Париже, до него вскоре дошла горькая весть о том, что Хелена умерла.

Он срочно выехал в Германию, а через две недели на родину вернулись и подруги Клара и Паула: у Паулы кончились деньги, и пришлось, как этого и не хотелось, покинуть Париж.

В те годы в Ворпсведе появился еще один яркий житель — поэт Эрих Мария Рильке. Его пригласил один молодой, но очень талантливый художник Генрих Фогелер. Как-то они встретились во Флоренции, и Фогелер рассказал Рильке, какое это замечательное место — Ворпсведе, как здесь хорошо живется, работается и дышится. И Рильке захотелось побывать в Ворпсведе. «Я верю этому месту, и желаю, чтобы оно даровало мне возможности и путь к грядущему. Здесь я могу вновь просто жить», — писал он. Однажды вечером, читая свои стихи, он увидел двух девушек в белых платьях. Это были только что вернувшиеся из Парижа Паула и Клара. Обе девушки очень понравились поэту, но все-таки женой Рильке стала Клара. А за Паулой уже всю ухаживал Модерзон. Он быстро утешился после смерти жены и уже через три месяца, 12 сентября 1900 года, Отто и Паула объявили о помолвке. 25 мая 1901 года, меньше чем через месяц после свадьбы Рильке и Клары, они стали мужем и женой.

Отто был хорошим, мягким, тонким человеком. Он снял с Паулы груз множества проблем, а главное, материальные трудности ушли в прошлое. Он полностью ее обеспечивал,

и это давало ей возможность полностью посвящать себя искусству и не работать, к примеру, горничной или учительницей. Паула была совсем не глупа и все понимала. Она очень старалась быть хорошей женой для Отто и хорошей матерью для его дочери Эльсбет. Поначалу у нее это получалось — она научилась совмещать и обязанности хозяйки, и много работать в своей мастерской, и уделять время девочке, совсем недавно потерявшей мать. Отто твердо верил в талант Паулы, давал ей советы (которые, однако, не всегда воспринимались с благодарностью), всячески поддерживал жену, только вот очень ревновал ее к Парижу, к тамошней жизни и тамошним художникам. В дневнике Паулы в 1902 году появилась такая запись: «Мой опыт говорит, что замужество не делает более счастливой. Оно отнимает иллюзию, питавшую раньше все твоё существо, о существовании родственной души. В браке непонимание удваивается, ведь вся предыдущая жизнь была направлена на то, чтобы найти того, кто понимает... Я пишу это в моей кухонной книге в пасхальное воскресенье 1902 г., сижу на своей кухне и жарю телятину».

Наверное, в эти минуты Паула мечтала о Париже, о парижских галереях, о замечательных музеях, об этой удивительной парижской атмосфере — свободной, наполненной творчеством и дерзкими прорывами. Отто же все это было совсем не нужно — Ворпсведе его вполне

Спящий Отто Модерзон, муж Паулы

устроивало, здесь были покой и тишина, и близкие друзья, и эта скромная природа, которую он писал на своих полотнах. Нет, в Париж ему совсем не хотелось! Но он оказался настолько великодушен, что разрешил Пауле ехать туда одной. Она была безмерно счастлива, к тому же ее там уже ждали лучшие друзья, Клара и Рильке! Правда, отношения у них как-то разладились, и Паула очень переживала за свою подругу. По приезду в Париж Рильке познакомил ее с Роденом. «Я ходила вчера, пойду и сегодня, эти дни буквально стали новой вехой моей парижской жизни, — писала Паула друзьям в Ворпсведе о выставке скульп-

тора. — Роден с невероятной силой познал и отразил «саму жизнь и ее дух». Для меня он сравнится только с Микеланджело, а в некотором роде даже ближе. Стоит жить, пока такие люди есть на земле».

Паула часами сидела в Лувре — копировала шедевры древнеегипетских и античных мастеров. И все это потом проявлялось в ее работах, которые становились все более выразительными, яркими, словно обжигающими накалом чувств.

В марте Паула вернулась в Ворпсведе. Конечно же, она соскучилась по Отто и Эльсбет, по их дому, и какое-то время искренне наслаждалась спокойной и размеренной де-

ревенской жизнью. Но вскоре мысли о Париже стали овладевать ею. Отто теперь уже совсем не приветствовал такое неудержимое стремление жены отправиться туда, и все-таки Паула настояла на своем и уехала во Францию, но на этот раз Отто последовал вслед за ней. Он очень нервничал, чувствовал, что Паула от него отдаляется, становится чужой.

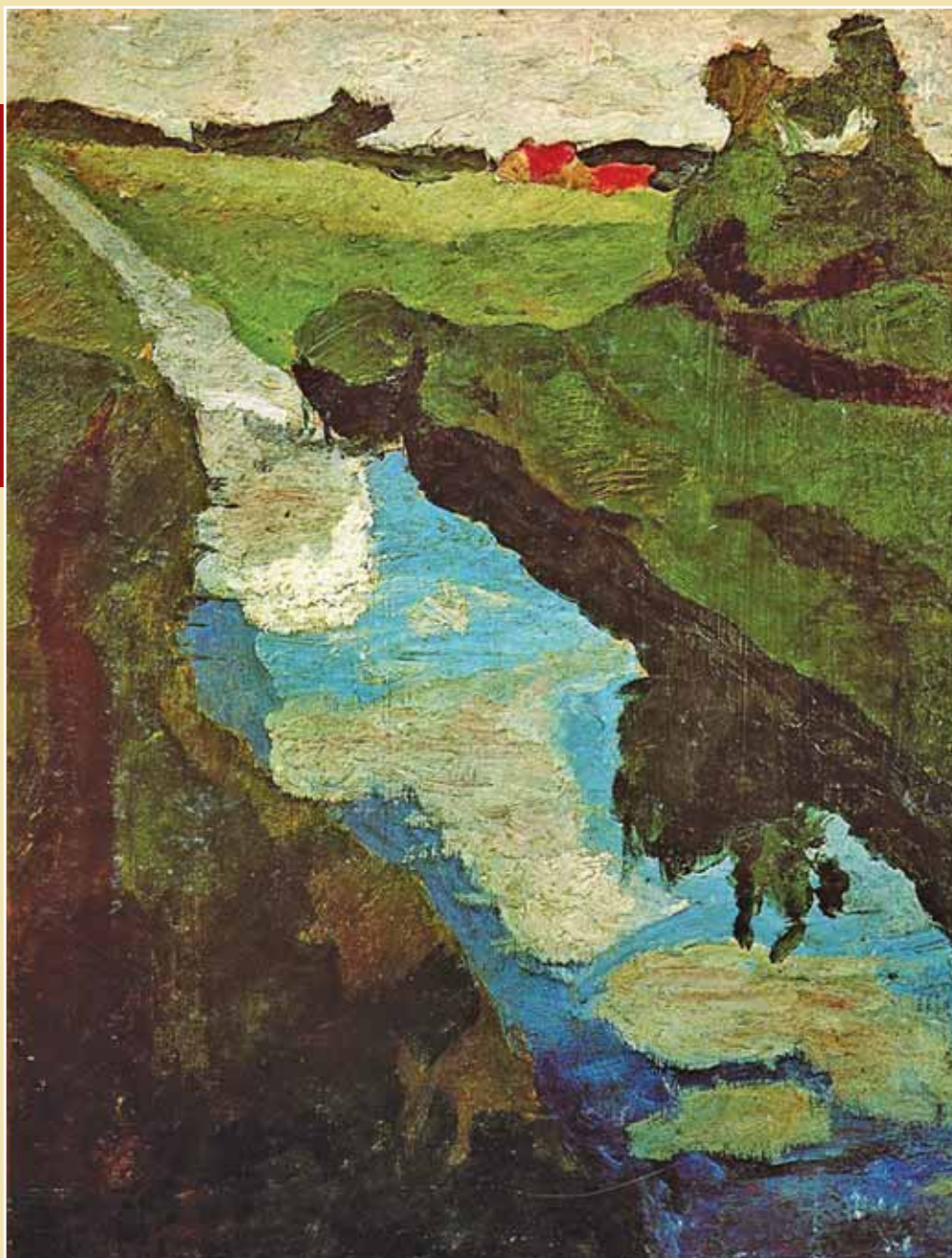
К сожалению, Отто был прав. Ситуация осложнялась еще и тем, что ему перестали нравиться ее работы, в которых он видел слишком много французского.

Самым близким человеком для Паулы по-прежнему оставалась Клара — к этому времени она уже окончательно рассталась с Рильке и снова жила в Ворпсведе. В 1905 году

Рильке приехал в Ворпсведе навестить Клару и дочь. Ранее не относившийся к Пауле серьезно как к художнице, он в этот раз высоко оценил то, что она делала, и даже купил одну ее картину — «Младенец с рукой матери». Более того — сказал, что ей уже пора выставляться на парижских выставках! Его слова многое для нее значили.

23 февраля 1906 года Паула снова отправилась в Париж. Уехала на сэкономленные деньги, причем уехала совершенно внезапно. В дневнике она написала, что бросила Отто. Этот ее шаг никто не одобрил — ни родители, ни сам Отто, который в отчаянии писал ей письма и умолял вернуться. Но Паула была непреклонна — она задыхалась в этом

Слева:
*Стол
с завтраком*

*Канал
на болоте*

уютном, но таком душном мирке Ворпсведе, ей нужен был простор для творчества и для жизни. Благородный Отто продолжал ее любить и, несмотря ни на что, не лишил материальной поддержки.

Она сняла небольшое, скромное жилье, оборудовала мастерскую, а так как всегда была недовольна тем, что делала, снова училась ри-

сунку и композиции, изучала анатомию в Школе изящных искусств. И ходила на выставки, где впитывала новые идеи, рождавшиеся в этом волшебном городе.

Однажды Паула на одной выставке увидела скульптуру Бернхарда Хетгера и захотела с ним познакомиться. Знакомство состоялось, а когда Хетгер узнал, что она занимается живопи-

Портрет Эльсбет

сю, ему захотелось посмотреть на ее работы. Увидев их, он пришел в восторг. Паула была счастлива — до сих пор ее хвалили только Отто и Рильке. Похвала Хетгера ее очень воодушевила — в 1906–1907 году она написала около 90 работ! Нью, портреты, автопортреты, натюрморты... и среди них — самый знаменитый портрет ее друга — поэта Эриха Рильке.

Паула думала, что ее история с Отто закончена, но он-то так не думал. Она была ему нужна, он просто не мог без нее жить! В октябре 1906 года он приехал в Париж, снял себе мастерскую рядом с ее домом, а в марте следующего года они вместе вер-

нулись в Ворпсведе. Паула была беременна.

2 ноября 1907 года она родила девочку. Матильда, Тилле — так ее называли. Роды дались Пауле тяжело, двадцать дней она не вставала с постели. А потом у нее началась эмболия. Ее последние слова были: «Как жаль...» Она умерла, когда ей всего было 31 год, когда мастерство ее достигло пика, когда казалось, все еще впереди — и счастливое материнство, и насыщенная творческая жизнь, и любовь. Как-то Паула написала: «Я знаю, я не проживу долго. Но разве это печально? Разве праздник станет лучше, если он будет долгим? И моя жизнь — праздник, крат-

кий, интенсивный праздник... И если до того, как я уйду, во мне еще расцветет любовь, и если я напишу три хороших картины, то тогда я уйду спокойно, с цветами в руках и волосах». Поразительное предвидение... Верный друг Рильке, узнав о смерти Паулы, написал пронзительные стихи «Реквием по одной подруге», «отдавшей жизнь на большее, чем женщине дано» (на русский перевел реквием Б. Пастернак). А Клара Вестхофф создала в 1908 году свой памятник Пауле — скульптурный, сегодня он стоит в Бремене.

Отто после смерти Паулы переехал из Ворпсведе в соседнюю деревню Фишерхуде, а в 1909 году снова женился. Новая жена родила ему двух сыновей. Модерзон умер в 1943 году. Сегодня в Берлине есть улица, названная его именем — Модерзонштрассе, а в Фишерхуде работает музей, в котором собраны его работы. В Фишерхуде жила с 1919 года до самой смерти (в 1954 году) и Клара Вестхофф. Теперь ее дом со студией называется «Кафе Рильке». И Отто, и Клара пережили Рильке — он умер в Швейцарии еще до войны, в 1926 году, от лейкемии.

В 1927 году в Бремене открылся музей, посвященный творчеству Паулы Модерзон-Беккер. Его создание было делом рук известного промышленника, кофейного магната Людвига Розелиуса и большого друга Паулы Бернхарда Хетгера, сделавшего проект здания и интерьеров. (Сегод-

ня в этом здании постоянная выставка работ и самого скульптора).

А спустя 10 лет после открытия этого музея, 19 июля 1937 года, в Мюнхене открылась печально знаменитая выставка «Дегенеративное искусство». На ней были представлены около 650 произведений, конфискованных в 32 музеях Германии. И среди них, рядом с картинами Отто Дикса, Пауля Клее, Оскара Кокошки, Василия Кандинского, Макса Бекмана и других выдающихся художников XX века были и картины Паулы Модерзон-Беккер. Эти картины предназначались для уничтожения. К счастью, многие работы Паулы удалось сохранить, и большую роль в этом сыграли Отто Модерзон и Тилле, дочь его и Паулы, которая впоследствии создала фонд имени матери, где изучают и сохраняют ее наследие.

Паула Беккер-Модерзон занималась живописью меньше 14 лет, и за это время успела создать 750 полотен, около 100 рисунков и 13 офортов, в которых отразились все основные направления искусства XX века. Среди этих работ — и тот самый знаменитый портрет Рильке... А продать ей удалось всего две (по другим данным — три) картины. При жизни она так и не узнала, что такое успех. Но время все расставляет по своим местам. Сегодня работы Паулы Модерзон-Беккер можно увидеть в лучших собраниях мира, она считается одной из звезд немецкого искусства XX века... □

Выход из тела

Ровно сто лет назад, на исходе Первой мировой войны, будущий классик американской литературы Эрнест Хемингуэй (1899–1961) служил в санитарном батальоне Соединенных Штатов на итальянском фронте. Однажды летним вечером он сидел в окопе близ деревеньки Фоссалта, мучаясь от духоты и зноя, и внезапно услышал свист летящей в его стороны гранаты. Через мгновение множество осколков впились ему в ноги. Позднее писатель рассказывал своим друзьям, что боль тогда была настолько невыносимой, что он подумал, что скоро умрет, и вдруг физически ощутил, как его душа начинает покидать тело.

Через десятилетие Хемингуэй отразил свои тогдашние ощущения в романе «В другой стране», вложив в уста своего героя Фредерика Генри пережитое им тогда на фронте состояние:

«Я пробовал вдохнуть, но дыхание меня не слушалось, и я вдруг почувствовал, как выскальзываю из тела наружу, на свободу, ощущая воздух вокруг тела. И вот я уже снаружи, весь Я, и я знал, что умер, и что люди ошибаются, когда думают, что после смерти ничего нет. Затем меня куда-то понесло, но вдруг я ощутил, что возвращаюсь в себя. Я вдохнул и очнулся».

Сны Роберта Льюиса Стивенсона

Классик английской приключенческой литературы Роберт Льюис Стивенсон (1850–1894) никогда не скрывал, что сюжеты для многих своих захватывающих воображение повестей и рассказов он черпает в собственных снах. Более того, он даже утверждал, что может чуть ли не заказывать себе содержание снов по собственному желанию. Так, еще в начале своей литературной карьеры он написал занимательный рассказ о раздвоении личности под названием «Спутник». По сюжету, у героя одна часть его природы была сугубо положительная, а другая — резко отри-

цательная. Однако издатель, прочитав рукопись, вернул Стивенсону рассказ, безапелляционно заявив, что идея «Спутника» хороша, а вот сюжет — никудышный. Он попытался переделать рукопись рассказа, но работа никак не клеилась. В отчаянии писатель решил, что выход из сложившейся ситуации должен ему присниться! И — о чудо! Вскоре ему действительно приснился необыкновенный сон, а обладавший феноменальной памятью Стивенсон записал его во всех подробностях. Так родился ставший впоследствии знаменитым психологический роман «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда».

Страшное видение Марка Твена

Когда как-то раз в 1858 году юный лодочник Сэмюэл Клеменс (1835–1910), ставший впоследствии известным американским писателем Марком Твеном, был в гостях у своей сестры Памелы, ему приснился страшный сон: будто его младший брат Генри лежит в металлическом гробу, а на груди у него букет белых цветов с одной-единственной красной розой посередине. Проснувшись рано утром в холодном поту, будущий писатель лишь на следующее утро рассказал свой сон сестре.

Через несколько недель после того кошмарного сна Генри возвращался домой по Миссисипи на пароходе «Пенсильвания» в Сент-Луис. И надо же было так случиться, что на судне взорвался котел, и почти все пассажиры погибли. Среди них был и Генри.

И хотя почти все погибшие в той страшной аварии были похоронены в деревянных гробах, для Генри жители Сент-Луиса сложили на металлический гроб. На похоронах брата Марк Твен, стоявший рядом с покойным, с ужасом увидел, что вся сцена в мельчайших подробностях совпадает с увиденным им во сне. Не хватало лишь одной, но существенной детали — цветов. И вот, когда тело уже готовились предать земле, к гробу Генри подошла женщина и положила на грудь покойного букет белых цветов с единственной красной розой в середине!

Подборку подготовил **Дмитрий Зелов**

НЕЗНАКОМЕЦ

Я не помню, как оказался здесь. Переходил дорогу и вдруг очутился в этом странном парке. За деревьями не видно домов, тропинки, вымощенные гранитом, освещают лишь желтые уличные фонари. А дальше — кромешная тьма. И холодный, осенний дождь. Я иду вперед, сам не понимая куда. Но знаю, что мне нужно идти. Вот я вышел к мосту через какой-то ручей. От ручья исходил желтый, из-за света уличных фонарей, пар. А на мосту, облокотившись на перила, стоял он — странный парень, одетый совсем не по погоде: черные туфли, прошитые красной нитью, черные обтягивающие джинсы, черная рубашка, сверху накинута черная жилетка с красной подкладкой. Волосы незнакомца тоже были черные, только кончики покрашены в красный цвет. Он повернулся, посмотрел прямо на меня своими фиолетовыми глазами и спросил:

— Закурить не найдется?

Я порылся в карманах. Моя пачка сигарет оказалась на месте, и я протянул ему одну сигарету. Незнакомец кивком поблагодарил меня и закурил. Из его рта вырвался красноватый дым.

— Спасибо, — поблагодарил он, сделав очередную затяжку. И пошел прочь.

Я стоял на мосту и по-прежнему не знал, куда мне идти.

— Вы хотите что-то у меня спросить? — вдруг сказал он, не поворачивая головы.

От редакции: Андрею Киселеву — 19 лет, он учится во ВГИКе на сценарно-киноведческом факультете сценарного отделения.)

— Да. Я заблудился и совершенно не понимаю, в какую сторону мне идти, — ответил я.

— А никто этого не знает, — ответил незнакомец. — Все идут как-то, интуитивно выбирая дорогу. Ну, сегодня, так уж и быть, я помогу. В зависимости от того, чего вы хотите. Какой вы...

— Что?!

— Пойдем! — радостно выкрикнул он и чуть ли не в припрыжку двинулся вперед, я поплелся за ним.

— Вы помните, как здесь оказались? — спросил меня незнакомец.

— Нет, — замотал я головой. — Просто переходил дорогу и оказался тут.

— Понятно. Не могу сказать, что это плохо. Но и не очень хорошо. Но вы не волнуйтесь. Я здесь, чтобы помочь вам. Наверное. Ну, по крайней мере, меня прислали сюда с этой целью. Тем, — показал он на небо, затянутое черными облаками, — вы почему-то нравитесь. Там вообще сидят странные чуваки. Чувак. Можно сказать, он даже немного безумец. Ведет эту слепую игру, позволяет вам самим выбирать дорогу, по которой идти. Даже сейчас, раз вы попали сюда.

— Сюда, это куда? Где мы? — спросил я.

— Много вопросов задаете. Хотя — как и все обычные люди. Среднестатистические. Вам же все нужно знать, все нужно занести в каталог! — И незнакомец громко засмеялся.

— Помолчите! — выкрикнул я. — И ответьте на вопрос: где я?

Неожиданно неподалеку от нас появилась свора собак. Они яростно лаяли, уставившись своими собачьими глазами во что-то в центре их круга.

— Я не могу вам этого сказать. Сами поймете. Только чуть позже.

— Тогда скажите хотя бы, кто вы, — не унимался я.

— На этот вопрос я отвечу позже. Правда, вы уже сами знаете ответ.

— Нет! Не знаю! Я требую сказать прямо сейчас! — Я схватил незнакомца за грудки. Он ничуть не испугался, лишь покачал головой:

— Какие же вы, люди, бываете иногда упертыми, прямо как бараны!

Вдруг до моего слуха сквозь лай собак донеслось тихое и жалобное мяуканье. Я отпустил незнакомца и прислушался.

— Что? — удивленно спросил он.

— Слышите?

— Нет. А что я должен слышать?

Я не стал отвечать на этот вопрос, сразу рванул в ту сторону, откуда доносился лай, и увидел, как свора собак набросилась на маленького,

черненького, очень слабого котенка. Не долго думая, я схватил палку и бросился на них.

— Остановитесь! — крикнул незнакомец. — Они ведь вас разорвут!

Но я его не слышал. Не захотел услышать. Желая спасти котенка, ворвался в круг и стал палкой избивать собак. Но те оказались упертыми тварями, не желавшими отдавать свою добычу. Они накинулись на меня и повалили на землю, пытаюсь разорвать на части. Но я не сдавался. Бил их ногами, руками. Одна собака вцепилась мне в руку и палкой получила прямо по голове. Палка сломалась пополам, а собака заскулила и отпустила мою руку. За ней отстали от меня и остальные. Я поднялся, не сводя с них глаз, подошел к куче листьев и в листве нашел несчастного котенка. Он не мог двигаться, только тихо мяукал, к тому же был сильно покусан.

— Боже! — выкрикнул я и взял его на руки.

— Он не жилец, — подойдя ко мне, сухо произнес незнакомец.

— Не говорите так! Еще можно что-то сделать!

— Как я уже сказал, вы, люди, слишком упрямые...

— Заткнитесь! — рявкнул я, и он замолчал.

— Маленький, подожди, все будет хорошо. — Я спрятал котенка за пазуху, прижал его к своей груди. — Вот так, ты сейчас согреешься.

Он тихо замурлыкал, почувствовав тепло.

— Да бросьте вы его! — закричал незнакомец. — Он все равно скоро сдохнет! Зачем вообще он вам?

— Не знаю! Но я не могу его бросить тут. Это... жестоко!

— Мир жесток! Что поделаться! А вы причините себе боль, если возьмете его, и он умрет на ваших руках!

Я вдруг, не контролируя себя, схватил незнакомца за горло:

— Замолчите! Мир не жесток, если в нем есть хоть крупица доброты!

Незнакомец вдруг улыбнулся и проговорил:

— Дайте-ка мне его сюда.

Я отдал ему котенка. Он нежно погладил черную шерстку, и тот, сразу ожив, громко замурлыкал, прижавшись к этому странному парню. Я повернул голову, чтобы посмотреть, куда делись собаки. Их уже не было, они убежали. Даже не так, попросту растворились в воздухе.

— Держите! — вернул мне котенка незнакомец, и тот сам залез мне под куртку. — Доброта, вот что отличает вас от большинства. Вот почему вы нравитесь там, — и он снова показал куда-то вверх. — Ладно, пойдемте. Нам еще долго идти.

Мы двинулись по аллее парка.

— И все-таки, кто же вы? — не удержавшись, спросил я, глядя на незнакомца.

— Я? — Он даже удивился. — Я не знаю, кто я. Как и вы. Ладно, шу-чу. Я-то знаю, кто я. А вот кто вы? Никогда не задумывались над этим вопросом?

— Я — человек! — гордо произнес я, и незнакомец засмеялся:

— А я и не заметил! — Слова его были полны сарказма. — Интересно, как вы думаете, вы хороший человек?

Я уже открыл рот, чтобы ответить, да, я хороший человек, но вдруг остановился. Меня одолели сомнения — действительно, хороший ли я человек? Помолчав немного, честно признался:

— Я не знаю.

— Не торопитесь, подумайте. Это действительно сложный вопрос, — снисходительным тоном произнес незнакомец.

Я стал вспоминать всю свою жизнь. Вспомнил все: и самые добрые свои поступки, как, например, сейчас, когда я спас котенка, который тихо мурлыкал у меня за пазухой. И самые ужасные. Да, были и такие. Я предавал, унижал, морально уничтожал людей ради своей выгоды. Однажды даже чуть не убил человека — по пьяни и глупости...

— Не знаю, — прошептал я. — И не хороший, и не плохой. Я...

— Обычный человек, — завершил за меня фразу незнакомец. — Мне нравится, что вы честны с собой. Многие... да что многие, большинство из тех, что попадали сюда, без раздумий заявляли, что они «хорошие», — усмехнулся он. — Хотя, если посмотреть на их прожитую жизнь, они творили столько зла, что странно, почему им дали второй шанс.

— Так где же все-таки я? — в который уже раз спросил я.

— Ну что вы портите такой момент своим глупым вопросом! Если хорошо под... — Незнакомец запнулся, внимательно посмотрел на меня и закончил: — Вы прекрасно знаете, где вы. Только боитесь себе в этом признаться. Пойдемте!

И мы пошли дальше по парку, пока не вышли к развилке. Одна тропка вела вглубь, в темноту, другая на выход, к свету.

— Все, мы пришли, — сказал незнакомец и остановился.

— И куда теперь? — спросил я.

— Теперь вы уж сами. Я не могу вам посоветовать, порекомендовать, куда идти дальше. Это только ваш выбор. Вы сами выберете свою дорогу. Но, прежде чем сделать выбор, вы готовы продолжить эту игру? Без правил? Без шанса выиграть? Но зато... с не умирающей надеждой.

Сложный вопрос. Не могу дать ответа, пока не окажусь... мне нужно попробовать. Я не хочу ему врать.

— Не знаю, пока не попробую, — признался я.

— Честный ответ, — кивнул незнакомец. — Теперь вы знаете, куда вам нужно идти?

— Да. К свету.

— Удачи! — махнул он рукой и медленно побрел по тропинке, ведущей в темноту.

— А кто вы?! — крикнул я ему вслед.

— Я? — Незнакомец засмеялся: — А вы сами не догадались?

— Вы — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо?

— Иоганн Вольфганг Гете. Классный мужик, кстати! — Незнакомец сделал пару шагов и остановился: — Хочу дать совет напоследок: аккуратнее выбирайте дорогу, по которой хотите пойти. Иногда лучше сделать крюк, чем идти напрямую. Прощайте! Мы с вами больше не встретимся!

— Прощай! — прошептал я и пошел навстречу свету.

...Я лежал в луже крови посреди проезжей части. Вокруг суетились люди. Они говорили, что меня сбила машина на пешеходном переходе, удивлялись, почему я не воспользовался подземным переходом, который был чуть дальше. А у своей разбитой машины сидела и рыдала женщина, водитель.

Я попытался встать, но боль пронзила мое тело. «Он жив, он жив!» — слышалось со всех сторон. Тут как раз подъехала «скорая». И вдруг у меня под курткой зашевелился маленький черный котенок. Котенок, которого я спас из-под колес машины... □

Светлана
Бестужева-Лада

Дарья Лейхтенберг-Романовская, правнучка императора Николая I, в первом замужестве — княгиня Кочубей, по собственной воле и с необыкновенным энтузиазмом не только прожила двадцать лет в послереволюционной России, но и приняла советское гражданство. Тоже абсолютно сознательно и добровольно.

Необычная и полная тайн, которые до сих пор не разгаданы, судьба этой женщины, как ни странно, почти не привлекала внимания историков. Возможно, потому, что ее сиятельное происхождение, которое должно было либо погубить ее в первые дни революции, либо обречь на непредсказуемую жизнь в эмиграции, как-то не воспринималось всерьез. Слишком уж высокородной и необыкновенной была эта женщина, в которой слилась кровь нескольких поколений высшей аристократии. Причем не только российской.

Зато ее гибель была, в общем-то, предсказуемой и вполне типичной для того времени: пуля в затылок из чекистского маузера.

Но — обо всем по порядку.

Отцом Дарьи был Евгений Максимилианович, герцог Лейхтенберг и князь Романовский, который приходился внуком как Николаю I (по матери), так и Эжену (Евгению) Богарнэ, пасынку Наполеона (по отцу).

Герцог после женитьбы на великой княжне Марии Николаевне получил титул Императорского высочества, фамилию князей Романовских для потомков и вхождение в состав императорской семьи. Практически беспрецедентный случай даже для «интернациональной» династии Романовых.

Матерью Дарьи была правнучка Кутузова Дарья Опочнина, которая

умерла родами дочери. Вырастила же ее мачеха, вторая супруга герцога и двоюродная сестра матери — Зинаида Скобелева, родная сестра знаменитого генерала.

Из-за неравного первого брака отца Долли (родство с легендарным Кутузовым не считалось!) она могла носить только титул графини де Богарнэ. И гордилась этим безмерно, так как прабабушка, прекрасная креолка Жозефина Туше де ля Пажери де Богарнэ, первая супруга Наполеона, с детских лет была ее кумиром и примером для подражания. Хотя бы потому, что любые условности были ей совершенно чужды. Похоже, это действительно было наследием легендарной женщины, покорившей самого Наполеона, изменявшей ему, мучившей его, но никогда не прекращавшей любить даже всеми преданного изгнанника.

Слева:

Один из двух существующих портретов Дарьи Лейхтенберг-Романовской работы Франсуа Фламенга

Да и бабушка Долли была не просто красавицей, а женщиной страстного темперамента и яркого музыкального таланта. Правда, Долли почти не помнила бабушки, та умерла, когда девочке еще не исполнилось пяти лет. Но память сохранила голос, полный волнующе-скрытой музыкальности и достоинства, за-

Долли в детстве

пах лимона и жасмина, не отделимый от уже немолодой красавицы, и белые, без единой морщинки, руки, с длинными музыкальными пальцами, унизанными фамильными перстнями.

До семи лет Долли жила в изысканной роскоши Мариинского дворца, каждый уголок которого был пропитан очарованием его обитательниц. В их число для малышки Долли вхо-

дила и Жозефина де Богарнэ, задумчиво глядевшая на нее с миниатюрного портрета.

Бессознательный пример для подражания на всю жизнь?

В зимнем саду с лимонными деревьями, густыми зарослями папоротника и вьющейся кремонской розой Долли сочиняла свои первые сказки, готовясь к сказочной жизни в будущем. Увы, сказка оборвалась, даже не начавшись: мачеха сочла уместным отправить маленькую мечтательницу в строгий пансион за границей. Конечно, не простой, а для особо знатных девиц, но все же...

Почему ее не оставили в привычной роскоши Мариинского дворца? Скорее всего, потому, что мачеха, привыкшая к всеобщему вниманию и поклонению, постоянно проигрывала падчерице, превосходившей ее и знатностью, и причудливостью поведения, и своеволием на грани постоянного скандала.

Кто мог сказать точно? В любом случае, им двоим было тесно в огромном дворце. Отец-герцог в их непростые отношения предпочитал не вмешиваться, прощая все единственной дочери и не желая конфликтов со слишком властной второй супругой. Вечно второй, хотя с первой было прожито всего два года.

Изысканность привычек «маленькой герцогини», ее мечтательность и независимость нрава плохо сочетались со строгой холодностью и чопорностью заморских пансионеров. Впрочем, необходимое изящество

манер, светскость тона, представление о науках и мире Долли все же там приобрела, равно как и прекрасное знание пяти языков. Оставалось только навести лоск первыми выходами в свет и балами.

Большое августейшее семейство в России приняло живейшее участие в судьбе своей юной родственницы.

*Дарья Константиновна Опочнина,
мать Долли*

Долли, однако, вовсе не стремилась как можно скорее выйти замуж, хотя кокетничать любила до самозабвения, приводя в отчаяние не только свою нервозную мачеху, но и тихого, меланхолического отца. Танцевала на балах до рассвета, а если оставалась дома — до рассвета играла на фортепиано, не обращая никакого внимания на недовольство ближних.

Все во дворце вздыхали чуть свободнее лишь тогда, когда юная Богарнэ-Лейхтенберг уезжала на лето за границу. С гувернантками, компаньонками, в сопровождении кузенов, тетюшек, дядей — целой свиты сиятельных родных...

Но она и там умудрялась портить нервы окружающим. Самостоятель-

*Евгений Максимилианович, князь
Романовский, герцог Лейхтенбергский,
отец Долли*

но посещала музеи Парижа и библиотеку Сорбонны, веселилась до утра на балах и маскарадах, напрашивалась на обед к командующему императорской эскадрой в Ницце, очаровывая там всех офицеров. Кажется, даже посещала казино в Монте-Карло. Одна!

Сие было недопустимо для особы «романовской крови». Следовало

сей час же принять меры! Но что делать?! Как?! «Маленькая герцогиня» только загадочно улыбалась, отвергая все новые и новые «подходящие партии».

Красавицей, в общепринятом смысле этого слова, она не была. Среднего роста, худощавая, каштановые волосы с рыжеватым оттенком, и глаза не были слишком уж большими, но... каждый, взглянувший хоть раз в эти глаза, неизбежно попадал под их очарование и уже не мог избавиться от этого наваждения никогда.

жение князь Кочубей, завидный во всех отношениях жених. Тридцати с небольшим лет, хорош собой, статный, элегантный, умный и — что немаловажно! — сказочно богатый. Долли уже исполнилось двадцать три года, еще немного — и старая дева. Но на сей раз она и не противилась, ей уже отчаянно хотелось получить независимость от своей слишком заботливой семьи. А князь Лев Михайлович просто потерял голову от молодой оригиналки голубых кровей.

Все во дворце вздыхали чуть свободнее лишь тогда, когда юная Богарнэ-Лейхтенберг уезжала на лето за границу. Но и там она умудрялась портить нервы окружающим. Посещала музеи Парижа, библиотеку Сорбонны, до утра веселилась на балах и даже посещала казино в Монте-Карло. Одна! Что было недопустимо для особы «романовской крови»

Кстати сказать, это было еще одним поводом для хронического раздражения мачехи, признанной красавицы высшего света герцогини Зинаиды Лейхтенберг. Ею так не очаровывались, на нее так не смотрели, а слава брата-генерала Скобелева не шла ни в какое сравнение с легендарностью деда-фельдмаршала Кутузова. Оставалось только нервно кусать кружевной платочек и мечтать о скорейшем замужестве своенравной падчерицы.

И ее молитвы, наконец-то, были услышаны. Долли сделал предло-

В 1893 году сыграли пышную свадьбу в Петербурге, и молодые тотчас уехали... нет, не в одно из огромных полтавских имений князя, а за границу. Но это уже никого из родных не беспокоило: пусть теперь муж переживает из-за капризов и своенравия обожаемой супруги.

Став княгиней Кочубей, Долли не отказалась ни от многочасовых музицирований по ночам, ни от долгих прогулок в Булонском лесу, ни от эпатажных знакомств с парижской богемой. Это всерьез обеспокоило ее отца, который и так переживал

всю жизнь, что дочь растёт без благотворного материнского влияния. Беспокойство вылилось в то, что, когда в 1901 году герцог Евгений Лейхтенбергский скончался, Долли не получила ничего по его завещанию. А у них с князем было уже двое детей: сын Евгений и дочь Наталия.

Пришлось постепенно распродавать владения князя, но менять привычки очень богатой женщины княгиня Кочубей не собиралась. Она была уверена в поддержке многочисленной родни. Не оставят же в беде правнучку самой императрицы Жозефины и императора Николая Первого?!

Конечно, не оставили. Например, помогли молодой капризнице, разочаровавшейся в семейной жизни, быстро развестись в 1905 году с почти окончательно обедневшим супругом. Князь вернулся в Россию, а Долли под именем герцогини Лейхтенберг осталась с детьми в Европе. Впрочем, детей она — опять же с помощью и при поддержке родни, устроила в респектабельные аристократические пансионы. Мнение сына и дочери ее не интересовало: она сама выросла без матери и не считала это чем-то неестественным.

Семь лет Дарья Евгеньевна прожила преимущественно в Париже: ей вовсе не хотелось возвращаться в холод петербургских гостиных, где уже мало кому нравились ее слишком колкие высказывания и раскованное поведение. То, что прощалось юной девице на выданье, оказалось

неприемлемым для взрослой дамы, побывавшей замужем и — о скандал! — разведенной.

Хотя в то время разводом даже в высшем свете России уже никого нельзя было удивить, приходилось считаться с мнением августейшей четы, которая свято блюла семейные ценности и всячески их поощряла. Вызывать недовольство кузена-им-

Зинаида Дмитриевна Скобелева, мачеха Долли

ператора вовсе не хотелось, а выслушивать длинные нотации императрицы — и того меньше.

Гораздо приятнее — и полезнее! — было прослушивание курса лекций по филологии в Парижском университете, регулярное посещение парижских театров и, конечно, Оперы,

собственное музицирование, ночные бдения с богемными друзьями.

Но, увы, и это со временем прискучило. «Маленькая герцогиня», «дукесита», как звали ее друзья на испанский манер, была уже достаточно взрослой, чтобы мечтать о каком-то более содержательном образе жизни.

В Петербурге давно уже шептались о том, что «вдове по разводу», княгиню Кочубей, недолюбливали и в Семействе — за резкие высказывания об августейшей царской чете... Но на самом деле гордой и независимой Долли прощали практически все. Простили даже не слишком респектабельное и очень неожиданное второе замужество. В ней одной было с избытком много истинно царской крови, так что хватало на двоих.

Своего будущего второго супруга, морского офицера, барона Вольдемара фон Гревеница, который служил капитаном линейного корабля «Полтава», Долли встретила в 1912 году. Впоследствии она утверждала, что тот увидел ее в бинокль, когда плыл на своем корабле по Балтийскому морю, а навстречу шел корабль, на палубе которого стояла сама Долли. Решительный капитан тут же принял на борт герцогиню, а вскоре они обвенчались. Якобы на том же корабле.

Слишком красиво и неправдоподобно. Но зато очень в духе романтической и взбалмошной, хотя уже и не слишком молодой прелестницы.

Поговаривали, что Николай II хотел наказать капитана за такой поступок, но, узнав, кто пленил сердце моряка, лишь рассмеялся:

— Он и так довольно наказан!

Император как в воду смотрел, хорошо зная свою неугомонную, яркую кузину. Но, судя по тому, что сию счастливую баронскую чету часто принимала у себя к завтраку и обеду вдовствующая императрица Мария Федоровна — дама правил необычайно строгих! — речь о какой-либо антипатии Семей к Долли всерьез никогда не шла.

Второе замужество «дукеситы» продлилось два года, после чего супруги разъехались, чтобы никогда больше не увидеться — еще через два года барон погиб на войне. Развод не понадобился, к тому же Долли была абсолютно уверена, что больше никогда и ни за кого не выйдет замуж.

Существуют два портрета Долли, с разницей в 16 лет. На одном — она княгиня, а на другом — баронесса Дарья Евгеньевна Гревениц. На одном — юная мечтательница, на втором — взрослая, умудренная жизнью женщина. Два разных человека.

С началом войны она, окончив курсы медсестер, уехала на русско-австрийский фронт. Позже, в январе 1917 года, на свои средства, точнее, на добровольные пожертвования родственников, организовала большой санитарный поезд, которым руководила умело и с азартом. Казалось, истинное призвание было найдено — помогать людям. Но тут грянул февральский переворот.

«Дукесита» не растерялась и сразу подняла над своим поездом-лазаретом красный флаг, восторженно встретив представителей новой власти. Ее не тронули, что в те времена

было сродни чуду. Даже откомандировали по линии австрийского Красного Креста в Баварию, где она поспешила принять германское подданство: вести об арестах и гибели многих ее августейших родственников отрезвили даже вечно парившую в облаках Дарью Евгеньевну.

Но, как выяснилось, ненадолго. Повидавшись с детьми (как впоследствии выяснилось, в последний раз), уже в октябре 1918 года она почему-то оказалась в России: растерзанной, холодной, голодной, во время разгула террора, бандитизма, всеобщей разрухи, ночных расстрелов и едва ли не людоедства. Зачем она это сделала, так никто и не понял.

Да вряд ли она сама понимала — зачем. Затем, наверное, что романтично и необычно. Все бежали из России — а она примчалась туда, мечтая снова жить свободной, за роялем,

Слева:

Первый муж — князь Лев Михайлович Кочубей

Дети Долли и князя Кочубея — сын Евгений и дочь Наталия

на балах, в любовно обустроенной квартире — Мариинском дворце в миниатюре.

Но, увы! Роскошную квартиру, которую Дарья Евгеньевна занимала в Петрограде вместе со вторым мужем, разумеется, давно реквизировали, причем от былой роскоши не осталось и следа. Бывшую хозяйку даже не пустили на порог, просто выгнали на улицу, где она неизбежно должна была погибнуть от голода и холода. Но судьба в очередной раз оказалась к ней благосклонна. Ее в

Брест-Литовского мира... Этот мир, как известно, позволил большевикам выпутаться из войны ценой колоссальных уступок немцам.

Потом Маркизетти оказался в Комиссии по улучшению быта австро-венгерских военнопленных. Получал какой-то паек, не слишком скудный по тем временам. Имел не просто крышу над головой — отдельную квартиру. А подданство другой страны в какой-то степени делало его неуязвимым. Он предложил Дарье Евгеньевне свою помощь и покоро-

С началом войны Долли, окончив курсы медсестер, уехала на русско-австрийский фронт. Позже на свои средства, точнее, на добровольные пожертвования родственников, организовала санитарный поезд. Казалось, истинное призвание найдено — помогать людям. Но тут грянул февральский переворот...

буквальном смысле спас из сугробов давний ее знакомый и поклонник, австрийский подданный Виктор Маркезетте, присутствие которого в Петрограде в это страшное время тоже казалось необъяснимым чудом. Но объяснение ему нашлось очень быстро.

Инженер полурусского происхождения Маркизетти во время Первой мировой войны служил в чине майора в австрийской армии, в войсках связи, а в 1918 году приехал в Москву, чтобы принять участие в подготовке переговоров по заключению

вительство. Она не отвергла предложения и достаточно скоро стала его гражданской женой.

Как австрийский подданный, Виктор Маркизетти в любой момент мог спокойно выехать на родину, но не сделал этого и остался в РСФСР. Почему? Неизвестно. Возможно, его уговорила Долли... Неутомимая, очаровательная Долли по-прежнему брызжущая энергией и неутомимой тягой к бесконечным авантюрам. Каким-то чудом она смогла сменить документы и превратилась в Дору Евгеньевну Лейхтенберг.

Зачем? Как позже выяснилось, гордая аристократка связалась с НКВД и стала... его внештатным сотрудником. Понять это невозможно, учитывая, что большинство ее родственников были казнены именно этим учреждением. Но себя императорская правнучка, по-видимому, по-прежнему считала исключением из всех правил.

Официально же вместе с Виктором Александровичем экс-герцогиня работала в издательстве «Всемирная литература», основанном Максимом Горьким, а когда в 1924 году издательство упразднили, и его библиотека влилась в крупнейшее собрание Государственной Публичной библиотеки в Петербурге, она вместе с мужем устроилась туда в отдел иностранной литературы.

Супругам Маркизетти очень помогали великолепное знание иностранных языков, эрудиция и какое-то особое отношение к читателям, в котором сочетался своеобразный шарм, неподдающийся описанию: достоинство, желание помочь каждому, кто обращался к ним, и непревзойденное умение смотреть на весь царящий вокруг хаос несколько отстраненно, с юмором и долей иронии.

Коллеги же относились к супругам с некоторой опаской: слишком уж они выделялись среди них. Иностранные подданные, с не слишком уместными изысканными манерами, вроде бы искренние, но... Но в трудные времена не жаловались на тяготы быта, не причитали над грошо-

Второй муж — капитан 1 ранга, барон Гревениц

вой зарплатой, все время ходили полуголодными, но делали вид, что так и должно быть.

*В. Штембер.
«Портрет
баронессы
Д.Е. Гревениц»*

Благородная бедность — это было так романтично!

Дора Евгеньевна шокировала коллег своими элегантными и строгими туалетами, привычкой протягивать руку как бы для поцелуя (никто и никогда ей рук не целовал), а главное — бесконечными рассказами о своих близких знакомых, среди

которых большинство были известными революционерами, в частности — Ленин и Троцкий.

Более того, она неоднократно зачем-то выезжала в Финляндию и гостила в доме генерала Маннергейма. Не без основания, многие сотрудники библиотеки полагали, что Дора Евгеньевна служит секретным со-

трудником в ОГПУ. Но о ней все вспоминали не с опаской, привычной в те времена, а с некоторой долей недоумения и восхищения одновременно:

«Величественная, стройная дама в безукоризненно темном платье, с непередаваемой грацией разливала половником по тарелкам какую-то баланду для полуголодных сотрудников... Дама шествовала, останавливаясь перед столами, в ее речах на всех пяти языках вперемешку, как самоцветы в драгоценной оправе, сверкали имена и бабушки Марии Николаевны, и дедушки Максимилиана Лейхтенбергского, и дяди, великого князя Георгия Максимилиановича, и даже дяди Макса Баденского, последнего рейхсканцлера Германской империи».

Вызванная на комиссию, она твердо заявила, что работала с ОГПУ, но это не спасло ее. В протоколе комиссии говорилось, что «несмотря на то, что со времен Октябрьской революции Д.Е. Лейхтенберг живет и работает в Советской России, она не изжила полностью характерных черт своего класса, проявляющихся до сих пор в отношениях с сотрудниками, как то: высокомерие, гордость и прочее...»

Все припомнили.

Следователь комиссии спросил ее, почему она, бывшая герцогиня, графиня, княгиня, баронесса и так далее, вернулась в Россию. Она сказала в ответ, что ей посоветовал сделать это один хороший знакомый.

— Кто же он? — спросил следователь.

В октябре 1918 года она вернулась из Парижа в Россию: растерзанную, голодную, холодную, в разгул террора, бандитизма и чуть ли не людоедства. Зачем она это сделала, так никто и не понял. Наверное, это было необычно: все бежали из России — а она примчалась туда, мечтая снова стать свободной

В 1927 году Дора Лейхтенберг совершила свой самый экстравагантный поступок: приняла гражданство СССР. Реакция властей последовала мгновенно: квартира из отдельной превратилась в обычную коммунальную, а ее саму тут же уволили из библиотеки, как только началась первая «большая чистка» — в 1929 году.

— Ленин, слышали, наверное, о таком? — с безмятежной улыбкой ответила Дарья Евгеньевна.

— Может быть, у вас еще и письмо от него имеется? — ухмыльнулся следователь.

— Вот оно, — спокойно парировала Дарья Евгеньевна и вытащила из ридикюля письмо за под-

писью Владимира Ульянова (Ленина)...

Пришлось ее отпустить. Но работу в библиотеке она возобновила только в 1931 году.

В 1937 году ее и Виктора взяли. Арест их произошел в сентябре, а уже в начале ноября гражданка Дора Лейхтенберг была расстреляна. Последние ее признательные показания в шпионаже были написаны неуверенным почерком сломленной 67-летней старухи.

«Бывшую княгиню, скрывшую свое социальное происхождение» обвиняли в том, что она «является агентом разведывательного отдела австрийского генерального штаба и проводит активную шпионскую работу по заданию последнего на территории СССР». По обвинению «в принадлежности к монархическо-террористической организации и за связь со шпионско-террористической группой...» комиссия НКВД 28 октября 1937 года, по статье 58-а УК РСФСР приговорила «гражданку Д.Е. Лейхтенберг к высшей мере наказания, в особом порядке, как не подлежащую суду».

Виктора же мучили в пыточной камере еще целый месяц, добиваясь, чтобы он принял советское гражданство, что он и сделал. После чего и его расстреляли как «агента германской разведки, руководившего боевой террористической группой, готовившей покушение на товарища Жданова».

До сих пор непонятно, действительно ли они были шпионами австрийской разведки, или же двойными агентами, работая одновременно и на НКВД. Или «красная герцогиня» просто заигралась в последнюю в своей жизни игру?..

Хранительные тени Мариинского дворца и легендарной Мальмезонской террасы уже покинули гордую, вечно смеющуюся Долли Лейхтенберг, так любящую жизнь, уже не смогли уберечь ее. Ведь в ней было слишком много «царственной крови». Через край! И когда она пролилась, ее даже не заметили...

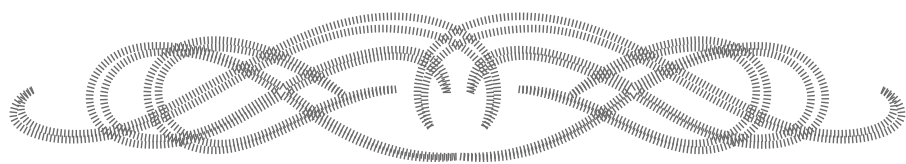
Супругов с диковинными иностранными фамилиями, но с «русской жилкой» реабилитировали. Посмертно. Обоих — в разное время. В.А. Маркизетти — в 1975 году, а бывшую графиню Дарью Богарнэ, правнучку Николая I, императрицы Жозефины Бонапарт и Михаила Кутузова — только в мае 1989 года...

Могилы В.А. Маркизетти и Д.Е. Богарнэ — неизвестны, разумеется.

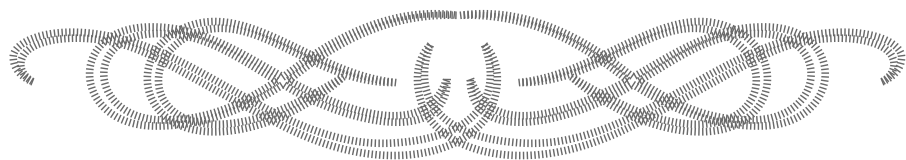
Разве могло быть иначе?

P.S. Сын и дочь Доры сравнительно спокойно пережили революцию, эмигрировав вместе с отцом в Америку. Сын женился на канадке, имел четырех детей. Дочь приняла католичество и ушла в доминиканский монастырь.

Свою мать они практически не помнили. □

Красные туфли

Звонок телефона раздался так неожиданно, что Руслан, даже не успев ничего толком понять, подскочил на постели. Он недавно пришел с суточного дежурства, а оно выдалось довольно беспокойным, так что, едва переодевшись и приняв горизонтальное положение, доктор Озеров провалился в сон.

Телефонный звонок вырвал его из сладостного состояния, заставив сердце тревожно забиться. Странно, с чего бы это? Обычно врач «Скорой помощи» с десятилетним стажем так на звонки не реагирует. Но сердце, как говорится, не обманешь...

Привыкший сразу включаться в работу, Руслан все равно не понял, чего от него хотят. А хорошо поставленный мужской голос представился работником нотариальной конторы и пригласил господина Озерова на оглашение завещания гражданки Капелиной Веры Ильиничны, которое должно состояться завтра в такое-то время, по такому-то адресу.

Когда собеседник отключился, Руслан растерянно посмотрел на трубку, словно она не договорила ему что-то очень важное. Но телефон молчал. Он положил его на прикроватную тумбочку и задумался.

...Вера Ильинична Капелина приходилась ему... Так, а кем она ему, собственно, приходилась? Вообще-то она была бабушкиной сестрой по отцовской линии. Как это правильно называется, Руслан не знал, называл ее просто тетей Верой, как привык с детства, потому что так называли ее его родители.

Руслан не видел тетю Веру лет двадцать пять. Это была довольно сложная семейная история. Бабушкина сестра долго жила одна. Но потом, много лет назад, она вышла замуж за какого-то вдовца. Мужик ей попался суровый, отношения с родней жены поддерживать не пожелал, а тетя Вера шла у него на поводу... Жили они с мужем в соседней области, так что новости о тете Вере доходили до семьи Руслана весьма редко, и то очень скудные. А потом умер папа, и связь прервалась окончательно.

Итак, завещание... Если честно, Руслан думал, что она уже давно умерла. Бабушки-то нет в живых семнадцать лет, а тетя Вера была года на два старше сестры. Она и на похороны не приехала, и весточки никакой не прислала, все тогда решили, что сестру с уходом в мир иной она опередила. А оказалось вот как... Что ж, придется ехать. Наследство ему ни к чему, а вот узнать, что случилось — нужно.

Новости ожидали Руслана Озерова невеселые. Тетя Вера умерла несколько дней назад. Хоронили ее соседи. Они не знали, что у «бабушки Веры» имелась родня. Все открылось чуть позже у нотариуса.

Узнав подробности, Руслан только покачал головой. Тетя Вера, оказывается, давно уже жила одна, ее муж умер несколько лет назад. Но ей самой было дано крепкое здоровье и долголетие. Не дотянула она до своего столетия буквально полгода. Почему за столько времени ни разу не дала о себе знать — не понятно.

Все прояснилось, когда Руслан прочитал ее письмо, которое ему вручил нотариус. Тетя Вера написала его лет пять назад. И в каждой его строчке было столько боли, что он искренне пожалел свою двоюродную бабушку. Она писала, что ей очень стыдно перед родственниками за то, что она, боясь послушаться мужа, порвала со своей семьей, просила прощения за это у всех сразу. Само письмо было адресовано именно ему, Руслану Озерову, и тетя Вера объяснила почему. Она как-то прочитала в газете статью, в которой говорилось о нем как о талантливом враче «Скорой помощи». Там было немного рассказано и о его семье. А, глядя на фотографию, тетя Вера окончательно убедилась, что Руслан Озеров — ее родственник, он был очень похож на своего отца.

Давней постройки, но еще очень крепкий аккуратный домик тетя Вера завещала ему. Все документы были оформлены честь по чести. А в конце письма была сделана странная приписка: «Мы сами делаем себя счастливыми. Но иногда неплохо, если кто-то нам в этом чуть-чуть помогает». Интересная фраза. Никогда бы не подумал, что без пяти минут столетняя родственница могла быть философом.

Сходив на кладбище, Руслан решил остаться и даже переночевать в теткинском доме. Можно было, конечно, уехать, его тут ничто и никто не держал. Но почему-то захотелось побыть еще.

Перекусив, Руслан, прошелся по осиротевшему жилищу. В доме было чисто и совсем не чувствовалось грусти, словно его жильцы только что куда-то вышли и вот-вот вернутся. Нежданному гостю даже вдруг почудилось, что он слышит щебет детских голосов у порога, будто куча веселых внучат заявила в гости к любимой бабушке.

Покачав головой от своей разыгравшейся вдруг фантазии, Руслан остановился возле комода. И увидел, что под большой белой салфеткой, которой он был накрыт, что-то лежит. Ворохнулось в памяти воспоминание — у бабушки был похожий комод, а под укрывавшей его скатеркой обычно хранился ключик от верхнего ящика.

Улыбнувшись картинке из далекого детства, Руслан поднял край салфетки. Так и есть. Незамысловатый железный ключ лежит и ждет своего часа.

Чуть слышно щелкнул открываемый замок. Потянув на себя выдвижной ящик, Руслан с удивлением увидел в нем новую коробку из-под обуви. Открыл крышку и удивился еще больше — в коробке лежали красные туфли. И это были явно не туфли самой тети Веры. Вряд ли бы она стала ходить в лакированных лодочках на шпильке. К тому же туфли были совершенно новыми, ни разу никем не надетыми. Может быть, они были припасены для похорон? Да нет, вряд ли... Как-то совсем не вязалось — почти столетняя бабуля и шикарные красные туфли...

Подержав в руках изящную туфельку, Руслан задумался. Странно. А с чего это вдруг коробка была убрана, как настоящее сокровище? И никто ее не взял, хотя положенный под салфетку ключ не был великой тайной... Да и сама тетя Вера никаких наставлений по поводу туфель никому не сделала — ему бы сказали ее соседи, он успел с ними познакомиться.

Утром Руслан проснулся очень рано — соней он и так никогда не был, а тут еще на новом месте спал...

Ему хотелось выйти из дома как есть, в одних трусах, не одеваясь. Кто его может увидеть на крыльце в такую рань? Но здравый рассудок подсказывал, что лучше этого не делать, хотя бы брюки, но надеть надо. Натянув джинсы, Руслан вышел на крыльцо. Поежившись от утренней свежести, поглядел по сторонам. На улице начинался солнечный августовский денек. И это странное сочетание прохлады и яркого света неожиданно задавало какой-то веселый тон настроению Руслана. Почему-то совсем по-детски вдруг захотелось поверить в чудо и прекрасное будущее.

В доме напротив открылась дверь, и на крыльцо вальяжно вышел огромный рыжий кот. Следом за рыжим мурлыкой в дверях появилась молодая женщина с тряпкой и ведром воды в руках.

— Ну, иди-иди, чего встал! — чуть ли не грозно проговорила она, и Руслан неожиданно смутился. Хотя это было сказано коту, но он вдруг принял ее окрик на свой счет.

Он развернулся, намереваясь уйти в дом, но тут его заметил сосед из дома с другой стороны. Обменявшись приветствиями, они немного поговорили о погоде и о том, как Руслану спалось на новом месте.

Краем глаз Руслан наблюдал, как женщина домыла крыльцо, выплеснула из ведра грязную воду и, смахнув тыльной стороной ладони прядь светлых волос со лба, покосилась в их сторону. На всякий случай он кивнул ей в знак приветствия. Женщина ответила ему таким же сухим кивком и скрылась в доме.

— Ишь, Маруся-то какая спорая, успела уже и полы намыть! — восхитился сосед, заметив, куда поглядывает гость. — Чистюля, каких свет не видывал! Только больно уж строга...

Дальше последовал краткий рассказ о молодой учительнице, которая уже пятый год живет одна-одинешенька. Родители ее умерли, жених, которого она ждала из армии, женился по месту службы на дочке какого-то генерала. Вот и живет она с тех пор одна. Учит ребятишек в местной школе. Хорошо учит, знания, говорят, толковые дает, да и ребятню держит в строгости, так что и ученики, и их родители ее уважают.

— А вот замуж больше не хочет идти, — горестно вздохнул сосед. — Гордая очень. Кто к ней только не сватался — всех отшила. Крепко, знать, ее тот женишок обидел...

Вернувшись в дом, Руслан неожиданно поймал себя на мысли, что из головы у него отчего-то не выходит эта строптивая Маруся. Так и виделась она ему — высокая, статная, разгоряченная от работы... А то, что

глянула строго, так это и понятно — учительница! И запоздало подумалось — слава богу, что он не в одних труселях перед ней красовался.

Побродив по дому, он вдруг понял, что совсем не хочет отсюда уезжать. Ну, по крайней мере, именно сегодня... Успокоив себя тем, что имеет полное право отдохнуть от всех и всего, да к тому же хоть как-то наверстать упущенное за столько лет, он решил остаться еще на один день. Ну, не сложилось им с тетей Верой при ее жизни как следует пообщаться, так надо хотя бы по-людски с ее гнездом обойтись. Нельзя бросать такой дом на произвол судьбы. И перед родственницей стыдно, и самому дом жалко. К тому же он, вон, какой справный — приходи и живи. Надо, пожалуй, сдать его для житья кому-нибудь, так, глядишь, и дом присмотрен будет, и самому спокойнее. Избавиться от хорошего жилья никогда не поздно, только вот какой-то внутренний голос словно нашептывал Руслану, что меньше всего тетя Вера хотела бы его продать.

Раз решил остаться здесь еще — значит, надо запастись провизией. И Руслан отправился в магазин. Всем известно, что торговая точка в сельской местности является чем-то вроде центра вселенной. Сюда стекается информация обо всем и обо всех. В чем Руслан, едва переступив порог магазина, тут же убедился.

Продавщица, женщина лет сорока, приветливо улыбнулась ему. Три бабульки, болтавшие с нею у прилавка, немного подвинулись, пропуская чужака. В глазах их сразу же заплескалось неудовлетворенное любопытство.

Руслан поздоровался. Ему дружно ответили. А когда он начал называть, что ему нужно, продавщица заговорила с ним, как с давним знакомым. Она ловко выкладывала на чистенький прилавок продукты, а сама, как бы между делом, интересовалась:

— Ну, как, устроились? Нравится вам у нас?

— Да я еще не понял, если честно.

— Да ну? А говорят, у нас места волшебные! Кто приезжает, потом уезжать не хочет! А вы к нам надолго?

— Пока не решил. — Не выкладывать же совершенно незнакомому человеку все свои планы!

— С домом-то что делать будете? Продадите или себе под дачу оставите? Хороший дом! Баба Вера его берегла!

— Да, дом хороший, — согласился Руслан.

— А оставайтесь у нас! Вы ведь, говорят, врач? Работать у нас будете. Первого сентября у нас новый ФАП открывать собираются, только

доктора пока нету. Фельдшерица Катерина Ивановна хорошая, а врача никак не найдут. Оставайтесь! И жену вам подходящую сыщем.

Руслан широко улыбнулся. Ну, надо же! Просто информбюро какое-то, а не магазин! И про него все знают, и планы за него и на него уже строят! Ну, народ!

Бабульки за его спиной весьма заинтересованно вслушивались в беседу. И то, что сейчас он сказал, и что еще, возможно, скажет, через некоторое время станет известно всему селу. Собрав покупки в пакет, Руслан галантно произнес: «Благодарю!» — вышел из магазина.

На крыльце он чуть не столкнулся с молодой женщиной. Они оба от неожиданности отскочили в разные стороны, и лишь потом посмотрели друг на друга. Лицо женщины показалось Руслану смутно знакомым. О, да это же та соседка, из дома напротив, что спозаранку полы намывала! Маруся, кажется...

— Здравствуйте! — улыбнулся он.

— Здравствуйте еще раз! — ответила женщина. — Мы же с вами, кажется, утром уже виделись.

Выходит, она его тоже узнала, хотя это и не сложно было сделать — он всего-то надел на себя футболку и клетчатую рубашку сверху. А вот учительница здорово изменилась — простое домашнее платье уступило место строгому костюму: черной юбке с жилеткой и нежной розовой блузке. Ну, точно, учительница! Только сейчас же вроде каникулы у детей, она что, всегда так ходит? Прав сосед — до чего же строга эта Маруся!

Руслан задержался взглядом на ее лице. В голове у него вдруг все перепуталось. Ему вроде и хотелось что-то ей сказать, но он не знал, что именно нужно произнести. Соседка тоже молчала, но в ее глазах также читалась какая-то растерянность.

Тем временем в боковое окно за стоявшими на крыльце внимательно наблюдали женщины из магазина. Похоже, в ближайшее время на селе будет, о чем поговорить...

— Если вы потом домой, могу помочь в переноске тяжестей, — шутливо предложил Руслан.

— Спасибо, не нужно. Я отсюда на работу иду.

— Но ведь сейчас же вроде каникулы?

— А вы, похоже, неплохо осведомлены... — Брови Маруси удивленно взлетели вверх.

— Ну-у, деревня — она и есть деревня... — смутившись, пожал плечами Руслан.

— Тут вы правы. А насчет каникул — так они скоро заканчиваются, а мы готовимся к учительской конференции, она будет проходить на следующей неделе.

— Понятно...

Больше топтаться друг против друга было как-то неприлично, и они, кивнув друг другу, пошли каждый в свою сторону.

День в доме тети Веры пролетел как-то незаметно. Странно, но во внезапно свалившемся наследстве нашлось, чем заняться. Поправив кое-что по мелочи, что требовалось поправить, прибавив пару гвоздей и скосив траву нашедшейся в сарае старой косой, Руслан присел на крыльце.

Сосед словно только и ждал этого момента — тут же материализовался у забора.

— Вы, смотрю, и косить умеете? — любопытствовал он, кивая на прислоненную к дому косу.

— Меня на лето к бабушке в деревню отправляли. А там не забалуешь... — пояснил Руслан.

— Во-во, точно! На земле всему научишься, не то, что в городе. Это там народ от скуки с ума сходит. Стрессами болеют, видите ли! — хмыкнул сосед, и, сдвинув полотняную кепку на затылок, почесал лысую, как коленка, голову. — А нам тут не до стрессов. Напрыгаешься с самого утра, вечером до подушки голову донесешь и все — спишь, как сурок. Некогда «стрессничать»... Тетка ваша вот тоже трудяга была... Только три недели и поболела, полежала и того меньше, пару дней всего. А так все сама делала. И в доме порядок блюла, и вокруг него. Помогали мы ей совсем немного...

Неожиданно в голову Руслану пришла одна мысль, и он поинтересовался у соседа, не общалась ли тетя Вера с какой-нибудь женщиной поближе. Сосед подумал и сказал, что кроме него самого и его супруги старушка в последнее время ни с кем дружбы не водила. Даже из соцзащиты к ней никто не был прикреплен.

Руслан задумался. Для кого же тогда тетя Вера приобрела и хранила эти красные туфли?!

Что-то мягкое коснулось его ноги. Он глянул вниз и увидел большого рыжего кота. Кажется, это питомец той соседки, что живет напротив. А вон и она сама — белье во дворе вешает. В его сторону не смотрит. Это позволило Руслану некоторое время понаблюдать за Марусей. Хотя какая Маруся — это как-то по девчачьи звучит, ладно, сосед — он пенсионер, и может ее так называть. А для него она скорее Мария. Мария,

Маша... А ей идет это имя... Волосы русые, кожа светлая — истинная Мария!

Поймав себя на том, что слишком уж увлекся думами о соседке, Руслан даже покраснел от смущения. Надо же, размечтался, как мальчишка!

Кот снова ткнулся в его ногу. Руслан погладил мягкую кошачью шерстку и поднялся. Нехорошо глазеть на учительницу, неприлично! Обругав себя, он скрылся в доме.

Ночью Руслан проснулся от сильного удара грома. Надо же, как крепко уснул, даже не услышал, что гроза началась!

На улице разыгралась такая буря, что трудно было поверить в то, что на календаре конец августа. Сверкали гигантские молнии, грохотал гром, и дождь лил, как из ведра.

Пока на улице шумело и гремело, уснуть не получилось. Вот и лежал Руслан на постели, думая о своей жизни, вспоминая детство. И так ему было хорошо и спокойно, словно и не буйствовала стихия за окном...

О многом передумал в ту ночь Руслан Озеров. Вспомнилось многое, и плохое, и хорошее. И еще подумалось, что почему-то не хочется отсюда уезжать. Вроде и чужое здесь все, впервые в жизни увидел и эти стены, и этих людей, а почему-то сразу по сердцу пришлось. Права была продавщица — и он попал в плен здешним местам!

Но рано утром, осмотрев дом и двор после ночной грозы и не найдя никаких повреждений, Руслан все же стал собираться в обратную дорогу. Завтра у него с утра рабочая смена. Что делать с домом, он так и не решил. Пока хотел попросить соседей приглядывать за хозяйством. На сороковой день он сюда вернется, вот тогда и решит, что делать дальше.

Пройдясь по небольшим комнатам, Руслан вдруг выглянул в окно на дом напротив. Секунду подумал о чем-то, потом решительно отпер ключиком ящик комода, достал коробку с туфлями, даже под крышку заглянул, словно желая убедиться, что они на месте, никуда не исчезли и вообще не привиделись ему.

«Если ей не подойдет, то пусть сама кому-нибудь их отдаст».

Расстояние от своего крыльца до крыльца соседского дома он преодолел одним махом. Дверь была чуть приоткрыта, но он все-таки постучал по косяку.

— Заходите, не заперто! — крикнули из дома.

Шагнув за порог, Руслан замер. Сельская учительница стояла перед зеркалом и, зажав губами тоненькие шпильки, плела замысловатую ко-

су вокруг головы. На ней было красивое шелковое платье — черное, с огромными алыми маками.

Увидев в зеркале застывшего в дверях Руслана, Мария широко раскрыла глаза. Ее руки по инерции доплели косу, закрепили ее парой шпильек, и лишь после этого она развернулась к нему.

— Вот... — Руслан протянул ей обувную коробку.

— Что это?

— Туфли. Новые. Тетя Вера почему-то их в комодержала. Вам не подойдут? — растерянно проговорил он.

Мог бы и не спрашивать. Размер красных туфель был точно такой же, как у Марии. И они просто удивительно подходили к ее платью с алыми маками...

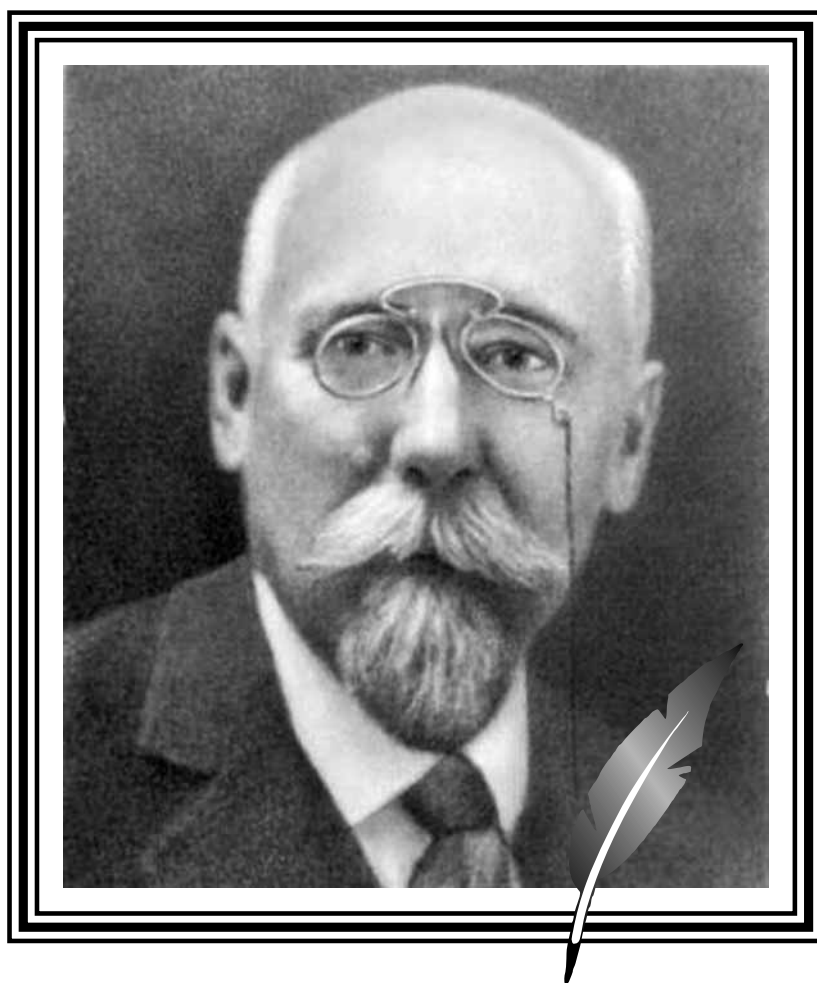
Возле ухоженного деревенского дома остановилась машина «скорой помощи». попрощавшись с водителем, из нее вышел молодой мужчина. Войдя в дом, он приостановился на пороге комнаты.

Русоволосая голова жены склонилась над раскрытой тетрадкой. Рука, «вооруженная» шариковой ручкой с красным стержнем, быстро скользила по написанным детским почерком строчкам. Стопка таких же тетрадей лежала чуть поодаль.

Неожиданно из соседней комнаты раздался сильный грохот. Супруги синхронно повернули головы: под оглушительный стук каблуков красных туфель из родительской спальни вышла девчушка лет трех. И ничего, что красивые туфли были ей слишком велики. Все равно она выглядела в них просто шикарно!.. □

Юрий Осипов

Федор Сологуб

«ЕДИНОЙ ЖИЗНИ ТОРЖЕСТВО»

Рассказы о Федоре Сологубе встречаются почти у всех мемуаристов девятисотых и Серебряного века, поскольку он был уж очень знаменит и ни на кого не похож. Причем, знаменит не только в России. Многочисленные критические нападки не помешали ему стать классиком еще при жизни, автором трех собраний сочинений — одного в 12 томах, а другого — в 20-ти.

Его становление как художника слова пришлось на эпоху безвременья, в которую одни таланты оказывались, подобно Блоку и Белому, пророками, а другие певцами томления и ипохондрии. Модерн, особенно русский, не всегда означал «движение вверх». Иногда это было переосмысленное движение вниз, в смутную глубину пройденного.

Критик А. Волынский, собственно открывший Сологуба и даже придумавший ему такой претенциозный псевдоним, называл своего протеже «каким-то русским Шопенгауэром из удушливого полуподвала». Сам Сологуб характеризовал себя следующим образом: «Я — поэт бреда». Добавим: скорее распада и сопутствовавших ему «сумеречных настроений».

Творчество его, прозаика и поэта в одном лице, исключительно многогранно. Сологуба пытались «приписать» к символизму, с уточнением: «мистический», но большинство созданных им произведений выбиваются из подобных рамок. Знаменитый и один из самых изучаемых романов в русской литературе — «Мелкий бес», заверченный автором в 1902 году, поначалу поверг читающую публику в шок, поскольку повествовал о мыслях и чувствах учителя-садиста. Популярные журналы даже отказывались его публиковать. В полном объеме он вышел только в 1907 году и с тех пор постоянно переиздается.

Личная жизнь писателя после несчастного, в сущности, детства увенчалась долгим, правда, бездетным браком. Но на двадцатом году семейной жизни жена Сологуба в приступе психического расстройства неожиданно покончила с собой. Тело ее было обнаружено лишь спустя месяцы. Страшный уход горячо любимой супруги, которой он посвятил ряд стихотворений, обострил чувство обреченности и душевного одиночества Сологуба, чьи произведения и без того были наполнены трагизмом и безысходностью.

Немалый остаток дней Федор Кузьмич прожил одиноко, пусть и вполне благополучно, в «золотом тереме», ощущая себя маленьким человеком, затерянным в огромном холодном мире. К революционным переменам в России был не готов и новую власть не принимал, хоть и целое десятилетие пытался с нею сотрудничать. Попытки получить разрешение на выезд за границу успехом не увенчались. В работе над новым романом (в стихах!) он тяжело заболел и скорострительно скончался.

Прижизненная слава Ф. Сологуба была гораздо шире посмертной, а последней он и не хотел, считая, что для писателя посмертный юбилей — вторые похороны, и называл его «колом в собственную могилу», после которого дано было подняться в читательском сознании только таким гигантам, как Пушкин и Толстой.

«Поэты постоянно думают о смерти, — писал он. — Своей и чужой... Но вот я чем дальше живу, тем больше начинаю сомневаться в своей смерти... Какая-то во мне появилась надежда на бессмертие».

Детство и юность будущего литературного мэтра были крайне тяжелыми. Родился он в марте 1863 в семье бедного портного, недавнего крепостного крестьянина Кузьмы Тетерникова. Мать работала «прислугой за все» у питерских дворян Агаповых. Там же прошли детские и отроческие годы будущего писателя. Порка являлась главным воспитательным средством матери и сформировала у Федора ярко выраженный садомазохистский комплекс, наложивший отпечаток на его творчество.

При всем том, родители Сологуба были людьми образованными, в доме водились разные книги, и отец прививал сыну и дочери (родившейся двумя годами позднее) любовь к искусству и поэзии. Смерть отца в 1867 году свергла семью в полную нищету, и если бы не доброта Агаповых, приютивших обоих детей, судьба юноши могла бы сложиться трагично. Стоит заметить, что и в дальнейшем посторонние люди не раз оказывали писателю существенную помощь на жизненном пути, поддерживали его поиски себя.

Первые дошедшие до нас стихотворения начинающего поэта датируются 1877-м годом. Годом раньше Федор Тетерников поступил во Владимирское городское училище, откуда перешел в Рождественское училище, а в 1879 году — в Петербургский учительский институт, где пансионером жил и учился четыре года.

Юношеский максимализм и твердая убежденность в том, что ему суждено стать поэтом, вывели Со-

логуба на литературную стезю. Но до этого он испытал немало мытарств и невзгод. По окончании института в 1882 году будущий писатель забрал мать и сестру и уехал учительствовать в северные губернии — сначала в Крестцы, затем в Великие Луки и Вытегру, проведя в провинции 10 лет.

Там, исправно работая в народных училищах, он продолжал сочинять стихи и начал большой роман «Тяжелые сны». Первой же публикацией Сологуба стала незатейливая басня «Лисица и еж», появившаяся в детском журнальчике «Весна» в июне 1884 года за подписью «Те-рников». Затем в мелких изданиях увидели свет еще несколько его стихотворений.

Переломным в судьбе молодого писателя стал 1891 год, когда он, наконец, попал в вожделенную северную столицу и повстречал на своем пути Николая Минского, представителя нового на тот момент литературного направления, получившего название «мистический реализм». Минский совместно с Зинаидой Гиппиус и другими известными литераторами стоял у руля только зародившегося журнала «Северный вестник» и был занят поиском поэтического произведения, которому предстояло стать олицетворением его художественного манифеста «При свете совести...»

Стихи начинающего автора подходили для этого как нельзя лучше и послужили стартом творческого признания Федора Сологуба. Уже на следующий год он, подобно комете,

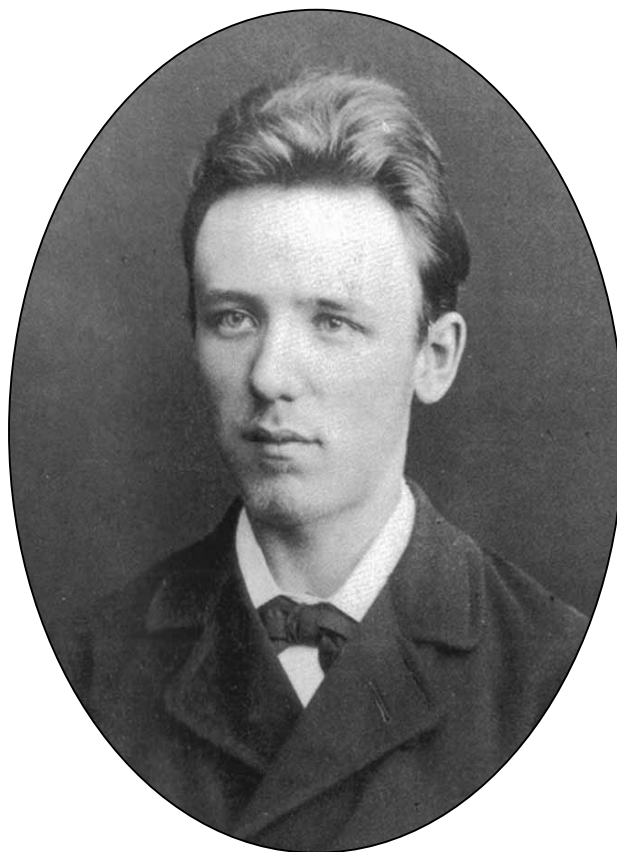
ворвался в тесный кружок символистов с новыми публикациями. В 1896-м вышли в свет его первые три книги — «Стихи, книга первая», роман «Тяжелые сны» и сборник рассказов «Тени».

Надо заметить, что уверенный реализм «Тяжелых снов» и некоторых рассказов в картинах провинциальной жизни сочетается с призрачной, одурманивающей атмосферой полуснов-полуяви, проникнутой эротическими грезами и чувством страха. Это станет затем фирменным стилем сологубовской прозы.

Наряду с литературной известностью развивалась до поры и учительская карьера писателя. Он перевелся из Рождественского в Андреевское городское училище на Васильевском острове уже в качестве инспектора и получил положенную ему по должности казенную квартиру при училище.

«Северный вестник» он тоже к концу 80-х сменил из-за конфликта с редакцией на авторитетный журнал «Север», где были опубликованы третья и четвертая книги стихов Сологуба рубежного периода. Они обозначили также рубеж между декадентством и последующим символизмом автора. Причем и до, и после, как в стихах, так и в прозе, он стремился к предельной ясности и четкости, хотя источники его творческих вдохновений и философские настроения были достаточно сложны, а подчас и запутаны.

«В самом стиле его писаний, — замечал видный поэт, публицист, кри-

тик и литературовед Корней Чуковский, — есть какое-то обаяние смерти... не здесь ли источник особенной сологубовской красоты?..» Наиболее ярко символ «смерти утешительной» нашел воплощение в сборнике рассказов писателя под названием «Жало смерти» (1904). Причем главными героями этих рассказов стали дети или подростки.

Тогда же происходит творческое обращение Сологуба к образу Сатаны как тождественной противоположности Всевышнему, что подкрепляется философской позицией автора, который опубликовал в 1906 году в знаменитом журнале мирискусников «Золотое руно» эссе «Я. Книга совершенного самоутверждения», а затем — мистерию «Литургия мне» и другие прозаические и стихотворные вещи,

проникнутые богоборческими мотивами.

«Обаяние смерти»... Словно божья кара, ниспослано было писателю самоубийство горячо любимой жены на двадцатом году счастливого, хоть и бездетного брака в результате обострившейся душевной болезни. Молодая супруга Сологуба, Анастасия Чеботаревская обладала немалыми литературными способностями, зарабатывала переводами и охотно приняла на себя роль хозяйки литературного кружка, который с сере-

строже он мыслил. Он в совершенстве владел техникой спора».

В период Первой русской революции 1905-1906-го годов большим успехом пользовались так называемые политические «сказочки» Сологуба, печатавшиеся в революционных журналах. Они писались для взрослых, хотя автор использовал в них детскую лексику и характерные приемы детского сказа. Совершенно иным предстает он в сборнике патриотических стихов «Родина», вышедшем весной 1906 года.

Ю

ношеский максимализм и твердая убежденность в том, что ему суждено стать поэтом, вывели Сологуба на литературную стезю. Окончив учительский институт, он уехал в северные провинции, где продолжал сочинять стихи и начал свой первый большой роман «Тяжелые сны»

дины 90-х годов собирался у них на квартире по воскресеньям и сделался вскоре одним из центров духовной жизни Петербурга.

Там читались стихи, рассказы, драмы. Там, за чайным столом, собирались З. Гиппиус с Д. Мережковским, М. Кузмин, В. Иванов, А. Ремизов, А. Блок, С. Городецкий... Постоянный участник этих вечеров, поэт, прозаик, переводчик и литературный критик Г. Чулков, вспоминал: «Сологуб был важен, вел беседу внятно и мерно, чуть улыбаясь... с убедительностью математической. Чем фантастичнее и загадочнее была его внутренняя жизнь, тем логичнее и

*Люблю я грусть твоих просторов
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.*

Когда революционные события окончились, произведения Сологуба наконец-то привлекли к себе внимание широкого читателя, и, прежде всего, благодаря изданию в марте 1907 года романа «Мелкий бес», который является с тех пор одной из самых популярных книг в России.

Роман создавался автором десять лет, окончен был летом 1902-го, и год за годом отвергался редакциями ведущих изданий, которым он казал-

ся слишком «рискованным и странным». Только в начале 1905 года его удалось пристроить во второразрядный журнал «Вопросы жизни», но его публикация в очередных номерах «с продолжением» вскоре оборвалась из-за закрытия журнала.

Главным героем «Мелкого беса» является жуткая душа учителя-садиста Ардалиона Передонова, показанная на фоне тусклой и бессмысленной жизни провинциального города. Садистские наклонности, острая зависть и гипертрофированный эгоизм доводят Передонова до полного бреда, до потери чувства реальности. Подобно герою «Тяжелых снов», Логинову, его страшит сама жизнь.

В недолгий период хрущевской оттепели, в 1958 году, роман единственный раз за все советское время был ограниченным тиражом выпущен Кемеровским книжным издательством. Но имя Федора Сологуба в отечественном литературоведении всегда пользовалось большим почетом.

На гребне успеха «Мелкого беса» писатель взялся за драматургию и начал новый роман — «Творимая легенда» («Навыи чары»), а также подготовил к печати восьмую книгу стихов «Пламенный круг». «Хочу, чтобы интимное стало всемирным», — заявлял он в предисловии к сборнику, в очередной раз завершая им, по собственным словам, «круг внешних преобразований».

Еще в большей степени, нежели стихи и проза, влияние своеобразной авторской философии испыта-

ли пьесы Сологуба периода 1907–1912 годов. Так, любовь, слившаяся со смертью, творит чудо в ранней пьесе писателя «Дар мудрых пчел». А в трагедии «Победа смерти» любовь используется уже как инструмент «волшебной» воли. Таким образом, смысловые полюса в сологубовской драматургии нередко менялись.

Схожим образом звучат у Сологуба и переработанные им для сцены русские народные сказки, некоторые из которых были поставлены в театре Коммисаржевской в Москве и в Литейном театре в Санкт-

*Константин Эрберг, Федор Сологуб,
Александр Блок, Георгий Чулков, 1908 год*

Петербурге. Причем в последней постановке роли исполняли не профессиональные актеры, а поэты, прозаики и художники: С. Городецкий, Л. Бакст, И. Билибин, М. Волошин, Б. Кустодиев, А. Ремизов, Н. Гумилев, М. Кузмин и другие. Словом, весь цвет искусства Серебряного века.

Женился Федор Кузьмич в 1908 году. Анастасия Чеботаревская была во всех отношениях женщина примечательная. Литературная переводчица, драматург, видная деятельница женского движения в России, она прониклась творчеством Сологуба, укрепляла его деловые связи, приняв на себя хлопотную роль лит-агента мужа.

На новой квартире, куда они переехали, ее заботами возник настоящий артистический салон, собиравший почти весь тогдашний театральный и литературный Петербург. Там, на Разъезжей, устраивались специальные вечера в честь молодых перспективных поэтов — Игоря Северянина, Анны Ахматовой, Сергея Есенина...

Чуткий к новым веяниям мэтр в начале 1910-х годов заинтересовался футуризмом и сблизился через жену с группой дерзких эгофутуристов, к которым позднее примкнет Маяковский. Вместе с Чеботаревской он принимал участие в альманахах петербургских эгофутуристов, идеям которых была созвучна

лирика Сологуба, ее модернистский окрас и божественный дух.

При этом, не ограничиваясь стихами, Федор Кузьмич продолжал работать в эссеистике на богатую символику «творимой» им собственной легенды. «Я. Книга совершенного самоутверждения», «Демоны поэтов» и другие работы тех лет отражали дуалистическую мечту их ав-

мании, а затем в издательстве символистов «Сириус», последовал роман «Слаще яда». Трилогия оборачивалась полутрагедией-полуфарсом, с горчайшей иронией описывая подвиг преобразования жизни. Мистика «Творимой легенды» вызвала недоумение критиков, а вот в романе «Слаще яда» никакой мистики не было. Была драма любви

После революции произведения Сологуба наконец-то привлекли к себе внимание широкого читателя и, прежде всего, изданием романа «Мелкий бес», который создавался автором почти десять лет и стал одной из самых популярных книг в России

тора, находившего в лирике Верлена отрыв от постылой действительности, а в его же иронии — примирение с этой действительностью.

Точно так же ему был дорог донкихотовский идеал Дульцинеи Тобосской, в которой все окружающие видели простую крестьянку Альдонсу. Реальное, живое воплощение подобной мечты писатель неожиданно обрел в новаторском и многими отвергаемом искусстве «босоногой» американской танцовщицы Айседоры Дункан, ставшей впоследствии ненадолго женой Сергея Есенина.

Творческая плодовитость Сологуба в зрелые годы, которые предшествовали Октябрьской революции, поистине удивляет. Вслед за романной трилогией «Творимая легенда», вышедшей сначала в Гер-

мещанской девушки и юного дворянина.

На фоне возросшего интереса к новому искусству и к своему творчеству как одному из его проявлений Сологуб задумал серию поездок по стране с чтением стихов и лекциями, пропагандирующими принципы символизма. Вместе с Сологубами в полуторамесячное турне по России отправился и Игорь Северянин. Хотя в некоторых аудиториях лекции писателя и особенно стихи Северянина были восприняты как «издевательство над литературой», турне эти в целом имели успех и вскоре возобновились, продолжаясь до весны 14-го года, а завершились в Берлине и Париже.

Первую мировую войну Сологуб воспринял роковым знаменем для

России. Он вновь поехал по стране с публичными лекциями, а еще откликнулся на милитаристский угар и страшную бойню книгой стихов «Война» (1915) и сборником рассказов «Ярый год» (1916), достаточно сентиментальными (что было ему несвойственно) и искусственными.

Февральскую революцию, обрушившую монархию, стареющий писатель встретил с воодушевлением. Как и других деятелей культуры, его волновало, что будет теперь с литературой и искусством. Разочарование наступило вскоре после попыток создания бюрократического министерства искусств. Идущие на смену Временному правительству большевики также не вызывали у Сологуба радужных надежд, и его газетные статьи, выходившие летом 1917-го года, принимают явно антибольшевистский характер.

В предшествовавший Октябрю период Сологуб ратовал своими публицистическими выступлениями за неприкосновенную свободу слова, резко выступал против готовившегося большевиками разгона Учредительного собрания. К Октябрьскому перевороту он отнесся с откровенной враждебностью. Всю зиму и весну 18-го пользовался любой возможностью, чтобы опубликовать статьи и памфлеты «просветительского» характера, направленные против отмены авторского права, ликвидации Академии художеств и сноса исторических памятников. Увы, это был глас вопиющего в пустыне.

Тяжкий постреволуционный быт, с «селедочными» очередями за голод-

ными пайками, тасканием на себе мерзлых дров, квартирными «уплотнениями» и прочими прелестями военного коммунизма, давался ему труднее, чем другим. За лекции ученым и писателям платили пайками, заменявшими денежную единицу. Сологуб лекций принципиально не читал, а жил с женой на продажу вещей.

Конечно, этого было абсолютно недостаточно в условиях предельно ограниченных возможностей печататься, и Федор Кузьмич взялся самостоятельно изготавливать книжечки своих стихов, написанных от руки в количестве 5-6 экземпляров, которые продавались через Книжную лавку писателей по 7 тысяч инфляционных рублей за экземпляр.

Вскоре он не выдержал и, хотя принципиально отвергал для себя эмиграцию, обратился все же в декабре 19-го к правительству за разрешением на выезд. В ответ — ни слова. Через полгода Сологуб направил повторное прошение, уже лично Ленину. Тогда же в правительстве решался вопрос о разрешении выезда за границу на лечение Александру Блоку, тяжелая болезнь которого повергала российских врачей в недоумение. Рассмотрение обоих прошений искусственно затягивалось. Блок умирал. А Сологуб в середине июля 21-го года получил, наконец, письмо Троцкого с положительным ответом.

Отъезд в Ревель был запланирован на 21 сентября, но томительное ожидание разрешения с постоянными проволочками надломило неустойчивую психику жены писателя,

расположенной к душевной болезни. Буквально накануне отъезда она покончила с собой, бросившись с Тучкова моста в реку. Смерть ее обернулась для Федора Кузьмича страшным горем, которое он нес в себе до конца жизни. После трагической кончины жены писатель уже не захотел покидать Россию.

Ему самому оставалось жить недолго.

С введением в 1921 году НЭПа оживилась издательская и типографская деятельность, возобновились связи с зарубежными издательствами. В Германии, Эстонии, а затем и в Советской России стали выходить новые книги Федора Сологуба. Первая его послереволюционная книга стихов «Небо голубое» была издана в Эстонии, куда он тщетно пытался эмигрировать с женой. Там же увидел свет и последний сборник сологубовских рассказов «Сочтенные дни».

*Порыв, стремленье, лихорадка, —
Закон рожденных солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Все, что от неба получил.*

Он по-прежнему стремился ввысь, но сил оставалось все меньше.

Роман «Заклинательница змей», который с перерывами писался с 1911 по 1918 годы и впервые был опубликован в 1921 году в Германии, стал последним в творчестве писателя. Роман этот унаследовал злобещенарочитый бытовой реализм предыдущего романа «Слаще яда», но получился странно далеким от всего,

Анастасия Чеботаревская

что прежде писал Сологуб. На фоне живописных волжских просторов разворачиваются в книге незамысловатые полуфеодалные отношения хозяев и работников.

По-новому складывающаяся литература Советской России уже все увереннее пробовала на разные лады свой звонкий голос. На подходе были Булгаков и Бабель, Олеша и Платонов... А старый мастер продолжал оставаться в плену застывших форм. Но все же читатели и собратья по цеху, особенно поэтическому, отдавали должное отточенности его стиля, своеобразию его взгляда на мир. Цельность — еще одно свойство многих стихотворных сборников Сологуба. В этом плане особо выделяется «Чародейная чаша».

Оставшись в РСФСР, Федор Кузьмич продолжал, насколько возможно, неустанно трудиться, много писал — увы, все «в стол», его больше не печатали. Тогда он еще плодотворнее начал заниматься поэтическими переводами и с головой погрузился в организационную работу ленинградского Союза писателей, где в 1926 году Сологуба избрали председателем.хлопотные обязанности на посту председателя Союза помогли ему преодолеть подступавшее одиночество и расширить круг общения (ведь почти все крупные прозаики и поэты дореволюционной России, в число которых входил Со-

ской деятельности в феврале 1924-го. Чествование, организованное друзьями писателя, проходило в актовом зале Александринского театра. Сологуб был взволнован до слез. Со сцены с прочувствованными речами к юбиляру обращались Е. Замятин, М. Кузьмин, А. Белый. Все, по словам одного из гостей, испытывали такой душевный подъем, что «как будто забыли, что живут при советской власти».

Парадоксальным образом это юбилейное торжество оказалось фактическим прощанием отечественной литературы с Федором Сологубом. После юбилея у него больше не вышло ни одной новой книги.

П

о-новому складывающаяся литература Советской России все увереннее пробовала в разных жанрах свой звонкий голос. На подходе были Булгаков и Бабель, Олеша и Платонов... А старый мастер продолжал оставаться в плену застывших форм. Но все же читатели и собратья по поэтическому цеху отдавали должное отточенности его стиля и своеобразному взгляду на мир

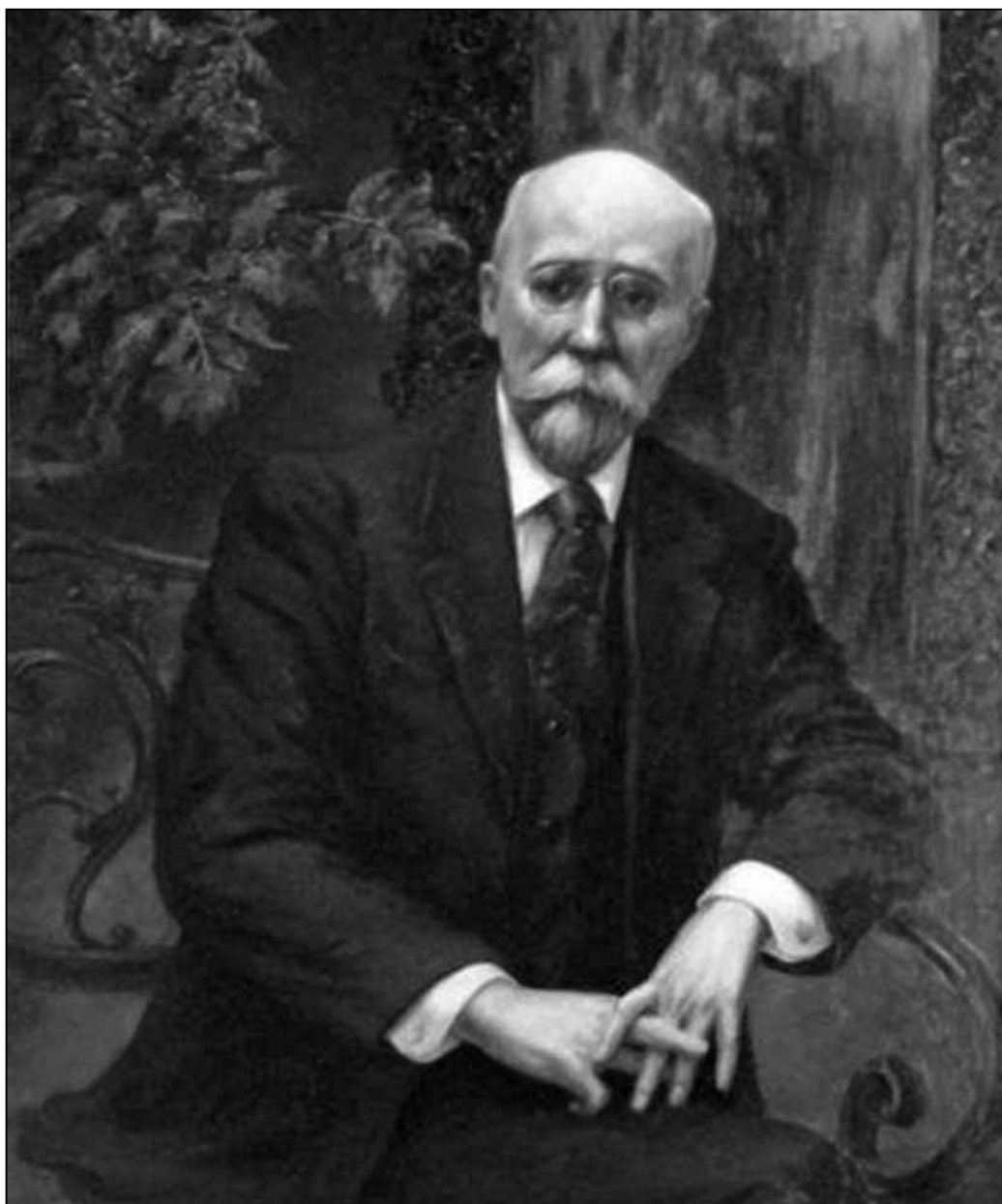
логуб, к тому времени уже эмигрировали).

В середине 20-х Федор Кузьмич вернулся к публичным выступлениям с чтением стихов. Вместе с ним на этих «вечерах писателей» выступали А. Ахматова, Е. Замятин, А.Н. Толстой, М. Зощенко и другие известные литераторы.

Заключительным событием в жизни писателя стало торжественное празднование 40-летия его творче-

Рухнула и надежда на переводы, большинство из которых так и не увидело свет при жизни писателя. Тем не менее, не надеясь на издание своих книг, он незадолго до смерти составил два сборника стихотворений — «Атолл» и «Груммант», а также продолжал упорно работать над романом в стихах «Григорий Казарин».

В мае 1927-го, в самый разгар работы, Федор Кузьмич свалился с тя-

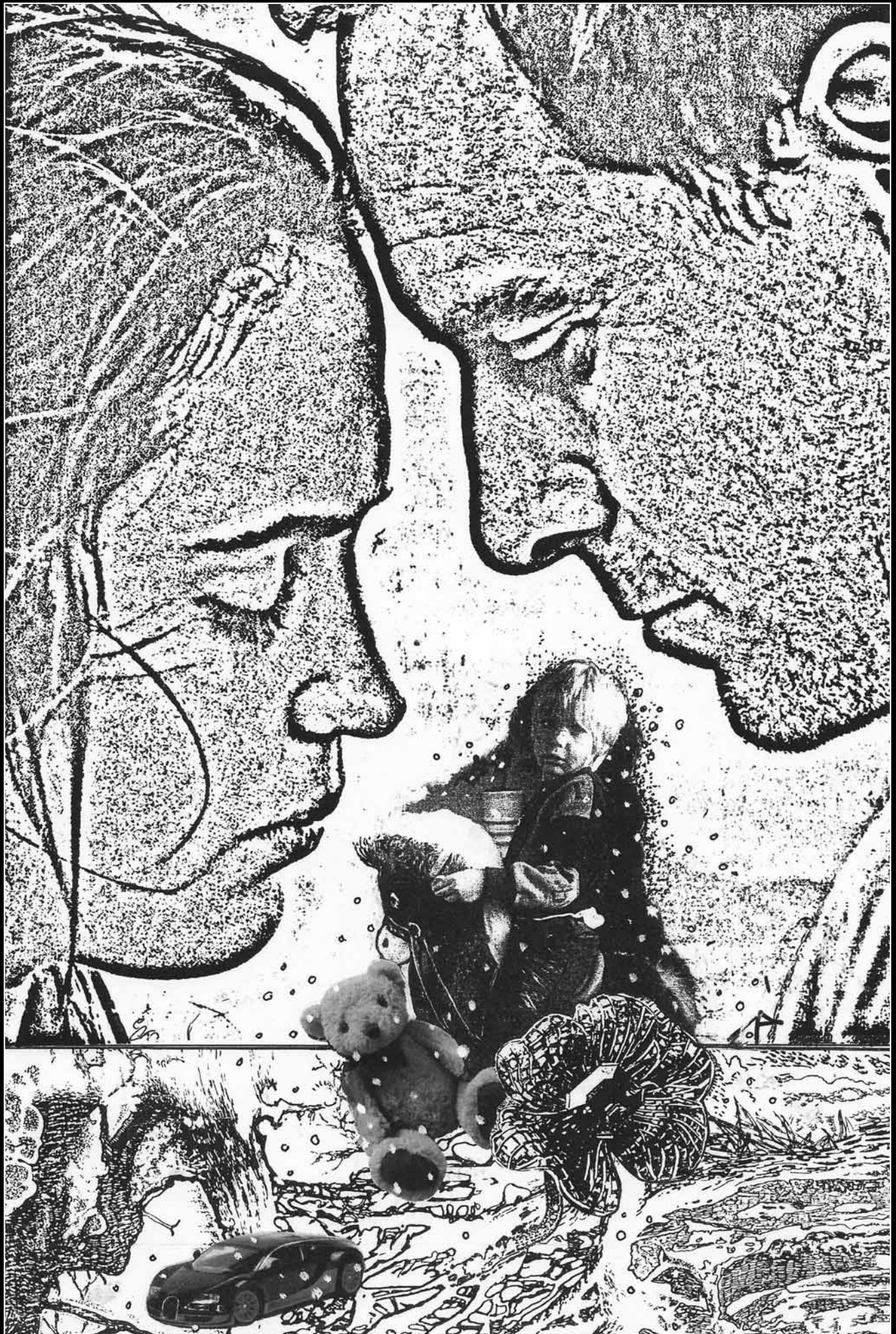

желым приступом застарелой болезни и уже почти не вставал с постели. Осенью началось сильное обострение. Последние стихотворения поэта помечены 1 октября. А скончался он 5 декабря 1927 года и был тихо похоронен на Смоленском кладбище рядом с женой.

Осип Мандельштам говорил, что для людей его поколения «Сологуб был легендой», и задавался вопросом, «где черпает он свою свободу,

это бесстрашие, эту нежность и утешительную сладость, эту ясность духа даже в самом отчаянье?» И делал вывод: «К будущему обращена вся поэзия Сологуба. Он родился в безвременьи и медленно насыщался временем, учился дышать и учил любить».

Не понимаю, отчего
*В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Единой жизни тожество.* □

Алексей не объявился ни к полуночи, ни к трем. Лика беспрестанно набирала его номер, но каждый раз слышала одно и то же: «Аппарат абонента недоступен или выключен».

В голову лезли разные мысли, большей частью неприятные. Первое, о чем она подумала, что Ольга воспользовалась ситуацией и затащила Алексея к себе, а там, вспоминая общее горе, они улеглись в постель, утешать друг друга. Хотя чего там утешать? Сколько времени уже прошло? Года три, наверное? Пора привыкнуть и успокоиться...

Потом Лика подумала об аварии. Погода плохая, мало ли что... Но эти мысли ей быстро надоели, и она вновь вернулась к теме вероятного возвращения Алексея к бывшей. Почувствовав захлестнувшую сознание волну раздражения, она рухнула на кровать и разрыдалась, жалея себя, несчастную и покинутую. А потом, настрадавшись вволю, заснула вполне удовлетворенная и уверенная, что утром услышит, как повернется в замке ключ, и Алексей приползет к ее ногам побитым псом. Вот тогда Лика отыграется по полной...

Проснувшись утром и понежившись в постели, она вдруг вспомнила, что вчера Алексей уехал и, возможно, еще не вернулся. Лика вскочила с кровати, обежала квартиру и, обнаружив отсутствие его вещей, похолодела.

Окончание. Начало в №12, 2019.

«Наверное, остался ночевать на родине или у этой... а утром сразу поехал на работу. А что? Вполне возможно», — подумала она и набрала его номер. Телефон Алексея не отвечал, а рабочего Лика не знала. Она никогда ему туда не звонила, а с тех пор, как они перебрались в новый офис, даже не представляла, где эта его работа. Пока она раздумывала, что делать, телефон ожил и призывно запиликал.

— Лика? Дай Леше трубку.

Витечка Зуев! Ни здрасьте, ни прощай, хамло неотесанное!

— Здравствуй, Витя, — процедила Лика сквозь зубы.

— Привет! А где кучерявый-молодой? Позови его к телефону, а то у него чего-то все со связью... Он думает выходить сегодня?

Только тут до Лики дошло, что и на работе Алексей не появился.

— Витя, а его нет, — растерянно проговорила она.

— Уехал уже?

— Да. Вчера еще. Вместе с Ольгой на могилу сына... И не вернулся. Я звонила, звонила... Всю ночь не спала...

— Как это — не вернулся? — недоверчиво спросил Виктор.

— Так и не вернулся! — раздраженно бросила Лика. — Вещей нет, машины тоже...

— Совсем нет?

— Витя, ты debil, что ли? Я же сказала: как уехал вчера, так и не вернулся. Что делать, Витенька?

Витенькой она никогда Зуева не называла, и внезапно роль убитой горем ей понравилась. А что? Вот Леша вернется и узнает от своего друга, как она переживала! В том, что Алексей вернется, Лика нисколько не сомневалась.

— Так, погоди, — встревожено сказал Зуев. — Я сейчас попробую что-нибудь узнать, а потом тебе перезвоню.

— Что узнать?

— Ну, вдруг авария была какая... Ты в больницы звонила?

Лика, разумеется, никуда не звонила, но зачем-то соврала, что звонила, в больницы, морги и МЧС, а потом, чтобы не дать Виктору опомниться, осторожно спросила:

— А телефон Ольги ты знаешь?

— А что?

— Ну, вдруг она вернулась и знает, что с ним. — Виктор секунду помолчал, а потом сказал: — Сейчас я перезвоню.

Минут через пятнадцать он действительно перезвонил и сообщил, что Ольга домой не вернулась и на работу не вышла, а ее мобильный тоже не отвечает. Лика немедленно разрыдалась и сквозь всхлипы стала требовать от Виктора «сделать что-нибудь».

Виктор торопливо пообещал и отключился. Лика без особой охоты выпила чашку кофе, сгрызла тост и вернулась в спальню, где было удобнее всего страдать, доводя себя до иступления.

В процессе страданий она немного поспала, обновила статус в Твиттере, выложила фото себя заплаканной в Инстаграмме, но с каждым часом ей становилось все страшнее. Привычные методы отвлечения не спасали. Не вытерпев, Лика позвонила Филиппу.

— У нас тут все на ушах, — деловито проинформировал ее он. — Носят-ся и вопят: шеф пропал, шеф пропал! Хотя, мне кажется, уже думают, как, в случае чего, будут делить пирог.

— Сволочи какие! — зло проговорила Лика. — Вот он вернется, им мало не покажется.

— Если вернется, — заметил Филипп.

— Что ты ерунду говоришь? Вернется, конечно.

— Ой, не скажи. Ты на улицу выходила? А вот я до работы добирался два часа... Кстати... — Голос Филиппа изменился, и он осторожно поинтересовался: — Зая, а ты думала, что будет, если вдруг Алексей не вернется?

— Что значит — не вернется? — похолодев, спросила Лика.

— То и значит. Мало ли что могло случиться. В аварию, может, попал, или еще что...

— Дурак! Его всего один день нет, а вы...

— Ты не ори, слушай умного меня. Если вдруг Алексис «склеит лапы», кому все это достанется?

— Что — это?

— Квартира, например. И фирма. Вы же не в браке. Понимаешь, к чему я? В случае чего, ты ни на что не можешь претендовать.

— Быстро же ты его похоронил, — едко произнесла Лика. — Я по колелу в шоке от такой практичности.

— Что есть, то есть. Ты не язви, а лучше подумай.

Лика помолчала, потом глухо простонала:

— Господи, я ведь тут даже не прописана! Филипп, что мне делать?

— Надеяться на счастливое избавление, — серьезно ответил он, а потом хохотнул: — Что, представила свою жизнь? И как тебе перспектива возвращения в Зажопинские Выселки? Нет, мать, ты все-таки балда. Как же ты его не окольцевала-то за столь длительное время? А сейчас вот выкинут тебя на улицу, и все, амба, сгорела свечка.

— Что ты мелешь?! Какая свечка?

— Это я образно, — вздохнул Филипп. — Ладно, мне работать надо. Я еще позвоню. Не кисни, на радуге зависни. Держи хвост пистолетом, и все такое.

— Пошел ты! — рявкнула она и раздраженно сбросила звонок.

Ей вдруг стало холодно и страшно. Она улеглась в не убранную с самого утра постель, потянула на себя одеяло, укуталась в него, как в кокон, и заплакала, представив себе несчастного Тарасова, умирающего где-то в разбитой машине.

Почти в семь вечера телефон засвистел, оповещая о пришедшем «смс». Лика схватила мобильный и с облегчением вздохнула. Ну, наконец-то...

Нахмурившись, она прочла сообщение, потом еще раз и, недоуменно сдвинув брови, попробовала перезвонить. Телефон соединять отказался. От злости она снова и снова давила на кнопку вызова, но мобильный лишь издевательски подмигивал, ядовито сообщая, что соединения нет.

Во время паузы к ней пробился Зуев.

— Лика, он мне «смс» прислал, — сообщил Виктор. — Застрял в каком-то Юдино... Господи, где это?..

— Да, мне тоже, — ответила Лика. — Вить, надо его как-то выручать, да?

— Попробую ментов напрячь. Проехать туда нельзя, из города не выпустят... Ладно, я сообщу, как только что узнаю. Пока!

После Виктора позвонил Филипп и недоуменно проговорил:

— Слушай, я чего-то не понимаю, но, похоже, Алексис подает сигнал SOS. Уже трое сказали, что он застрял в какой-то деревне. Мне, кстати, тоже прислал сообщение. С чего такая истерика?

— Вот видишь, — удовлетворенно произнесла Лика. — С ним все в порядке! И, кажется, он ничего не знает.

К тому моменту, когда завывающая на разные голоса тьма поглотила скелеты деревенских домов, Алексей и Ольга совсем выбились из сил. Мышцы уже деревенели от холода, а мокрых, замерзших ног оба почти не чувствовали.

Дома, к которым они подходили, выглядевшие в неверном вечернем свете более-менее прилично, на деле оказывались руинами с выбитыми стеклами, проваленными крышами и еще бог знает, с чем внутри.

Деревенька была небольшой, всего в одну улицу. Судя по остовам фундаментов, дома когда-то стояли в два ряда слева и справа. Левая часть Юдино сползала с небольшого холма вниз, где, видимо, было озеро, стянутое льдом. Шагать по деревне, выдергивая ноги из белого плена, было ничуть не легче, чем по чистому полю. Сначала они прошли вдоль единственной улицы до конца, надеясь отыскать убежище, но поняли, что от домов не осталось почти ничего. Последняя изба зияла громадной дырой в крыше, через которую виднелась развалившаяся печная труба.

— Тарасов, я не могу больше, — хрипло выдохнула Ольга. Закашлявшись, она привалилась к чудом сохранившемуся столбику забора и, тяжело дыша, уставилась на темнеющую улицу.

— Надо идти, Оль, — быстро ответил Алексей.

— Куда? — простонала она. — Мы уже все прошли. Может, остаться здесь? Зайдем внутрь, все не так будет задувать?

— Там второй ряд есть. Давай, давай, это недолго. Если не найдем ничего лучше, вернемся сюда.

— Иди. А мне и тут хорошо, — помотала головой Ольга и закашлялась. Увидев, что он собирается возразить, она безразлично добавила: — Я устала, Леш. Сил совсем нет, ноги ооченели. Сходи один, а я тут подожду.

— Ты замерзнешь, если сейчас усядешься. Уснешь и замерзнешь. Оль, надо проверить. Совсем стемнеет скоро. Что, если я уйду один и заблужусь? А ты будешь тут сидеть совсем одна? Пошли вместе. Если ничего не отыщем, зайдем в любую развалюху, попробуем там что-нибудь поджечь, костер разведем...

— Ты неисправимый оптимист, Тарасов, — усмехнулась Ольга непослушными губами. — Зимой, на ветру собираешься разводить костры?

— Давай, давай! — Алексей потянул ее прочь от зияющего пустыми провалами окон дома. — Последний рывок. Господи, как же холодно...

Алексей торопливо тянул ее за собой, увлекая к склону холма, на котором, кренясь, стояло еще несколько домишек, с остатками столбов, разграничивающих огороды. Идти здесь было еще тяжелее. Ольга поминутно спотыкалась, натужно кашляла, смахивала рукой колючие снежинки с лица, и по ее тяжелому дыханию становилось понятно, что долго она не протянет. В закатных сумерках Алексей старательно обходил препятствия в виде поваленных жердин, если успевал заметить их.

Путники так вымотались, что, когда очутились где-то в середине деревни перед домом, выглядевшим совсем не разрушенным, то даже не обрадовались. Рассмотреть в темноте, насколько он поврежден, было невозможно. Закрытые ставни оказались заложены тяжелыми перекладинами со штырями, уходящими куда-то в стену. Оставив Ольгу у завалившихся вбок ворот, Алексей дернул за перекладину, стряхнув с нее снег. Ставни даже не дрогнули. Он потянул одну створку на себя, и та открылась с громким треском. Еще не веря своим глазам, Алексей нащупал пальцами тускло блестящую твердь.

— Оля, тут стекло!

— Что?

— Стекло, говорю, причем не разбитое. Дом, возможно, целый. Попробуем войти.

Пройдя в крошечной темноте сквозь внутренний дворик, они поднялись по ступенькам высокого крыльца. У дверей Алексей остановился. Замерла и Ольга, выглядывая из-за его плеча.

- Заперто? — безнадежно спросила она.
— Да нет, смотри, даже приоткрыта дверь. Войдем?
— Постучи только.
— Зачем?
— Ну... мало ли. Вдруг там кто-то живет.

Алексей несколько раз стукнул кулаком в рассохшуюся дверь, но на стуки никто не ответил. Он выждал немного, а потом толкнул ее. Открывшись с неприятным скрипом, она продемонстрировала их взорам небольшие вытянутые сени с длинной лавкой, заставленной флягами, пустыми банками и заваленной старым тряпьем. Несколько бидончиков и разбитых банок валялось прямо на полу, словно кто-то неведомый раскидал их в ярости. Воздух был кислым, с неприятным, смрадным душком тухлятины, слежавшихся грязных тряпок и чего-то животного, не то кроликов, не то кур, — извечный, въедающийся в стены деревенский запах. С потолка гирляндами свисала заснеженная паутина, образуя призрачный занавес. В конце сеней виднелось окно с разбитым стеклом, в которое сильно дуло.

— Хозяева! — позвал Алексей хриплым голосом. — Ау, хозяева! Есть кто живой? Можно войти? — Не дождавшись ответа, он прошел вперед и, толкнув вторую дверь, просунул голову внутрь: — Але! Есть живые? Мы тут немного заплутали...

— Леш, — прошептала за спиной Ольга.

Он обернулся и недовольно свел брови на переносице, мол, чего еще?

Она, нагибаясь, пыталась разглядеть что-то в темноте. Алексей нашарил в кармане зажигалку, сделал шаг назад и, чиркнув кресалом, опустил руку с зажигалкой вниз. Ольга отогнула оторванную клеенчатую материю и подняла глаза на Алексея.

— Что? — не понял он, а, нагнувшись, увидел.

Клеенка была разодрана в клочья. На деревянных косяках виднелись глубокие борозды, а на полу лежали выломанные щепки и труха, высыпавшаяся из обивки.

— По-моему, это следы когтей, — прошептала Ольга трясущимися то ли от холода, то ли от страха губами.

Погони почему-то не было, и Ванька, валявшийся в снегу, это понял достаточно быстро, наверное, от холода, скрутившего покрасневшие пальцы. Забросив автомат за спину, он бодро потрусил прочь от трассы по укатанной дороге, ведущей, бог знает, куда. И если поначалу адреналин заставил Ваньку потеть, то очень скоро он замерз, однако упрямо шел вперед, то и дело оборачиваясь — не догоняют ли его «гайцы» на внедорожнике.

Думать о том, что придется с ними сделать, не хотелось.

То и дело притормаживая, Ванька с тоской оглядывался на трассу, подумывая: не вернуться ли? А что? Можно тормознуть еще какого-нибудь лоха и заставить отвезти куда надо. Под дулом АКС все становятся сговорчивее и возражать не будут.

Когда ноги начали умолять о передышке, Ванька остановился и, ежась от холода, огляделся по сторонам. Вернуться? Да, пожалуй, стоит, пока еще не слишком далеко. Или все-таки не надо? Мало ли кто ждет его на трассе? Теперь можно не сомневаться, что побег обнаружили, а этот вшивый водитель-инженеришка сдал его ментам.

Слева, довольно далеко от дороги, стояло что-то непонятное, какие-то сероватые пирамиды, наполовину заметенные снегом. Щурясь, Ванька долго не мог сообразить, что это такое, а потом до него дошло: ну конечно, скирды. Повеселев, беглец решительно свернул с дороги и направился к ним.

К тому моменту, когда Ванька добрался до первой скирды, он уже изрядно запыхался. Привалив автомат к плотной стене из соломы, парень начал решительно делать в ней дыру. Добросовестно сметанная скирда сопротивлялась изо всех сил, но Ванька, исколов руки, все дергал и дергал новые пучки, расширяя лаз снаружи, а потом уже изнутри. Когда в скирде образовалась маленькая пещерка, он забрался туда, втащил автомат и заложил вход соломой, оставив небольшое отверстие для воздуха.

Вот, так хорошо. Никто не увидит. Можно пересидеть.

Времени на это было потрачено довольно много. На улице уже почти стемнело. В новом убежище из скошенной соломы вскоре стало тепло. Ваньку от этого, а также от выпитой в машине водки разморило и начало клонить в сон. Осоловело хлопая глазами, он стал зевать и возиться на импровизированном ложе, устраиваясь поудобнее. Что-то твердое, лежавшее в кармане армейских штанов вдруг ожило и завибрировало, оглашая пещеру из соломы нервной трелью. Испугавшись, Ванька выудил из кармана отобранный мобильный и увидел на экране короткую надпись: «Вызывает жена...»

Даже у этого инженеришки есть жена, которая его «вызывает». А вот у Ваньки жены нет и теперь, наверное, уже не будет, потому что Анька выходит замуж за Димку, с которым они все детство просидели на одном горшке, лазали по заборам и курили на веранде детского садика, прячась от родителей.

Димка, Димка... Иудушка.

От злости Ванька даже проснулся и, сбросив звонок от неизвестной ему жены, стал торопливо набирать номер Аньки-предательницы, номер, запомненный им раз и навсегда. Только бы на счету были деньги...

— Алло? Алло, кто это?

От ее голоса Ваньке стало плохо. Стиснув зубы, он с трудом прокряхтел:

— Аня...

— Алло, алло, кто это?

— Аня! — воскликнул он более отчетливо.

— Да. А это кто?

Она все еще не узнавала, и тогда Ванька заорал:

— Конь в пальто! Не узнаешь, что ли?

Она испуганно ойкнула. Вдохновленный ее замешательством, Ванька продолжил сладким от бешенства голосом:

— Как тебе живется, любимая? Сладко спится у Димки под боком, сучка продажная?

Она молчала. Боясь, что Аня сбросит звонок, Ванька зачастил:

— Ты ж, шалава, меня ждатель обещала, письма присылала. Что ж ты, подстилка хренова, сразу мне не сказала, чтоб я не надеялся?

В трубке послышалась возня, а потом уже другой голос, знакомый с детских лет, резко произнес:

— Не звони сюда больше, урод!

— А это кто тут нам грозит? — хохотнул Ванька. — Никак женишок? Здорово, кореш, как дела? Ты, Димася, теперь ходи и оглядывайся. Я ж к вам на свадьбу собираюсь, да с подарком. Вон он, рядышком со мной лежит. Ох, хороший подарочек, на всех гостей хватит. Так что ты заранее побеспокойся, на кладбище участок застолби, ушлепок...

В ухо ударила тишина, и последние слова, брызгая слюной от ярости, Ванька прокричал в пустоту, после чего, отшвырнув телефон, разрыдался от злости и обиды. Он плакал долго, всхлипывая и подвивая, размазывал по лицу слезы и сопли, нервно курил, выдыхая дым в окошечко, потом неожиданно уснул, вымотанный переживаниями и усталостью.

Проснуться его заставил запах едкого дыма. В тесной пещерке из соломы было не то что тепло — жарко. Заложенный выход как-то подозрительно отливал оранжевым. Пару секунд Ванька, откашливаясь и прикрываясь рукавом, не мог понять, откуда этот свет, а потом из дымящейся соломы вырвался язык пламени. И еще один. И еще.

Заорав, он попятился в глубь пещерки, и на него тут же стали падать пучки соломы. Огонь весело трещал, пожирая легкую добычу. В дикой панике, задыхаясь от дыма, Ванька стал, ломая ногти, копать новый ход, но быстро понял, что это займет слишком много времени. Под ногой забренчал автомат. Подхватив его, он зажмурился, оттолкнулся ногами и, пробив телом заложенный выход, вывалился наружу и начал кататься по снегу. Ему казалось, что он горит.

Когда Ванька, наконец, откашлялся и отдышался, размазывая по щекам сажу и копоть, скирда уже полыхала. Яркое пламя, плюющееся в небеса снопом оранжевых искр, заставило отступить подкрадывающуюся ночь. Подкопченный Ванька зло таращился на гигантский костер, не зная, что делать дальше. Видимо, в растрепанных чувствах он не потушил окурков, и тот, медленно тлея, подпалил солому. Теперь, помимо рукавиц и тулупа, в число потерь вошли еще отнятый мобильник и армейская шапка.

Если его ищут, этот факел увидят за несколько километров, и тогда дела плохи. Можно залезть в другую скирду, но там точно найдут. Подумав, Ванька решил вернуться на трассу. Отряхнув снег, он встал, поднял куцый воротник подстежки, забросил на плечо автомат и вдруг застыл в растерянности.

Метель, плотная, как рыбацкая сеть, полностью скрыла дорогу. Увидеть ее в кромешной тьме было невозможно. Он начал оглядываться по сторонам, пытаясь понять, с какой стороны подошел к своему сгоревшему убежищу, но совершенно потерял направление. Щурясь, всматривался во мрак, надеясь найти другие скирды и помня, что его стояла первой, и, наконец, с облегчением вздохнул. Обозначив направление, поправил ремень АКС и неуклюже зашагал обратно к дороге.

Идти пришлось почему-то слишком долго. Медленно передвигая ноги в тяжелых валенках, Ванька натужно дышал, пытаясь разглядеть во тьме огни трассы, даже не подозревая, что идет в противоположную от нее сторону. Страх медленно сдавливал своими кольцами, словно голодный удав, и когда Ванька всерьез задумался о том, чтобы вернуться к еще виднеющемуся кострищу, где-то далеко впереди мелькнул огонек.

С трудом протиснувшись сквозь приоткрытую дверь, Алексей нагнулся, пытаясь разглядеть в темноте, куда ступает.

— Что там? — хрипло спросила Ольга, зависая над ним.

— Не знаю. Посвети.

Она чиркнула зажигалкой, и тусклый огонек слегка отодвинул тьму к углам, высвечивая крохотную кухоньку, загроможденную большой русской печью, столом и чем-то вроде старомодного буфета. На полу валялись какие-то коробки и тюки, а дверь подпирал сдвинутый Алексеем железный сундук, об угол которого Ольга тут же стукнулась ногой и громко охнула.

— Что? — испугался Алексей.

— Ничего. Просто ударилась.

Она отступила к стене и стала шарить по косякам, выискивая выключатель, и, найдя, в отчаянной надежде надавила кнопку. Свет, разумеется, не зажегся. Даже пытаться не стоило.

Алексей тем временем, спотыкаясь и шипя сквозь зубы матерные ругательства, пробрался к столу, шаря по нему руками. От его силуэта на стену падала неверная скачущая тень, жуткая и потусторонняя, как неведомый зверь бабай, которым Ольгу пугали все детство.

— Тут вроде бы свечка есть, — сказал Алексей, побренчав чем-то металлическим. — Да, точно. Дай зажигалку.

Она вытянула руку вперед, и, когда отдавала ему «Зиппо», их пальцы на миг соприкоснулись.

Пальцы Алексея оказались горячими, и это ее удивило. Чудилось, что все в этом доме превратилось в лед, даже они сами, непрошенные гости, были выдолблены из него, словно в замке Снежной Королевы. Не хватало только разбросанных льдинок, из которых требовалось сложить слово «Вечность».

Он чиркнул зажигалкой и поджег фитиль, отчего в кухоньке стало гораздо светлее. Ольга обессилено уселась на сундук и, ежась, принялась разглядывать помещение.

Кухонька была маленькой, как в большинстве деревенских изб, на три окна, в двух из которых почему-то царила непроглядная тьма, и только в одном, странно узком, словно рассеченном пополам, на фоне потемневшего неба виднелось снежно-белое кружево изморози. Тупо смотря в черные провалы, она не сразу сообразила, что два окна закрыты ставнями, а в третьем они одну створку отворили сами. Слева, рядом с печью, притулилась старенькая, невероятно замызганная газовая плита, справа, у стола, древний холодильник. У печи стояла лавка и раздутая алюминиевая фляга с обледенелым боком, а позади, за шторкой, виднелся допотопный ручной мойник. В кухоньке была еще одна плотно запертая, разделенная на две половинки филенчатая дверь, выкрашенная темной краской. На полу лежали круглые домотканые половики, а на стене висел целый набор фотографий. С потолка, как и в сенях, свисала заснеженная паутина. Внутри было так же зябко, как на улице, и Ольге очень хотелось убраться отсюда ко всем чертям.

Алексей все шарил по кухне, поднося свечу к буфету, выдвигая скрипучие ящики стола. Обнаружив скрытый темной тряпкой газовый баллон, он обрадовался, открыл конфорки и попытался зажечь их, но из баллона не послышалось привычного шипения.

— Пусто, блин, — раздраженно бросил он, а потом, засунув голову в буфет, начал бренчать посудой.

— О, керосинка! Интересно, осталось ли тут что?

В керосинке еще что-то булькало. Алексей аккуратно запалил фитиль и, дождавшись, когда он разгорится, снова аккуратно накрыл его колбой. Свет чадающей лампы был достаточно ярок, чтобы осветить кухню. Ольга

зажмурилась на мгновение, а он, пиная валявшийся под ногами хлам, деловито полез к печи.

— Сейчас затопим и сразу согреемся. Смотри, тут даже дров есть немало. Надо выйти, там наверняка поленница, а если нет, я забор разломаю...

— Леш...

— А?

— Леша, дверь.

Он непонимающе глянул на Ольгу, потом перевел взгляд на закрытую филенчатую дверь и с легким раздражением спросил:

— Посмотреть, что там? Может, сначала печь затопим?

— Леш, дверь была забаррикадирована изнутри, — дрожащим голосом напомнила Ольга.

До него дошло спустя мгновение. Действительно, изнутри! А он, дурак, так обрадовался найденному убежищу, что не подумал об этом. Прихватив с пола суковатое, расколотое пополам полено, Алексей двинулся к дверям, потом вернулся обратно к печи, бросил полено и схватил кочергу, взвесил на руке и удовлетворенно хмыкнул, готовый к битве.

— Осторожнее, Леш, — прошелестела Ольга и даже сделала попытку встать, но тут же обессилена уселась обратно и сжалась, как перед прыжком. Алексей коротко кивнул, бесшумно скользнул к дверям, схватился за ручку и резко дернул, едва не сорвав их с петель.

В лицо ударил спертый воздух и тишина.

Выждав еще пару мгновений, он прихватил со стола лампу и с опаской, держа кочергу перед собой, вошел в горницу, где было так же темно и холодно.

Обстановка в единственной комнатухе дома оказалась спартанская. В углу, у образов, стоял ветхий диван, рядом шифоньер с треснувшим зеркалом, у противоположной стены кровать, стол со старым, видимо, еще черно-белым телевизором, а в углу у дверей что-то непонятное, круглое и довольно большое, отливающее черным лаком, подпирало потолок. Уставившись на непонятную конструкцию, Алексей не сразу сообразил, что это, судя по железной заслонке, еще одна печь. Как же он забыл, что подобные в деревнях — дело привычное.

— Никого нет, — коротко сказал он, вернувшись на кухню.

— Странно. А вышли они как? — зябко повела плечами Ольга.

— Не знаю и знать не хочу. Не до того. Надо печь затопить, иначе мы тут совсем замерзнем.

— А ты умеешь?

— Печь топить? А кто, по-твоему, у Зуевых главный по мангалу? Забыла?

— Забыла, — равнодушно призналась она. — К тому же там мангал, а тут — печь.

— Один хрен, по-моему, — отмахнулся Алексей, открыл большую полукруглую заслонку и стал долго разглядывать тьму внутри печи. — Я, какой-никакой, а строитель, разберусь.

Разбирался он достаточно долго, шарил руками по стенкам и изрядно угваздался, все время чувствуя боковым зрением пристальный взгляд Ольги и заранее готовясь к отпору, если она скажет что-то ехидное. Но бывшая жена, вымотанная многочасовым походом, молчала и тряслась от холода. Сообразив, наконец, куда следует класть дрова, он сложил их аккуратной стопкой, оставив щели для воздуха, а потом стал озираться по сторонам, разыскивая топор или большой нож, чтобы наколоть лучины.

Топорик, старенький, с рассохшейся рукояткой и вихляющимся топорщиком, почему-то стоял у дверей. Изрубив половинку полена в щепки, Алексей торопливо запихал их под дрова.

— Бумаги нет, — сказал он. — Ты нигде не видишь?

Даже не сделав попытки оглядеться по сторонам, Ольга отрицательно помотала головой и снова затряслась, словно это усилие отняло у нее последнее тепло.

— Пойду там посмотрю, — произнес он, а потом, глядя на ее отрешенное лицо, торопливо добавил: — Ты бы двигалась тоже, не сидела, а?

— А что делать?

— Ну, пошарь в холодильнике, в шкафчике, там банки какие-то были. Может, консервы или хотя бы варенье. Печь затопим, чай согреем. Да хоть просто кипятка попьем, и то счастье.

Подумав, что с утра, кроме несчастного «сникерса», у него маковой росинки во рту не было, Алексей ощутил жуткий голод. А еще он подумал о стоявшей в горнице кровати и едва не застонал: так хотелось прилечь, снять промокшие щегольские башмаки и вытянуть уставшие ноги.

— А вода?

— Снега наберем, большое дело...

Ольга неохотно поднялась и направилась к холодильнику. Алексей порадовался тому, что она двигается. Шаря по горнице в поисках бумаги, он то и дело поглядывал на Ольгу, которая неуклюже брала с полок банки, трясла их и рассматривала содержимое. С ее лица пропало отрешенное выражение, что уже было хорошо. Собственно, именно этого он и добивался.

На высоченном шифоньере, за ситцевой занавеской, по-простецки повешенной на гвоздики, обнаружились целые залежи старых газет и пара книг, свалившихся Алексею на голову, когда он, обрадованный находкой, потянул за слежавшийся край. Схватив газеты, он торопливо притащил

их на кухню, оттеснив Ольгу от печи, сунул под лучину скомканную бумагу и поднес к ней зажигалку. Затихшая за его спиной Ольга с замиранием сердца смотрела, как пламя неохотно лизнуло краешек газетного листа, а потом накинулось на тонкие щепочки. Не в силах сдерживаться, она шагнула вперед и протянула к огню руки.

Алексей прикрыл заслонку, перевел дух и сделал шаг назад, только сейчас сообразив, что все это время сдерживал дыхание. Через несколько минут в печи заревело пламя. Ольга все тянула дрожащие руки к теплу, стараясь согреться, и видеть ее трясущиеся пальцы, синие даже в неверном свете керосинки, было невыносимо. Прихватив оставшиеся дрова, Алексей торопливо ушел в горницу, чтобы растопить печь и там.

Часа через два-три, ближе к полуночи, в насквозь промерзшем доме, наконец, потеплело настолько, что они перестали жаться друг к другу на узкой скамейке перед печью. Круглая, обитая жестью печь в горнице слегка дымила, но это лишь потому, что Алексей позабыл открыть вьюшку. А русская печь на кухне, сытно накормленная поленьями, вдруг раскочегарилась, как паровоз. От этого непривычного жара обоим стало клонить в сон. Алексей даже начал бросать сиротские взгляды в сторону кровати, но уж больно отвратительным был вид старого матраца. Диван смотрелся еще хуже, да и не прогрелся пока как следует. Кроме того, и от окна там немилосердно дуло в щели, залепленные облупившимся пластилином.

— Я во двор схожу, — нехотя сказал Алексей, с трудом отрываясь от нагретой скамейки. — Дрова скоро кончатся.

— Угу, — сонно ответила Ольга.

— Ты не угукай, а сгноши что-нибудь пожрать. Не может быть, чтобы тут не нашлось никаких запасов. Вон крупа какая-то в банках.

Ольга поднялась, со стоном вцепившись в поясицу, как старуха, взяла с плиты кастрюлю и сунула Алексею.

— Чего?

— Снега набери, растопим. Господи, кто бы поверил, что я вот так, словно первобытная женщина, стану топить снег и готовить еду в русской печи? — нервно рассмеялась она.

Алексей молча нацепил на себя дубленку, прихватил лампу и отправился во двор.

Дрова отыскивались сразу, не пришлось даже далеко идти. Поколотые на чурбачки, они были аккуратно сложены штабелями у самого крыльца. Выйдя во двор, Алексей отошел подальше от крыльца, где снег точно чистый. Набив им кастрюлю и тщательно утрамбовав, он захватил расколотые поленья и вернулся в дом.

Ольги на кухне не оказалось. Не успев испугаться, Алексей обнаружил в полу открытый лаз, в котором шевелилось что-то.

— Эй! — позвал он. — Ты там?

Подпол оказался довольно глубоким, с деревянной приставной лестницей, конец которой терялся в темноте.

— Где мне еще быть? — ворчливо ответила Ольга. — Посвети, а то здесь такая темнотища...

Опустив керосинку вниз на вытянутой руке, Алексей смотрел, как Ольга копается в содержимом деревянных полок. Из подпола несло плесенью, сырым деревом и сладкой гнилью, которая появляется от пропавшей картошки.

— Есть что-нибудь?

— Тут огурцы и, кажется, грибы, а еще какие-то банки, вроде тушенка. О, погоди... — Ольга чем-то загремела, а потом до Алексея долетел ее удовлетворенный выдох: — Я мед нашла. Он, правда, засахарился уже, но это нестрашно.

— Мед не засахаривается, — поучительно сказал Алексей.

— А что он делает?

— Кристаллизуется. Но в нашем случае это один хрен. Давай я спущусь, наверное, ты же все не дотащишь...

— Я и не собираюсь все тащить. Может, это есть невозможно... Погоди, я буду тебе подавать. Только не урони мне банку на голову... О господи, какой раритет!

— Что там?

— Спирт, Леш. Спирт «Роял» и водка с подмигивающим Распутиным. Помнишь, мы такой спирт пили... дай бог памяти, в девяносто шестом? Помнишь, а? На автобусной остановке, из кукольных чашечек?

Тогда, в далеком девяносто шестом, они, изрядно назюзившись у каких-то друзей, почти ночью шли домой пешком. Транспорт уже не ходил, на такси денег не осталось. Город переживал не лучшие времена. Работы не было, денег тоже, в квартирах царил собачий холод, электричество давали по два часа, ночью, и все бежали стирать, гладить и слушать новости. Очень важно было не проворонить это время, ведь никакого графика подачи электроэнергии не имелось.

Они совсем недавно поженились, часто буквально голодали, потому что зарабатывать было негде. Город наполнился угрюмыми людьми, выживающими, кто как может. Народ охотно пил водку с подмигивающим Распутиным, бодрячный спирт «Роял», а дамам покупали «Амаретто» в квадратных бутылках. Это было роскошно — прийти на праздник с бутылкой

«Амаретто» или «Сангрии». А квадратные бутылки потом охотно разбирали студенты художественных училищ, рисовали на них рябиновые гроздья, бело-синие узоры под гжель и пытались продавать. В каждой приличной семье где-нибудь в серванте непременно стояла такая бутылка, и это тоже считалось... ну, не шикарным, конечно, но вполне в духе времени. Алексей, молодой строитель, подхалтуривал ремонтом квартир, однако дело шло плохо, а Ольга от безысходности солила сельдь, которую продавала на рынке. Выглядело это просто ужасно. Пока Алексея не было дома, она шла и покупала пару брикетов несоленой сельди, а потом в ванной сдалбливала с рыбы лед, засыпала ее солью, специями и чем-то вонючим. Тогда их квартира насквозь провоняла рыбой, и однажды, в тот редкий вечер, когда дали электричество, Алексей застал молодую жену сидящей на крышке унитаза совершенно обессиленной.

— Знаешь, — равнодушно сказала Ольга, — если мы из этого дерьма выберемся, я селедки никогда больше в рот не возьму.

Они выбрались, и она свое слово сдержала. Никогда с тех пор не ела не только сельдь, но и вообще рыбу. Но тогда, в девяносто шестом, до исполнения этой клятвы оставалось еще целых три года. У друзей, на стихийно организовавшейся вечеринке, селедки было предостаточно, как и самодельной водки из разведенного спирта «Роял». Ольга много времени провела в детской, играла с дочерью друзей в дочки-матери и, видимо, в процессе игры затолкала в свою сумочку пару кукольных стаканчиков.

В тот вечер, изрядно приняв на грудь, они шли домой в почти кромешной тьме, горланили песни, а потом у автобусной остановки внезапно обнаружили, что сердобольная хозяйка сунула им остатки спирта. Бутылка была плохо завинчена, и содержимое частично пролилось в сумку. Найдя спирт, они так обрадовались, что решили тут же выпить еще.

— А у меня и тара есть! — похвасталась Ольга, вытащив из сумки кукольную посуду.

Алексей разлил по чашечкам спирт, супруги чокнулись с громким пластмассовым стуком и выпили, после чего дружно допели припев. Обратную дорогу Ольга висла на нем, еле перебирая ногами, хотя он и сам едва стоял и все хохотал, радуясь, что по пути им не попался ни один милиционер.

Они возвращались домой. Счастливые, молодые, любящие, ничего не зная ни о том ужасе, что предстоит пережить в дальнейшем, ни об острых, жалящих словах, которыми будут швырять друг в друга, как ножами. Куда все это ушло?

Или не ушло?..

В шкафу нашлись и приборы: две вилки, погнутая ложка и нож с открывалкой и штопором. Подозрительно оглядев банки с тушенкой, Алексей

выбросил одну, заметно вздутую, и слазил в погреб за другой, пока Ольга вылавливала из банки холодные крепкие грузди, с трудом пролезавшие сквозь горлышко, и складывала в железную миску с облупившейся эмалью. В кастрюльке закипала вода, а на полочке нашлась пачка индийского чая со слонем, которой на вид было лет сто.

— Я грибы есть не стану, — сказал Алексей, поставив перед Ольгой вскрытую банку с тушенкой, согретую в печи.

— Чего это?

— Ничего. Не хватало еще ботулизм получить в придачу. Я вот лучше тушеночки...

— От нее еще быстрее ботулизм заработаешь. Неизвестно, сколько лет она там лежит.

— Да ла-а-адно... Это наша тушенка, еще советская, из стратегических запасов, не какая-то «мэйд ин чайна». Сто лет пролежит, и ни фига ей не сделается.

— Ну, конечно, — саркастически хмыкнула Ольга, но потом стряхнула с вилки недоеденный гриб обратно в миску и ткнула вилкой в его банку с тушенкой.

— Чего это ты? Тут же сплошной ботулизм.

— Помирать, так с музыкой, — пожалала она плечами. — Все равно без тебя я отсюда не выйду.

— Как это романтично, — фыркнул он и подвинул банку ближе к ней.

Когда Алексей выгреб из банки остатки тушенки, убрал пустую жестянку и поставил следующую, он вдруг храбро спросил:

— Оль... Скажи, почему мы разошлись?

Она вздрогнула, как будто он ее ударил, и испуганно посмотрела на него:

— Что?

— Ты все слышала. Раз уж у нас вечер вопросов, может, ответишь, почему мы разошлись?

Она помолчала, а потом сказала:

— Вода закипела. Давай чаю заварим, что ли?

— Я вижу, что закипела, — рассвирепел Алексей. — И чай заварю, и спирту налью. Ты только скажи: почему мы разошлись? Ну ладно, я медведь неотесанный, но ты-то могла проявить понимание?

— Понимание? — повторила она странным голосом, словно взвешивая это слово на руке, и ее тон взбесил Алексея еще больше.

— Оля! Ради бога! Ты ведь не одна ребенка потеряла! Почему ты не хочешь подумать за столько лет о том, что это и мой сын умер? Не только твой! И мне тоже было больно! Мне тоже было страшно! Думаешь, легко возвращаться домой и знать, что он уже не выбежит к тебе навстречу?

— Я понимаю, Леш, — тихо произнесла она, и по голосу Алексей понял, что бывшая жена плачет, но повернуться не смог, потому что плакал сам, беззвучно, скривившись над пылающей плитой. — Я и тогда это понимала, когда ты не приходил ночевать, когда пил, а потом засиживался на работе допоздна. Но понять и принять — разные вещи. Слишком мне было плохо, чтобы жалеть кого-то еще.

— Ты считаешь, я виноват? — глухо простонал он.

— Нет, я так не думаю, и никогда не думала. Ты правильно тогда сказал: так случилось. И ничего с этим не поделать.

— Почему тогда ты сказала...

— Потому что одного виноватого мне было мало. И давай не будем больше об этом сейчас? Поздно уже, я устала и хочу прилечь.

Чай, сдобренный твердым желтым медом, пили в молчании, стараясь не смотреть друг на друга, а потом Алексей открыл бутылку со спиртом, понюхал и, одобрительно крякнув, плеснул в кружки.

— Разбавить?

— Не надо, — слабо улыбнулась Ольга. — Хочу отрубиться. Завтра будет легче.

— Надеюсь, — вздохнул он и протянул ей свою кружку: — Ну, будем здоровы, Ольга Анатольевна? А потом спать.

— Да, Алексей Петрович, — ответила она и улыбнулась, хотя глаза все еще были на мокром месте.

Ложиться в горнице они не стали. Несмотря на протопленную печь, там сильно сквозило из окна. Подумав, Алексей забрался прямо на печь, старательно обнюхал валявшееся на ней старое, прожженное в двух местах одеяло и велел Ольге тоже подниматься наверх.

— Выберемся отсюда, расскажешь своим подружкам, что спала на печи, как Илья Муромец, — пошутил он.

— Угу, — ответила Ольга и отвернулась к стене.

Алексей повздыхал и, еще немного покрутившись, тоже повернулся к ней спиной.

За окном мела метель, а на горячих кирпичах, совсем рядом, лежали когда-то самые близкие друг другу люди.

Три года назад

Когда все было кончено, он поднялся в пустую детскую, снял сапоги и лег на кроватку, жалобно скрипнувшую под тяжелым телом. Вдыхая родной запах, Алексей минуту боролся с душившими его спазмами, а потом, не выдержав, начал выть в голос, как волк, и если бы соседи в окрестных

домах слышали этот глухой вой, наверняка сказали бы, что в нем нет ничего человеческого.

Ничего человеческого и не было. Корчась на слишком короткой для него кровати, Алексей стонал, а потом, когда боль переросла в ярость, принялся орать и колотить в стену кулаком, разбивая костяшки.

Дом был прежним, но... не прежним.

Все осталось на своих местах, словно не было днем в гостиной этого столпотворения людей, затянутых в черное, точно вороны, закрытых простынями зеркал, запаха оплывших восковых свечей и кислого перегара, страшной и пугающей тишины...

Дом был тем же, но... не тем.

Лежа на кровати, Алексей всхлипывал, икал и баюкал разбитую в кровь руку, думая, что надо подняться и включить телевизор или радио, чтобы прогнать призраков, а еще, что пора к чертям бежать из этого пустого дома куда угодно.

Ему было очень плохо. Содрогаясь в бесполезных рыданиях, Алексей жаждал помощи и утешения, но рядом не оказалось никого. Ольга вернулась в больницу и не могла разделить этот ужас вместе с ним. Впрочем, после всего, что она сказала ему, вряд ли можно было рассчитывать на утешение супруги.

Он и не рассчитывал.

Всхлипнув, Алексей лег на живот, свесив непомогающие ноги на пол, и, уткнувшись лицом в подушку, сунул под нее руку. Пальцы нащупали что-то небольшое и твердое. Вытянув находку на свет, он увидел фигурку пластмассового льва, от которой еще пахло жареной картошкой. Вспомнив, как радовался Ванька новым игрушкам, Алексей стиснул зубы и зажмурился, пытаясь держать себя в руках, но в голове все вертелись яркие пятна мультяшных героев и фигурка маленького мальчика, танцующего под незамысловатую мелодию. Рывком подняв себя с кровати, он неуклюже прошагал через комнату, вышел в коридор и, спустившись на кухню, вытащил из холодильника початую бутылку водки, не глядя схватил из шкафа посудину, оказавшуюся керамической бульонницей, и, налив ее почти до краев, сделал торопливый, шумный глоток. Водка обожгла горло. Не обращая на это внимания, он хлебнул еще, а потом еще, жмурясь и отворачиваясь от открытых дверей в гостиную, где мерещился силуэт, танцующий под забойный хит:

«Ай лайк ту мувит-мувит! Ай лайк ту мувит-мувит!..»

Как он жил в то кошмарное время, Алексей не помнил.

Оглушая себя спиртным, он, тем не менее, каждое утро, помятый, невыспавшийся, с воспаленными глазами, жутким перегаром, ехал на работу,

лазал по недостроенным этажам высотки с удвоенным рвением, загоня себя до полусмерти, чтобы, вернувшись, упасть на диван и забыться каменным сном. Но усталость не помогала, потому что, стоило закрыть глаза, как перед ним вставали лица: Ваньки, Ольги и даже этой сволочи, Ларисы Константиновны, гореть ей в аду! Когда лица начинали наступать, упрекающие, защищающиеся, он нехотя нащупывал припасенную бутылку виски и пил из горлышка, жадно, захлебываясь, проливая спиртное на подушку, а потом спал в этой кислой вони.

Все лучше, чем видеть кошмары.

Алексей жил на пределе, совсем один, потому что жена не хотела его видеть, а остальных не хотел видеть он, ел на автомате, так же автоматически подавал руку для приветствия и даже вполне связно разговаривал. Подчиненные в страхе разбегались по углам, стараясь не попадаться на глаза грозному шефу.

— Лех, нельзя так, — бубнил Зуев. — Ты и людей загоишь, и себя угробишь. Успокойся.

— Может, скажешь, как? — однажды хмуро спросил Алексей. — Как, Витюша? Есть рецепт? Я, честное слово, все сделаю, как скажешь. Распиши по пунктам, что сделать?

— Отдохнуть тебе надо, — робко предложил Виктор. — Съезди куда-нибудь, а? Солнышко, море, пальмы, девочки... Езжай в Таиланд, тамошние девочки чудеса творят...

— Документы готовь, — хмуро прервал его Алексей. — Будем филиал открывать. А потом головной туда переведем. Хватит, наигрался я тут... И еще... Возьмешь бухгалтера за горло и подготовишь документы для тендера. Больницу начнем строить. Я сегодня в мэрии был и договорился. Результаты нам подтасуют. В общем, наш будет объект...

— Представляю, в какую сумму влетела мэрова благосклонность, — скупое усмехнулся Виктор, но Алексей его тона не поддержал, посмотрел исподлобья и мотнул подбородком на дверь подсобки, где временно пришлось оборудовать их общий кабинет:

— Иди работай. К утру документы должны быть готовы, а то вылетим, и тогда кранты всем договоренностям.

— Лех, побойся Бога-то... Пять вечера!

— Иди, говорю.

Виктор закатил глаза, демонстративно вздохнул и искоса поглядел на начальника: не передумает ли, но тот сидел, уткнувшись в документы.

— Лех, — позвал он от дверей.

Алексей поднял глаза и скорчил недовольную гримасу:

— Ну?

— Лех, о чем ты думаешь?

Посмотрев на Виктора, Алексей помолчал, а потом отчетливо сказал:

— Я думаю о том, как убью эту тварь.

Он и в самом деле постоянно думал об убийстве, примерно с того момента, как стал соображать, а еще когда Ольга вдруг выплонула ему в лицо страшное признание, которое не могло быть правдой, но это случилось уже позже, после всего...

Иногда, надравшись, как свинья, Алексей позволял себе делать вид, что ничего не произошло. Не было того горячего вечера с хорошенькой бухгалтершей, давно положившей на него глаз, не было катастрофического опоздания домой и самое главное — не было коньяка в баре, дорогой бутылки с проколотой иглой пробкой.

Алексей уже неоднократно замечал, что в последнее время алкоголь даже в закрытых бутылках стал странным на вкус, словно разбавленным, а после новогодних праздников обнаружил, что на нескольких пробки как будто проколоты. Каждый раз, обнаружив очередную вскрытую бутылку, он хотел поговорить об этом с женой. Все-таки пить в ее состоянии было опасно. Однако, укладываясь с ней в постель и целуя жену на ночь, он не чувствовал запаха. Ну, не пахло от Ольги спиртным, а это было совсем странным. К тому же она вряд ли стала бы таиться. Зачем? Он все равно возвращался поздно и не мог ее контролировать.

Больше подозревать было некого. Лариса Константиновна весь день занималась с Ванькой, а потом уезжала домой, лихо водя свой крохотный «Дэу матис». Кроме нее в доме бывала лишь проходящая домработница Вера Васильевна, дама лет пятидесяти, дородная, румяная, хозяйственная, которая, по ее же словам, капли в рот не брала.

— Все беды от нее, проклятущей, — жаловалась она Ольге. — Муж у меня через это дело сгинул, а потом и сын по кривой дорожке пошел. Он же, Оленька, каждый день пьет, всю душу вымотал. А ведь такие надежды подавал, в медицинском учился...

— Что же он, не работает?

Вера Васильева мотала головой и отворачивалась, не желая продолжать эту тему, а Ольга не настаивала. Первые месяцы беременности проходили тяжело. Ее постоянно рвало от всего: запахов, вкусов и даже резких мельтешений в телевизоре.

— Ты как сапер с миноискателем, — сказал ей как-то Алексей. — Шаг влево, шаг вправо — взрыв.

— Не умничай, а? — жалобно попросила Ольга. — Вы, мужики, понятия не имеете, каково нам приходится.

Разговор на тему разбавленного алкоголя у них состоялся в конце января, когда до кошмара осталось не больше двух недель. Алексей в шуточной форме посоветовал жене пить умеренно, Ольга недоуменно отбивалась, а потом, внезапно обозлившись, ушла на улицу «подышать», или, если быть точнее, «выпустить пар». Сквозь окно он видел, что жена раздраженно носится вокруг кривой елки, поглядывает наверх, наверняка прикидывая, как выкорчевать этот кошмар. Ванька сидел за столом и пил чай, пичкая конфетами игрушечного лемура. На столе стояло еще несколько маленьких автомобильчиков из сувенирной коллекции. У старенького «форда» была отломана одна дверь, и Алексей мысленно сделал зарубку: приклеить ее на место, ведь давно обещал.

Лариса Константиновна, напудренная, как японская гейша, сидела тут же. Она тактично кашлянула, а потом произнесла:

— Не мое, конечно, это дело, но, думаю, вы должны знать...

— Что такое? — нахмурился Алексей.

Нянька, делающая свое дело, тем не менее, продолжала его раздражать, и подсознательно он хотел избавиться от нее, в то же время понимая, что сыну от этого драконовского воспитания только польза. Даже глядеть на неестественно белое лицо с нарисованными красной помадой губами было неприятно. Алексей всегда смотрел куда-то в сторону: на ухо, между глаз, в середину лба — лишь бы не встретиться с Ларисой Константиновной взглядом, и, кажется, той даже нравилось, что она его раздражает. Мелькала на этом обезвоженном лице тень гадючьей усмешки.

Сын локтем спихнул машинки со стола, и они посыпались с пластмассовым грохотом. Лариса Константиновна поджала свои и без того тонкие губы, поглядела на Ваньку, а потом как бы нехотя сказала:

— Алексей Петрович, вы здесь хозяин, потому должны, по крайней мере, контролировать ситуацию, ну, или быть в курсе. А вы, судя по всему, ничего не знаете.

Он почему-то решил, что эта воинствующая пуританка сообщит, что в его отсутствие к Ольге ходят мужики, и заранее подобрался, чтобы сказать няньке грубость, хотя внутри уже шевелилось гаденькое предчувствие беды. Еще Алексей подумал, что ей доставляет удовольствие говорить мерзости. Нянька никогда не упускала возможность сообщить ему или Ольге, что Ванька чего-то там не сообразил или не сумел сделать, заставляя чувствовать себя родителями неполноценного. И когда Лариса Константиновна огорошила Алексея новостью, он оказался к ней готов.

— Алексей Петрович, в ваше отсутствие в доме бывает посторонний мужчина.

— Неужели? — любезно поинтересовался он. — А вам, уважаемая, не померещилось? Откуда тут посторонние?

— Я сама видела его два раза, — спокойно ответила Лариса Константиновна, а потом презрительно усмехнулась: — Хотя он очень старался уйти незамеченным.

Ванька допил чай, собрал в кучу игрушечных друзей и потопал в детскую, волоча плюшевого лемура за длинную лапу. Со своего места Алексей видел, как голова игрушки бьется о ступеньки с мягким «пум-пум-пум». Дождавшись, когда сын поднимется, он повернулся к няньке и, сверкая глазами, зло прошипел:

— Вы в своем уме? Вы хотите сказать, что моя беременная жена принимает в постели чужого мужика? Да вы ненормальная, милочка!

— Я вам не милочка. И потом, разве я что-то сказала про Ольгу Анатольевну?

— А что вы тогда имеете в виду?

— О господи! — делано рассмеялась Лариса Константиновна, взяла чашку с чаем и отпила. Алексею показалось, что нянька специально выдерживает паузу, как скверная актриса, и он сжал кулаки, сдерживаясь от желания ударить ее. — Я имела в виду Веру Васильевну. Мужчина приходит к ней.

Алексей немного помолчал, а потом расхохотался:

— То есть моя домработница — тайная эротоманка? А здесь у нее любовное гнездышко?

— Напрасно вы ерничаете, Алексей Петрович, — неодобрительно произнесла Лариса Константиновна. — Дело серьезное. В доме появляется посторонний, причем явно пьющий мужчина, а это для всех — проблема.

— Пьющий мужчина?

— У вас же спиртное пропадает, верно?

— И его крадет хахаль Веры Васильевны?

— Я не говорила, что он, как вы изволили заметить, хахаль.

— А кто тогда, черт бы вас подрал? — заорал Алексей. — Водопроводчик? Сантехник? Трубочист? Или кто там сейчас в тренде в порнофильмах?

— Я не знаю, кто в тренде, Алексей Петрович. Судя по некоему семейному сходству, этот мужчина — сын Веры Васильевны.

— Как — сын? — нахмурился Алексей.

— Ну, утверждать я не берусь... — Лариса Константиновна вновь многозначительно помолчала, а потом, отхлебнув остывший чай, добавила: — Но если зрелая женщина выходит к воротам встречать молодого мужчину, провожает его в дом и даже украдкой прикармливает с хозяйского стола, между ними явно есть какая-то связь, и вряд ли любовная. Вам решать,

конечно, но я бы с Верой Васильевной поговорила. А если ребенок увидит, как в его доме выпивает чужой мужчина?

— Я поговорю, — пообещал Алексей.

— Да уж, будьте любезны, — ядовито произнесла Лариса Константиновна и, убрав чашку в посудомойку, вышла с презрительной улыбкой, неизвестно кому адресованной.

Алексей покачал головой. Увидев, что стоящая на улице жена смотрит прямо на него, помахал рукой, мол, возвращайся.

Рассказ мужа ввел Ольгу в ступор. Она долго молчала, ахала и прижимала руку к губам, а потом сказала с неожиданной злостью:

— Леш, ну как она могла? Господи, мы ей мало платим или что? Он вечно голодный, или больной какой, что его надо кормить по часам?

— Алкаш он, — безжалостно констатировал Алексей. — А Вера Васильевна — его мать. Жаль ей его, вот и нянчится, как с младенцем, а он, ублюдок, этим пользуется. Ты что, думаешь, он пожрать к нам ходит? У нас бухла полно. Чего она там про него говорила? Врачом мог стать? Вот потому он коньячок из бутылок и высасывает шприцом, а затем хренью всякой бодяжит. Старые привычки.

— Гадость какая! — передернула плечами Ольга. — Прямо увидела, как он ходит по дому, валяется на нашем диване, ест из моей посуды... Я с Верой Васильевной поговорю завтра. Сын есть сын, но... это все-таки наш дом.

— Я сам поговорю, — пообещал Алексей.

Разговор, тяжелый и неприятный, состоялся на следующий день. Вера Васильевна тихо плакала, умоляла простить и себя, и ее непутевого сына, обещая, что больше никогда-никогда... А на следующий день просто не пришла на работу, прислав «эсэмэску» без пробелов и знаков препинания, что работать у Тарасовых не будет. Больше Алексей не нашел ни одной бутылки с проколотой пробкой.

А потом Ольга попала в больницу, и он остался на хозяйстве один. Тогда все и случилось.

— Ты прямо как Черный Плащ, — мурлыкнула Алена. — Ужас, летящий на крыльях ночи. Или Бэтмэн. Таинственно исчезаешь во тьме. Я под тобой просто сознание теряла. Может, все-таки останешься?

— Поздно уже, — буркнул Алексей, стараясь не смотреть на нее.

Собираться впотьмах было неудобно, а зажечь свет он стеснялся, совершенно обалдев от своей первой супружеской измены. В голове шумело от выпитого алкоголя. На фига, спрашивается, было так надираться?

— Да-да, — проговорила Алена. — Дети по лавкам, жена у порога, щи стынут. Скучный вы человек, Алексей Петрович, после того как все заканчивается. Никакой романтики.

Алексей не стал отвечать, шарил в темноте по полу, разыскивая брюки, но под руки почему-то попадалась только ее одежда: юбка, блузка и невесомые колготки, с которыми он намучился, снимая их и путаясь. Чужая квартира, чужая постель, чужой интерьер в поисках отнюдь не помогли, как, впрочем, и та насмешница, что валялась на кровати, похихикивая над его метаниями.

Он сопел от злости, потом с внезапным удовлетворением подумал, что завтра уволит Алену к чертям. А что? Возьмет и уволит без всяких там объяснений. Все лучше, чем ежедневно сталкиваться с ней на стройке, смотреть в бесстыжие глаза и думать: что будет, если Ольга узнает?

Алена Романцова появилась в его конторе пару месяцев назад, и как-то сразу стало понятно, кого красивая, нахальная девица наметила себе в жертвы. Она так настойчиво преследовала шефа, что довольно скоро это заметили и начали перемигиваться и посмеиваться.

Алексей тоже посмеивался. Стремление Алены казаться роковой женщиной выглядело нелепо, но это не значило, что ему не хотелось с ней переспать.

Конечно, изменять Ольге он не собирался. У них был стабильный брак, отличный дом, обожаемый сын, и, что самое главное, они любили друг друга, но после стольких лет чувства не то чтобы притупились... Они стали чем-то привычным и обыденным, как яичница по утрам: вкусно, быстро, надежно. Однако это не значило, что на завтрак не хотелось, скажем, сладенького, вроде тортика с шоколадной крошкой, насквозь вредного, но невероятно вкусного. То, что Алена настойчиво предлагала себя на десерт, было понятно без слов. Мотивы ее действий тоже оказались весьма прозрачны. Любовница шефа, да еще и бухгалтер, имела все шансы продвигаться по службе в довольно короткие сроки. Тем более что намечалось открытие филиала.

Не попади Ольга в больницу и не случись на работе грандиозной попойки в честь юбилея главного бухгалтера, скорее всего, ничего бы не произошло. Алена продолжала бы маячить перед ним вечным соблазном, но на активные действия Алексей бы не решился. Однако стихийное чествование переросло в ресторанный банкет, на котором Алексей пил, и довольно много, а потом даже горланил в караоке «Рюмку водки на столе» и отплясывал под Сердючку.

Он никогда себя так не вел при подчиненных, старался «держаться», но в тот день, наверное, звезды сложились иначе. Нервы, издерганные и болезнью жены, и спешной сдачей объекта, над которым, по большому счету, следовало поработать еще месяц, лопались, точно струны, и эта внезапная пьянка оказалась как нельзя кстати. Водка лилась на израненную душу бальзамом.

Потом настойчивые женские руки уволокли его с вечеринки. В такси он хихикал и мял податливое тело, а после шел следом по неудобной темной лестнице, как баран на веревочке, слишком возбужденный и одурманенный спиртным, чтобы соображать. Женские ножки, торопливо поднимающиеся по ступенькам, казались ему знакомыми, и тогда Алексей почему-то подумал, что это Ольга, что они возвращаются домой, на старую квартиру, где жили в период бедности.

Квартира была чужой. Женщина тоже. Но он осознал это уже потом, постепенно трезвея. Чужое лицо закатывало лисьи глаза в сладкой истоме, чужие руки впивались ногтями в спину, совсем не так, как он привык и любил...

Надевая брюки, Алексей присел на кровать, и Алена тут же этим воспользовалась, прижавшись к его спине и обвивая его руками, как повилика.

— Я так мечтала о тебе, — прошептала она.

— Ален, давай не будем? — неприятно произнес Алексей и тут же спросил: — Какой у тебя адрес? Такси надо вызвать.

— Ульянова, семнадцать, — с неожиданной злобой сказала Алена, но мгновенно сменила тон и промурлыкала: — Лешенька, ну куда ты поедешь, почти пять утра?

Лешенька?!

Алексей оторвал вцепившиеся в него руки, поднялся с кровати и, торопливо подняв с пола валяющуюся дубленку, направился к выходу. Обувшись, хлопнул дверью так, что затрясся весь дом. Вот тебе за Лешеньку! Внезапно эта девушка, с ее липкими ручками и сладковатыми духами, стала ему омерзительна. Нет, нет, домой, домой!

В автомобиле его разморило, и Алексей почти сразу заснул, отчего водителю даже пришлось будить позднего пассажира. Выйдя из машины, он споткнулся и упал на живот. Водитель наблюдал за ним, но не сделал попытки помочь подняться. Побарахтавшись, Алексей встал, нащупал в кармане ключи и, помахав шоферу, пошел к дому на подгибающихся ногах.

Ложиться спать не имело смысла. Как на грех, сегодня ему было необходимо присутствовать на открытии кардиологического центра, построенного по госзаказу. Ожидался даже приезд президента или, на худой конец, премьера, что, в принципе, означало одно и то же. Накануне губернатор долго тряс усами в припадочной истерии, оббежав все этажи новостройки: а вдруг есть недоделки, которые углядит соколиный глаз первого лица? Открытие назначили на десять утра, но на объект требовалось приехать заблаговременно, дабы лично проверить, насколько все хорошо.

В доме было тихо и темно. Алексей снял дубленку и бросил ее на пуфик в прихожей. Откуда-то из глубины дома доносился тяжелый, громоглас-

ный храп: это спала нянька, вынужденная остаться на ночь. Припомнив, сколько раз Лариса Константиновна звонила, а он сбрасывал звонок, Алексей поморщился. Ему было неприятно думать, что придется объясняться с прислугой.

Храп сменился причмокиванием, невнятным бормотанием, а потом Лариса Константиновна снова захрапела.

Остановившись в нерешительности, Алексей посмотрел на темную лестницу, и в его голову пришла идея. Если спать все равно некогда, надо взбодриться, выбить из головы хмель. Решив так, он направился в бассейн.

Вода с виду вызвала озноб, и при мысли, что сейчас он плюхнет в этот подсвеченный синим холод, по коже пробежали мурашки. Скинув одежду, Алексей поежился, однако, набравшись смелости, ухнул вниз, подняв кучу брызг. Сердце бешено подпрыгнуло в груди, но вода лишь с виду была ледяной, оказавшись на деле едва ли не комнатной температуры. Преодолев бассейн в несколько решительных гребков, он кувыркнулся, оттолкнулся от бортика и поплыл обратно, невероятно довольный. Хмель почти выветрился из головы, зрение вновь стало сфокусированным, и тут Алексей увидел в углу что-то странное.

Плотик наполовину скрывал невероятно знакомый силуэт. Он вдруг почувствовал, как у него свело желудок, и оттолкнувшись от кафеля, отчаянно замолотил руками, забывая закрывать рот, искаженный в судороге, хлебая мерзкую тепловатую воду. Подплыв к бортику, яростно оттолкнул рукой плотик, еще надеясь, что ошибается, но уже спустя мгновение дико закричал, вытаскивая из воды своего мертвого сына.

Мысли об убийстве не оставляли его очень долго. Ярость, боль и отчаяние клокотали в душе, словно вулкан, и если что-то Алексея и останавливало, то это сознание, что он виновен не меньше. Он думал об убийстве, когда комья земли сыпались на крохотный гробик, когда врач сообщил, что у Ольги случился выкидыш, и только один раз в этом мареве кошмарных дней ему хотелось не убить, а умереть самому.

Алексею не хватило духу сообщить жене, что в тот момент, когда Ванька захлебывался в бассейне, он трахал молоденькую бухгалтершу. Но она все равно узнала о том, что сын погиб в тот момент, когда его отец развлекался, и это знание породило бурю.

— Выкидыш? — рассмеялась она ему в лицо перекошенным от ярости ртом. — Тарасов, да ты лох! Никакого выкидыша не было. Я сделала аборт!

Если бы Алексей не знал, что у Ольги нет привычки так шутить, он бы подумал, что это какой-то нелепый, жестокий розыгрыш. Но в тот момент он, уронив ненужные апельсины, которые приволок в дырявом пакете из

супермаркета, едва не рухнул на пол, а жена, продолжая добивать, с садистской радостью продолжала вываливать на него дикие подробности, захлебываясь в истерике.

Когда она крикнула, что убила их не рожденного ребенка в отместку, он не выдержал и ударил ее по лицу, а потом убежал, пиная апельсины ногами.

Алексею было так же плохо, как и Ольге, бьющейся в истерике там, за дверьми больничной палаты. Ее, как могли, поддерживали друзья, родные, а его не поддерживал никто, хотя он точно так же нуждался в понимании и сочувствии. Оставшись в одиночестве в пустом доме, он пил и думал только об одном, что еще грело его душу.

Об убийстве.

Тогда, в самый страшный день его жизни, он стащил с дивана храпящую няньку, схватив за горло. Вытаращив глаза, Лариса Константиновна замахла руками и стала беззвучно открывать рот в отчаянной попытке вдохнуть воздух. Ее ногти впивались в его лицо, в кисти рук, но Алексей, ослепленный яростью, продолжал душить женщину, встряхивая, как тряпичную куклу. Он колотил няньку затылком об пол, пока та не захрипела, закатив глаза, а потом, отшвырнув прочь, снова бросился к Ваньке, рыдая и размазывая по лицу кровь и слезы.

Лариса Константиновна была пьяна.

Элитный алкоголь в баре хозяев манил ее, как огонь мотылька, и в очередной раз, оставшись в доме практически одна — не учитывать же ничего не понимающего Ваньку, — она не удержалась от соблазна. Сын домработницы стал отличным алиби. Обвинив в краже неразумное чадо Веры Васильевны, Лариса Константиновна чувствовала себя в безопасности. И если раньше она выкачивала спиртное при помощи шприца, доливая дешевую сивуху, а то и просто воду, то теперь, когда Алексей заметил раскуроченные пробки, Лариса Константиновна стала пить из початых, устраивая себе настоящие коктейльные вечеринки.

Как в этот вечер. Как накануне. Хозяев нет, ребенок предоставлен сам себе, дверь в бассейн приоткрыта, но разве это проблема? Ребенок почти умеет плавать, и он не настолько глуп, чтобы пойти туда в одиночку...

«Скорая» увезла ее в больницу вместе с телом Ваньки. Лежа на носилках с разбитой головой, Лариса Константиновна медленно трезвела, старательно охала, стараясь не смотреть вправо, на синий пластик с очертанием маленького тельца. Впервые в жизни ей стало страшно, стыдно, но она быстро подавила лишние чувства. Что тут поделать? Ничего уже не исправишь. Ни-че-го.

Следствие по делу было формальным. Алексею сказали: несчастный случай. Что вы хотите? Да, нянька была пьяна, но вы сами легко отделались,

когда избили ее. Если бы она написала заявление, пришлось бы отвечать по всей строгости закона...

Несколько недель Алексей поджидал няньку около дома, сидя в машине и вцепившись руками в руль. И каждый раз, стоило ей показаться поблизости, он с трудом удерживал себя от желания нажать на педаль газа и впечатать эту тварь в стену дома. Представляя, как нянька будет биться в агонии, он растягивал губы в усмешке, чувствуя сладость под ложечкой.

А что вы хотели? Несчастный случай.

Лариса Константиновна заметила слезку ближе к лету, накануне возвращения Ольги домой. Долго провалявшись в больнице, жена уехала в соседний город, к двоюродной тетке, и намеревалась приехать со дня на день. Алексею очень хотелось завершить все, что задумал, до ее возвращения. Ежедневно он уезжал с работы пораньше, наблюдая, как бывшая нянька сына прогуливается уже с другим малышом.

«Наверное, соблюдает свой гестаповский режим», — зло думал он, глядя, как Лариса Константиновна строго качает головой, оттаскивая ребенка — а это оказалась девочка в желтой кофточке с Винни Пухом, маленькая, смешно косолапившаяся, с яркими бантиками в жидких косичках — от качелей. Ну, как же, качели могут быть опасны! Интересно, учит ли она эту малышку плавать? А если да, то где? Не в многоэтажке же, пусть даже элитной. Вряд ли здешние квартиры оборудованы бассейнами...

Алексей так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как нянька, боязливо поглядывая на него, вдруг решительно бросилась к машине и застучала в стекло.

— Послушайте, — свистящим от ярости голосом прошипела Лариса Константиновна, — прекратите меня преследовать, а иначе я обращусь, куда следует.

— Обращайся, — равнодушно бросил Алексей.

— И обращусь! Вы что, думаете, на вас управы не найдется? Если вы сейчас же не уедете, я вызову милицию...

— Полицию, — поправил Алексей.

— А хоть и полицию. Знаете, как называется то, чем вы занимаетесь? Это называется запугиванием. И преследованием. Без работы меня хотите оставить? Так вот, ничего у вас не выйдет, понятно? Вы... вы знаете кто?

— Кто?

— Вы — террорист. Да-да, точно. Вы самый настоящий террорист. Вот скажите, чего вы, собственно, добиваетесь? А? Чего вы хотите?

Где-то на краю сознания он поразился, что Лариса Константиновна явно не чувствует никакой вины, или, может быть, умело скрывает это. Рас-

палившись, нянька повысила голос, уперла руки в бока и сжала свои бескровные губы так, что те превратились в тонкую линию.

— Я хочу, чтобы ты сдохла, — коротко сказал Алексей.

Только тут до нее дошло. Не сразу, после короткой паузы, во время которой бледность напудренных щек сделалась просто смертельной, с синеватым отливом. Она задохнулась и шагнула назад, схватившись рукой за горло.

— Что... что?

— Сдохла, — любезно повторил Алексей. — Желательно в муках. Я хочу, чтобы ты страдала, как мой сын. Чтобы захлебнулась собственной кровью. — Он рывком открыл дверцу машины, вышел и навис над Ларисой Константиновной: — Знаешь, зачем я здесь?

Она не ответила, тарача на него заполненные ужасом и слезами глаза.

— Знаешь, падаль, — усмехнулся Алексей. — Я ведь тебя грохну прямо тут, у всех на глазах. Вколочу зубы в глотку, а потом сяду в машину и перееду, туда и сюда... И окна открою, чтобы слышать, как хрустят твои кости.

Она тихо пискнула и осела прямо на землю.

— И мне ничего за это не будет. Моего сына в мерзлую землю положили, а тебя, суку, летом закопают. Хотя нет, не радуйся. Нечего будет закапывать, уж я постараюсь.

Впервые за несколько недель его ярость нашла выход. Руки ходили ходуном, и в глазах темнело. Нянька съежилась и даже руку подняла, ожидая первого удара.

— Вы не посмеете, — прошептала она. — Тут люди... Все смотрят...

— И что? Кого это волнует? Скажи, а ты уже придумала, как умрет твоя новая воспитанница? Может быть, она с балкона упадет? Или пальцы в розетку сунет? Сколько ты получаешь за то, что убиваешь наших детей?..

Алексей уже орал, не сдерживаясь, не думая о том, что на них действительно смотрят, не замечая ничего, кроме кривившегося лица Ларисы Константиновны.

— Не на-а-а-адо!.. Не на-а-а-адо!.. Замолчи-и-ите-е-е!..

Она уже выла, отползая от него на четвереньках, как краб, размазывая по лицу грязь, и все тянула вперед руку, словно защищаясь или умоляя. Люди во дворе наблюдали эту странную картину, но никто не отважился вмешаться. Потом из окна первого этажа высунулась какая-то старуха и пронзительно закричала:

— Эй! Ты чего это делаешь? А ну, иди отседова, пока я милицию не вызвала!

Напуганная окриком, девочка в желтой кофточке вдруг заревела. Взгляд Ларисы Константиновны метнулся к ребенку, но она не отважилась подняться, трясась от ужаса.

— Иди, — приказал Алексей. — Иди и бойся. Не планируй ничего на будущее. Нет его у тебя.

Лариса Константиновна неуклюже поднялась и боязливо пошла прочь, ускоряя шаг. И только у подъезда вдруг резко изменила траекторию, вспомнив об оставленном без присмотра ребенке. Подхватив девочку на руки, она влетела в подъезд, оглядываясь через плечо, все думая, что кто-то бежит следом. Но Алексей стоял на месте и курил, мрачно смотря на закрывшуюся дверь.

Надо же... Он думал, что ему станет легче. А вот не стало. Ярость сдулась, как воздушный шар, и в образовавшийся вакуум хлынули тоска и осознание собственной ненужности.

Никто тебя не любит теперь, дружок. Некому.

Больше Ларису Константиновну Алексей никогда не видел. Ему не составило труда узнать, что она продала квартиру и уехала из города. Возможно, он бы попытался найти няньку, но в этот момент домой вернулась Ольга.

Несколько дней они прожили в слишком большом для обоих доме с пустым бассейном как чужие люди, не разговаривая и стараясь не попадаться друг другу на глаза. Его попытки поговорить разбивались о ледяную стену Ольгиной неприязни, словно не было лет, когда они так любили друг друга.

А еще через месяц Ольга собрала вещи и уехала в соседний город, подписав доверенность на продажу дома.

...Голод, постоянный, сосущий изнутри, гнал его вперед, не давая остановиться.

Осень выдалась тяжелой, и там, где он обычно жировал, все запасы уже были подъедены, потому приходилось забираться все дальше и дальше от знакомых троп. Даже белки, его привычные соседки, переселились в другое место, отыскивая новые дома, чтобы не остаться зимой голодными. Иногда он находил их припасы и беззастенчиво пожирал без малейших угрызений совести. А что такого? Раз нашел, значит, мое! И пусть только кто посмеет возразить!

Никто и не возражал.

Укладываться спать тоже пришлось позже срока. Местечко давно было облюбовано их семейством. Прямо тут мать когда-то родила его, в большой теплой пещерке, окруженной раскидистыми соснами. Здесь, будучи маленьким, он сосал лапу во сне, а позже, весной, учился познавать мир. В лесу росли орехи, съедобные коренья. Когда он немного подрос, мать повела его на чудное озеро, пахнущее рыбой и людьми. Идти пришлось очень долго, может, даже два дня, и он капризничал, пока мать не дала ему затрещину,

тогда он перестал хныкать. Дорога же оправдала все ожидания. Озеро было совершенно круглым, крохотным, окруженным постройками с опасным и притягательным запахом дыма и жареного мяса. Когда у озера не было людей, они забирались на мостки и начинали выуживать из прозрачной воды крупных, жирных карпов, которые сами бросались им в лапы. Даже ему, неуклюжему и неумелому, удавалось вытащить рыбу из пруда, что уж говорить о матери, мастерски швырявшей карпов на берег.

Потом он вырос, и мать прогнала его прочь. Но на тот момент он уже был достаточно взрослым, чтобы постоять за себя, умел добывать еду и время от времени наведывался на озерцо, чтобы поесть свежей рыбки.

С тех пор прошло несколько зим. Теперь он стал совсем взрослым. Иногда он встречал временных подруг, с которыми было хорошо, а как-то за одну, привлекательную и упитанную, пришлось даже драться с залетным соседом, решившим забраться на чужую территорию.

Эту зиму он в очередной раз собирался переждать один, вот только осень, проклятушая, дождливая и голодная, действовала на нервы. Есть хотелось постоянно. Ягод и орехов, которыми он привык набивать брюхо перед зимовкой, было мало, а благословенное озерцо с карпами люди давно забросили, и оно превратилось в болото. Несколько раз он приходил и долго нюхал воду, макал в нее лапы, но ни одна рыба не попалась. Только лягушки издевательски квакали.

От расстройства, голодный и злой, он пошел дальше, к едва видневшейся на горизонте деревеньке, и там с наслаждением разломал ульи, полакомившись поздним медом. Это мародерство доставило ему невероятное удовольствие.

В деревню он наведывался не слишком часто, уж больно далеко она была от его угодий, но теперь его встречали ружьями и однажды угодили дробью прямо в толстую ляжку. Несмотря на то, что боль была вполне терпимой, он трусливо сбежал и теперь разорял ульи только ночью. Человек с ружьем стал его злейшим врагом, пусть даже ружье стреляло дробью. Грохот выстрела пугал его, заставляя бежать со всех ног.

Так продолжалось еще пару лет. А потом деревенька захирела, ульи исчезли, и он перестал туда ходить, до той самой зимы, когда проснулся раньше положенного времени.

Есть было нечего. Он долго бродил по лесу, злой, голодный и агрессивный. Исходив свои владения и не найдя ничего стоящего, направился сперва на рыбный пруд, а затем, ведомый воспоминаниями, к деревне, пустой и заброшенной, где жизнь теплилась лишь в одном доме. Долго и безрезультатно пытаюсь проникнуть внутрь, он удалился, затаив злобное желание поквитаться. К счастью, в этой одинокой избушке нашлось несколько

чудных прозрачных штук, набитых сладкими сахарными ягодами. Расколотив прозрачные штуки об пол, он с наслаждением вылизал содержимое и, побродив по двору, решил вернуться позже, переждав надвигающуюся бурю, перед которой у него дыбом вставала шерсть. В доме кто-то вошел, наверняка умирая от страха. Он чувствовал кислый запах человеческого испуга и радостно раздувал ноздри.

Порохом, ассоциировавшимся у него с болью в ляжке, из дома не пахло, а вот медом — да. Слабый аромат, почти незаметный, тем не менее, ощущался и сводил его с ума.

Лес подождет. Все равно там нечего есть. Разве что кору ободрать, но разве та сравнится с медом?

Буря надвигалась слишком быстро, и он пошел обратно, решив переждать ее в одном из брошенных людьми убежищ, в которых, может быть, удастся разыскать еще немного этих сахарных ягод.

Возвращаясь, он неожиданно наткнулся на свежий след, пахнувший человеком и дымом. С помутившимся от голода и злости рассудком, он торопливо пошел по следам, надеясь, что сегодня ему удастся не только покуситься с человеком, но и сытно поесть...

На печи было тепло, однако не слишком комфортно. Нагретые кирпичи впивались в бока, даже подстеленное ватное одеяло не помогало. Крутясь с боку на бок под низким деревянным потолком, Алексей слушал, как кашляет Ольга, вдыхал кислотоватый запах с примесью тлена, которым пропитались стены, и думал о своем. Ему хотелось встать и покурить, но он терпел, чтобы не тревожить жену.

Надо же, а ведь оба думали, что заснут сразу, как только лягут!

Они ворочались, аккуратно расправляя полы пальто и дубленки, которыми накрылись, и при этом каждый делал вид, что спит. Поленья потрескивали, ярко вспыхивали разваливаясь. В поддувало сыпались красные угольки.

— Оль, — тихо позвал Алексей. — Спишь?

Она вздохнула и, еще немного повозившись, повернулась к нему лицом.

— Нет. Ноги гудят, и в голове шум, но это от спирта. Господи, я думала, что никогда не согреюсь...

Голос у нее был вполне человеческий, и он, не выдержав, произнес:

— Как ты жила все эти годы? Я ведь никогда не спрашивал.

Ольга с горечью улыбнулась, закрыла глаза, а потом ответила будничным тоном, насквозь знакомым по прежним временам:

— Так и жила, Леш. Ела, пила, работала, и все думала: чего же я не сдохла до сих пор? Пока с теткой жила, еще держалась, а как она умерла,

так мне совсем поплохело. Не поверишь, дышать было больно. Помнишь тетю Юлю?

Он кивнул. Ольгину тетку Юлию, давно и прочно переименованную в Тютюлю, он видел редко, но встречал, если та выбиралась навестить родню, всегда радушно. Мировая старушка не стеснялась хлопнуть рюмашку, шутила, пела матерные частушки и была насквозь своей. На свадьбе он, молодой, пьяный, даже подсел к ней, приобнял за худенькое плечико и протянул рюмку:

— Ну что, Тютюля, вздрогнем?

— Я тебе дам Тютюлю! — притворно рассердилась старушка и принялась лупить его по затылку. Он прикрывался локтями и хохотал.

А потом случилось это, вырвав из жизни сына, жену и даже любимую Тютюлю.

Из всей родни у Ольги оставалась только Юлия, к которой она и уехала после смерти Ваньки, бросив родной дом. Потом умерла и тетка. Алексей на похороны не ходил и долго злился на Ольгу, не сообщившую ему о смерти родственницы. Он все хотел заказать памятник или оградку, не столько, чтобы помочь жене, сколько для собственного успокоения, но как раз в тот момент в его жизнь триумфально ворвалась Лика. Молодая пассия застала Алексея врасплох, и он, оглушенный свалившимся на голову сокровищем, на какое-то время поверил, что у него, наконец, началась иная жизнь.

А оказалось — ничего подобного. Вот она — старая, а где новая, черт его знает.

— Словом, жила я будто по инерции, — задумчиво продолжала Ольга. — Даже не знаю... Просто жила. А потом... Как-то выкарабкалась. Знаешь, я вот сейчас пытаюсь вспомнить, что же у меня было за три года, и не могу. Точно ничего и не происходило. А ты, Леш?

— Что — я?

— Ты как жил? Я ведь тоже не спрашивала.

Алексей ответил не сразу. В печи трещали догорающие дрова, а над головой, на чердаке, скрипел и выл ветер. В темноте на стенах плясали красноватые блики, выбивающиеся из-под печной заслонки.

— Не знаю, — нехотя сказал он, а потом буркнул: — Так же. Работал, по вечерам напивался, потом опять на работу с больной головой. И все время думал, как ты там?

— Чего же не пришел, Леш?

— Как? И куда? Я ведь знал, как ты меня ненавидишь.

— Глупости!

— Вовсе нет. А почему ты ко мне не пришла?

— Потому что в Багдаде уже возвестили, что сын визиря Мубарак и принцесса Будур больше не муж и жена, — усмехнулась Ольга. — Если честно, сначала я не могла прийти. Тогда я тебя ненавидела, пока соображать не начала. А потом ты завел себе новую пассию, красотку Анжелику Метелкину, и я поняла, что слишком затянула с разговором по душам и опоздала. Так что разведемся без шума и пыли.

— Разведемся? — тупо повторил он.

— Ну да.

— С чего бы?

— Здрасьте! Ты же сам вчера сказал, что хочешь развестись.

— Мало ли что я сказал! — возмутился он и даже голос повысил, хотя до того оба разговаривали почти шепотом. — Я, в конце концов, хозяин своего слова: слово дал, слово обратно взял. Ты с ума сошла, что ли? Разводиться после всего, что мы пережили?

— Тарасов, ты сбрендил? — приподняла голову Ольга.

— Чего это?

— Ты же вчера полдня талдычил, как тебе необходимо развестись. Опомнись, тебя молодуха дома ждет!

— Да молодуха там без меня не скучает! — заорал он, подскочил на месте и сел, едва не стукнувшись о низкий потолок. — Ей же не конкретно за меня замуж хочется, а за... кого-нибудь, главное — за богатея. Чтобы статус и все такое. Пока я тут задницу себе морозил, Лика с Филькой в койке кувыркалась.

— Ты давно узнал? — спросила Ольга тусклым голосом.

— Недавно. А если точнее — вчера и узнал.

— Как?

— Так. Недаром я люблю разные гаджеты-хренаджеты, фото в Инстаграмме, твиттеры, «аськи» и все такое. Эта дура даже в сортир без телефона не ходит, не говоря уже о койке. Пока мы с тобой в кафе сидели, она с Филькой трахалась, и, наверное, мобильный рядом валялся.

— И что?

— Да ничего. Видать, нажала случайно, ну, и позвонила мне. А я слушал. Минут пять, пока ты в туалет ходила...

— А, вот, значит, почему ты такой злой был и домой спешил? — невесело усмехнулась Ольга. — А я-то гадала, чего это ты как с цепи сорвался, гаишникам нахамил... Бедная девочка! Ведь выгнал бы на улицу, еще и пинка бы дал... М-да, не предполагала, что они так долго будут шифроваться...

— Ты что — знала? — подозрительно посмотрел на нее Алексей.

Ольга кивнула и неохотно ответила:

— Давно. С полгода уже, наверное. Даже больше.

— Откуда?

— Да случайно все вышло. Филька же — мой бывший студент, и периодически консультируется по разным вопросам. А где-то в мае... да, точно в мае, он попросил организовать семинар для маркетологов и пиар-директоров. Сидели мы в кафешке, Филька помахал кому-то рукой и говорит: сейчас моя девушка подойдет. Ну... Лика и подошла.

— И что? — поинтересовался Алексей придушенным от ярости голосом.

— Ничего. Она сделала вид, что не узнала меня, я — что ее. Филипп чмокнул Лике в щечку, она пыталась отстраниться. Потом я ушла, а она долго ему что-то выговаривала. Филька все руками разводил.

— Чего же он так затупил?

— Бывает. Он ведь не знал, что у меня двойная фамилия, а на кафедре я всегда пользовалась одной половинкой.

Алексей хмыкнул. Выйдя замуж, Ольга присовокупила его фамилию к своей, став Тарасовой-Берген, а уже после разрыва целых три года игнорировала фамилию супруга. Преподавая, она представлялась студентам как Ольга Берген. Так что наставивший рога начальнику Филипп действительно не подозревал, что она — та самая Тарасова. Лика этих тонкостей тоже не знала. Она вообще мало интересовалась прошлым Алексея, предпочитая жить в настоящем.

— Не могла мне сказать? — спросил он.

— И как бы я при этом выглядела? — фыркнула Ольга.

— А я как выглядел, когда жил с шалавой?

— Сам выбирал, — устало ответила она. — Значит, такую и хотел.

— Я в своей жизни только одну женщину хотел, — проговорил Алексей с внезапной горечью. — И любил всегда одну. С семнадцати лет. И сейчас люблю, хотя думал, что все кончилось. Дурак я, да? Скажи, дурак?

— Почему дурак? — жалобно прошептала она.

— Потому что надеюсь...

— Тарасов, что у тебя в голове? Это же все стресс, внештатная ситуация, борьба за выживание. Завтра нас спасут, и мы снова разбежимся по своим углам...

От того, что она озвучила его собственные трусливые мысли, Алексей вдруг рассвирепел.

— Это не я дурак, а ты дура, если думаешь, что я еще раз тебя брошу!

— Леша, — прошептала Ольга и потянулась к его щеке. — Лешенька...

От ее губ пахло спиртом, медом. Не в силах больше сдерживаться, Алексей едва ли не с рычанием набросился на Ольгу, тиская податливое тело, незнакомое и привычное одновременно, отвечающее на каждое прикосновение с забытой нежностью и страстью. И в голове, гудевшей, как транс-

форматор, от переизбытка информации и переживаний, вдруг стало восхитительно пусто и легко. Не дав ей опомниться, он торопливо сорвал с Ольги одежду и теперь чувствовал ее всю, как раньше, как будто не было трех лет одиночества.

Эта женщина снова принадлежала ему без остатка, до самых кончиков волос.

Они так спешили, словно мир готовился вот-вот рухнуть, провалиться в тартарары, и действительно, покачнувшийся мир вдруг стал невыносимо душным. Дышать было все труднее и труднее, вырывающиеся из их ртов звуки походили то ли на стон, то ли на хрип. И на самом пике наслаждения в снях вдруг что-то загремело, а потом дверь открылась, впуская холод и запорошенного снегом человека с автоматом.

Ноги выше колен уже почти одеревенели, и переставлять их было тяжело. Ванька подумал, что, если бы он сбежал в кирзачах, то точно бы остался инвалидом. Слава богу, кто-то много лет назад придумал валенки. Механически передвигая ноги, он жмурился от колючих снежинок, уткнувшись носом в воротник подстежки.

Призрачный огонек, манивший к себе, вдруг погас. Паника моментально накрыла Ваньку тяжелой плитой. Он задохнулся от страха и, не соображая, что делает, помчался вперед. Споткнувшись, упал носом в снег, но, не обращая внимания на боль, поднялся и снова побежал.

— Мапочка, мамочка! — причитал он. — Не надо, пожалуйста!.. — и метался на одном месте, не зная, что делать дальше.

Вперед? Назад? Зачем он вообще вылез из спасительного сена? Зачем ушел с дороги? Бегая с места на место, он окончательно потерял ориентир и разрыдался от страха. Господи, да откуда же он пришел?

Не разбирая дороги, Ванька побежал, как ему показалось, в обратном направлении, но очень скоро понял, что не поднимается, а спускается, значит, убегает прочь от спасения. Сообразив это, остановился и тут же, споткнувшись, брякнулся в снег. Автомат, болтавшийся на спине, больно ударил его между лопаток. Матерно выругавшись, он поднялся и уже, было, повернул назад, как вдруг впереди увидел нечто непонятное, остроугольное, более темное, чем все вокруг.

Крыша! Это же крыша! Добрался! Добрался!

Спустя несколько минут его радость поутихла. С автоматом наперевес он медленно шел по пустой деревне, озираясь по сторонам. Разбитые, разграбленные дома встречали его пустыми окнами. Уже совсем отчаявшись, он вдруг увидел, как из трубы ближайшего дома вылетел сноп крохотных красных искр.

Ванька не стал стучать. Крадучись, прошел по двору, поднялся на высокое крыльцо и шагнул в незапертые сени. А потом, сняв автомат с предохранителя непослушными пальцами, рванул на себя дверь.

Тепло!

Это первое, что он почувствовал. В нос ударил кислый запах старого дома, сырых тряпок, дыма, а еще чего-то съестного, с жирным мясным привкусом, отчего во рту сразу стала скапливаться слюна. Ванька вспомнил, что ничего не ел с того момента, как выбрался из машины, непроизвольно сделал шаг вперед, но тут же замер, прислушиваясь.

Разглядеть что-то в темноте дома было тяжеловато, однако он сразу понял, что не один, нечто живое находилось рядом. Покрутил головой по сторонам, а потом услышал шорох сверху и с перепугу нажал на курок.

Короткая очередь показалась оглушительным громом. Пули ударили в широкие доски деревянных полатей, выбив щепки, а на печи взвизгнули женским голосом.

— А ну, слезайте! — скомандовал Ванька срывающимся на писк голосом. — Слезайте, пока я вам новых дырок в башках не наделал! Ну? Я не шучу!

— Ладно, ладно, сейчас, — ответил мужской голос. — Слезая. Погоди секунду...

— Я сказал — слезай!

— Да погоди ты, я без штанов, — ответил мужчина, и в его голосе не было страха.

— Без штанов даже лучше, — запальчиво возразил Ванька. — А то, может, у тебя там нож.

В темноте, сквозь пороховой дым, он разглядел две босые ноги, свесившиеся вниз. Через секунду на пол спустился высокий, сухощавый мужчина. На всякий случай Ванька отошел в угол, к холодильнику, торчавшему у закрытых темных дверей, и спросил:

— Где здесь свет включается?

— Нет здесь света. Пустая деревня, мертвая. Вон, керосинка на столе и свечка где-то там же... Ты бы «пукалку» свою опустил, а?

— Зажги! — велел Ванька, как ему показалось, решительно, не сводя с мужчины ствола. — И руки подними! Не вздумай прыгнуть, я тебя в полете продырявлю.

— Слушай, парень, не психуй, а? — спокойно произнес мужчина, но страх в его голосе Ванька все же почувствовал и приободрился.

— Мужик, ты меня не понял, или у тебя линия жизни по локоть? Я сказал: иди и зажги свет, чтоб я знал, куда лучше целиться.

Мужчина поднял руки, осторожно, боком, прошел ближе к печи, пошарил на столе и чиркнул зажигалкой. Огонек высветил его худое лицо с резкими

скулами, тонким носом и плотно сжатыми губами. Он ткнул зажигалкой в огарок свечи. На кончике фитиля затеплился слабый огонек, отодвигая темноту к стенам. Ванька увидел на столе керосинку и махнул в ее сторону стволом:

— Ее тоже зажги!

На этот раз возражений не последовало. В какой-то момент мужчина взвесил лампу в руке, словно прикидывая, не швырнуть ли ее парню в лицо, но тот снова поднял автомат, и мужчина сделал вид, что ни о чем подобном даже не думал.

Керосинка ярко осветила кухню, и на печи мелькнула белая смазанная тень, вроде бы даже на миг появился вытаращенный в страхе глаз, окруженный темными волосами.

— Она пусть тоже спускается, — сказал Ванька. — Эй, кто там? Спускайся вниз!

— Парень, успокойся, — миролюбиво произнес мужчина, но тот навел ствол на печь и скомандовал:

— Считаю до трех. Раз! Два!..

— Хорошо, я спускаюсь, только не стреляйте, — ответила женщина.

— Можешь тоже не одеваться, — хохотнул Ванька, хотя ему, на самом деле, вовсе не было весело, а, наоборот, страшно, так страшно, что руки ходили ходуном при мысли, что ему придется сделать, если эти двое набросятся на него и попытаются отобрать оружие.

Он начнет стрелять, и тогда пути назад уже не будет.

Разумная часть мозга, скукожившаяся от стужи, начала оттаивать и подавать робкие сигналы, мол, еще ничего не потеряно, он не сделал ничего такого. Ну, сбежал, ну, захватил машину с водителем, ну, выстрелил из автомата и сжег скирду. Да, будет трибунал, но при хорошем адвокате он сможет выкрутиться, да и вообще, скорее всего, получит условное наказание. Вон у них в части пьяный прапор взял из комнаты хранения оружия АКС и поехал пугать тещу, так ему ничего не сделали. Подумаешь, посидел немного в вокзальном приемнике да получил потом по мордасам. И все. Ему даже на пользу пошло, потому что он пить бросил аж на месяц, ходил смиренный и тихий. Потом, правда, опять сорвался, но автоматов больше не брал.

«Так то прапор, — хихикнул злобный голосок в голове, прежде чем Ванька опустил автомат. — Своих все одно отмажут. А ты — никто. Мясо. До срочников никому нет дела. Так что влепят тебе на полную катушку».

Тем временем женщина стала спускаться. Она успела нацепить на себя темный свитер и теперь боязливо поглядывала на него. Женщина была очень красива: длинные темные волосы, огромные оленьи глаза мультяшного Бэмби, трясущиеся от страха пухлые губы под аккуратным носиком.

Не девочка, конечно, но хороша. Тонкий мужской свитер не скрывал ее фигуру с тонкой девчоночьей талией и довольно большой для такой худенькой женщины грудью, при взгляде на которую в горле моментально пересохло.

Красотища!

От печи несло жаром, и намерзшийся Ванька почувствовал, что смертельно устал, и ему больше всего хочется не стоять вот тут с автоматом, а забраться на теплую печь и уснуть. Но перед этим, конечно, пожрать. Как бы там ни было, автомат он слегка опустил.

Женщина вдруг сделала резкое движение и бросила на пол какой-то ком. Ванька тут же вскинул оружие:

— Эй! Я что, разрешил двигаться?

— Это просто джинсы, — быстро сказала она и перевела взгляд на мужчину: — Пожалуйста! Он же голый стоит.

— Постоит, — грубо ответил Ванька, осторожно подвинул к себе тряпичный ком, опустил на корточки и пощупал.

Действительно, джинсы. Обычные.

Он торопливо обшарил карманы одной рукой, выудил кошелек, мобильный и брякнувшие железом ключи на кожаном брелоке. Бумажник Ванька тут же открыл, вытряхнул из него деньги, кредитки и торопливо сунул их себе в карман, вынув мобильный из чехла, нажал на кнопку. Экран остался темным. Он нажал еще несколько раз, но телефон, похоже, «умер». Женщина наблюдала за этим безучастно, на лице мужчины появилась едва заметная презрительная усмешка.

— Похихикай мне тут, — пригрозил Ванька и потряс ключами: — Машина где?

— На дороге. — Улыбка мужчины стала просто издевательской.

— В смысле?

— В прямом. На дороге. Заглохла.

— Да ну? А если я найду?

— Ищи, — равнодушно ответил тот. — До нее километров... пять, семь... Можешь начинать искать прямо сейчас.

— Нет, мужик, ты, правда, нарываешься! — прищурился Ванька и даже подумал, не прострелить ли ему коленку? А что? Пусть бы поорал тут...

— Здесь нет машины, — сказала женщина. — Она действительно где-то там, на дороге. Можете ее забрать, если хотите, только не стреляйте.

— Я и так могу забрать все, что хочу, — хвастливо проговорил Ванька.

— Я поняла, — ответила она, как показалось, вполне серьезно, не то, что этот высокомерный козел. — Но машины здесь нет. Я даже объяснить не могу, в каком месте мы ее бросили. Где-то далеко...

Ванька задумался. Наконец невнятный клубок мыслей сформировался в одну четкую линию, и он недоверчиво произнес:

— Так вы что, тут не живете?

— Чудеса дедуктивного метода. Bravo! Нет, не живем мы тут, — усмехнулся мужчина. — Штаны можно надеть?

— Я тебе сейчас точно промеж глаз влеплю! — прошипел Ванька.

— Леш, не надо! — быстро проговорила женщина.

«Ага, — подумал Ванька, — значит, его Алексеем зовут. Интересно, а как ее зовут?»

Ему очень хотелось узнать ее имя, но вместо этого он спросил:

— И как вы тут оказались?

— Пришли, — пожала плечами женщина. — От дороги, там еще указатель был. Думали, недалеко, а тут вот что... Деревня пустая, нет никого...

— На машине можно уехать?

— Вряд ли. Да и найти ее надо... Можно, он оденется?

Ванька пнул джинсы, и те подлетели к ногам Алексея. Неторопливо подняв брюки с пола, он натянул их на себя и сказал:

— Парень, мы тут в такой же заднице, как и ты. Так что опусти автомат, давай спокойно поговорим.

— Ты меня с собой не равняй, — зло проговорил Ванька. — За тобой охоту не ведут. — Затем кинул взгляд в сторону закрытых дверей и, мотнув головой, спросил:

— Там что?

— Ничего, — ответила женщина. — Комната. Мы ее закрыли, чтобы тепло не расходовать.

— Точно ничего?

Она отрицательно помотала головой, при этом на лице не дрогнул ни один мускул. Все еще не доверяя, Ванька рванул дверь, откуда повеяло холодом, и торопливо заглянул внутрь. Квадратная комната казалась необитаемой, в ней было гораздо холоднее, и пахло дымом. Вьюга колотила в окна, но ее рев вроде бы стихал, а может, это только мерещилось. Пожившись, он торопливо закрыл дверь, потом, чувствуя, что вот-вот упадет, опустился на приставленную к столу лавочку и вяло произнес:

— Есть что пожрать?

Аня Терехина совсем не обрадовалась визиту полицейского, достаточно бесцеремонно ввалившегося в квартиру. К счастью, родителей не было. Кроме нее дома был только Димка, с настороженным вниманием прислушивающийся к беседе и нервничавший гораздо больше Ани.

— Так, значит, Лыткин вам звонил? — уточнил полицейский и что-то черкнул в своем блокноте. — Когда?

Аня вздохнула.

Полицейский был довольно молодым, с худым асимметричным лицом, с уставной прической, плохо выбритый и довольно усталый. Казалось, его покрасневшие глаза все никак не могут сфокусироваться на ее лице, сползая взглядом к голым коленкам. Так что в целом этот мент со злой обветренной физиономией Ане почти понравился. Она даже ногу на ногу закинула, привычно стрельнула глазами, не смущаясь присутствием будущего мужа, и томным голосом спросила:

— А как вас зовут?

Димка кашлянул, но Аня не обратила на это никакого внимания.

— Меня зовут сержант Макаров, — сурово ответил мент и, помявшись, добавил: — Артем Андреевич.

— Очень приятно, — произнесла Аня. — Знаете, а мы с вами, можно сказать, коллеги. Я вот на юридический поступила...

Димка недобро зыркнул глазом и кашлянул, что Аня поняла весьма недвусмысленно, поставила обе ноги на пол и даже глаза потупила, улыбаясь уголками губ, отчего на щеке показалась ямочка.

— Анна, это все очень серьезно, — устало проговорил Макаров. — Когда Лыткин вам звонил?

— Вечером, — подал голос Димка. — Довольно поздно, часов в одиннадцать.

— Да, да, — закивала Аня. — Мы уже ложиться собирались, и тут — бац... Я, дура, трубку взяла, хотя номер незнакомый был. Еще подумала: кто-то из друзей на свадьбу напрашиваться станет, а тут — Ванька...

— Что он сказал?

— Ничего, — фыркнула она. — Обзывался.

— Обзывался?

— Ну да.

— Как?

— Не хватало мне еще всякую фигню про себя тут повторять! — рассердилась Аня. — И вообще, какая разница?..

— Угрожал он, — вмешался Димка. — Сказал, чтобы мы боялись, и что свадьба будет веселенькая. Что-то в этом духе. Еще про какие-то аргументы, я не разобрал, если честно. Я ему сказал, чтоб не лез к нам, а он... — Димка задумался, потом неуверенно произнес: — Ванька вроде как убить нас хотел...

— Да что он может, лошара, — усмехнулась Аня. — Сколько его помню, чего-то бубнил себе под нос, губошлеп фигов. Я и дружила-то с ним из жалости и никаких надежд не давала...

Вспомнив, что она однажды все-таки переспала с Ванькой, Аня смутилась и слегка покраснела, но потом с вызовом посмотрела на Макарова,

и, придвинувшись к Димке поближе, положила голову ему на плечо. Вот, мол, какая у нас идиллия, любуйтесь.

Сержант Макаров любоваться не хотел и все что-то черкал в блокноте, а потом решительно потребовал назвать номер, с которого звонил Лыткин. Переписав его, торопливо попрощался и сказал напоследок:

— Визитку возьмите. Если вдруг Иван опять позвонит... В общем, сразу наберете.

— Конечно, — кивнула Аня, хотя мент своим занудством ее разочаровал, и она совершенно не хотела ему звонить, даже если Ванька действительно объявится. Ничего в этом Макарове нет интересного. Подумаешь! Спасать он пришел, а у самого вид, словно вот-вот в голодный обморок свалится. И без него обойдемся.

Не скажешь, чтобы Ваньку ожесточенно искали, и майора особого отдела Андрея Волина это невероятно раздражало.

Для полиции Лыткин был всего-то дезертиром, пусть вооруженным, пусть потенциально опасным, но все-таки куда менее опасным и непредсказуемым, чем банда грабителей, мастерски обчищающая сейфы плохо охраняемых офисов. За грабителями гонялись куда как более рьяно, однако безрезультатно. На сбежавшего из воинской части Лыткина в полиции вообще махнули бы рукой: не их проблема, пусть армейские отдуваются. И лишь автомат с БК, прихваченный дезертиром, заставлял относиться к девятнадцатилетнему парню с определенной долей внимания.

— Найдем, — отмахнулся заместитель начальника городского ОВД майор Карпухин. — Куда ему деться то? Андрей... как тебя по батюшке?

— Борисович.

— Я и говорю, Борисыч, пойдем водочки тяпнем для сугреву? А?

— Вот тут он в последний раз выходил на связь, — словно не слыша, произнес злой Волин, показав подбородком на монитор, где пульсировала крохотная точка. — Похоже, Лыткин бежит прочь от дороги прямо через поле. А вот тут у нас Юдино, как вы говорите, мертвый поселок. Если он в такую погоду выйдет к нему, вероятно, заляжет там. Может, в этом Юдино есть, где отсидеться.

На пылающего энергией особиста Карпухин посмотрел с неудовольствием, а присутствовавший при беседе поселковый участковый — и по-давно. Он кашлянул, а потом робко сказал:

— Там почти все дома разобраны. Сами знаете, наверное, в деревнях ничего не пропадает просто так, тем более при теперешней дороговизне. Едва дом бросают, как его тут же разберут на дрова или еще на нужды какие. В кулацком хозяйстве и пулемет сгодится.

— Почти или все разобраны?

— Ну... Может, пара целых есть. Далековато это Юдино, чтобы туда за барахлом всяким ездить. Там и дороги никакущие, осенью не проехать. Летом разве что или как сейчас, зимой...

— Значит, будем надеяться, что он найдет, где отсидеться, — обрубил Волин рассказ о дорогах. — Собирайте людей, утром поедем туда.

Участковый надулся и устался в угол. Как пить дать, зря скатаются, а потом на него, бедного, все шишки посыплются, почему, дескать, не предупредил, что там пусто.

— Утром? — крикнул Карпухин.

— Ну да. Кого вы собрались искать в такую погоду? Никуда он от нас не денется, если не замерзнет, конечно, но тут уж как карта ляжет.

— Вот и я думаю, — обрадовался майор. — Сегодня мы уже точно никого не найдем, а завтра с утра двинем. Не парься, Борисыч, найдем. Давай, я тебя в гостиницу отвезу. Или, может, все-таки водочки?

— Водочки... Водочки можно, — вздохнул Волин. — Устал я чего-то. Перенервничал.

Он действительно как-то осел, словно сдутый воздушный шар. До тех пор, пока решение не было принято, Волина поддерживал адреналин, а сейчас, когда самое важное оставили на завтра, энергия улетучилась, оставив место апатии. Захотелось упасть в кровать и заснуть. И водки... да, водки тоже захотелось, непременно с солеными огурцами. Волин даже хотел спросить, чего дадут на закуску, но постеснялся. Чего уж совсем борзеть, и так на него волком смотрят, а он тут, между прочим, не начальник.

Они уже собрались расходиться, когда на столе припадочно затрезвонил телефон. Дежурный сообщил, что в районе поселка Юдино застряла семья Тарасовых.

— Только этого нам и не хватало, — вздохнул Карпухин, бросив трубку.

В середине банки тушенка так и не прогрелась, но Ваньке было все равно. Положив автомат на колени, он жадно ел, выгребая содержимое вилкой с кривыми зубьями, не удосуживаясь нормально прожевывать. Скользкое мясо, холодное, в слое жира, было не особенно вкусным, но в тот момент Ваньке казалось, что ничего вкуснее он в жизни не ел.

Ольга и Алексей сидели в горнице на табуретах, сложив руки на коленях, как примерные школьники. Их обреченная покорность Ваньке невероятно нравилась. Был все-таки определенный кайф в том, чтобы заставляя людей плясать под свою дудку, пусть даже это не дудка, а ствол, и в магазине тридцать патронов калибра 5,45 миллиметров.

Вначале он отошел к дверям и велел Алексею войти в горницу, сесть на стул и не шевелиться. Затем по его приказу Ольга вскрыла две банки тушенки и поставила их греться на печь, рядом со старым чайником, а уже потом была точно так же сослана в горницу.

Отрыгнув, Ванька отодвинул в сторону почти пустую консервную банку. Плеснув из бутылки в жестяную кружку немного водки, он выпил, подцепил вилкой из миски соленый груздь и смачно захрустел, морщась от удовольствия. В животе разгорался алкогольный пожар, слегка придушенный немудреной закусью, отчего по венам бежали приятные огоньки, покалывающие кончики пальцев.

Хорошо!

— Слушай, парень, давай поговорим? — негромко предложил Алексей.

— А кто тебе разрешил пасть разевать? — ответил Ванька, злясь, что голос прозвучал пискляво, как у девчонки. — По-моему, я ясно сказал: закрыли рты и не вякаем!

— Тебе не все равно: говорим мы или молчим? Ночь длинная. Или ты торопишься куда?

— Никуда я не тороплюсь. Я, может, тишины хочу. И спокойствия. Ясно тебе?

— Ясно, — мягко ответил Алексей, — чего тут неясного? Только...

— А раз ясно, заткнись!

— Послушай, парень, я не знаю, какие у тебя причины были для побега, но — просто поверь: нам тоже досталось. Мы устали, вымотались, почти весь день шли пешком и думали, что замерзнем, пока этот дом не отыскали. Так что мы тебя очень понимаем.

— Откуда ты знаешь, что я сбежал? — подозрительно спросил Ванька.

— Я же не слепой, — вздохнул Алексей. — Я что, не вижу, как ты одет, какая у тебя стрижка? Я даже примерно представляю, откуда ты дал деру, и нам на это наплевать. Делай, что хочешь, иди, куда шел, мешать не будем. Только стволом своим не размахивай, ладно?

— Дядя, ты бы мне не указывал, — проговорил Ванька и фальшиво рассмехался: — Пушка у меня, так что я тут команду, ясно? И вы будете делать то, что скажу.

Он налил себе еще водки и, закусив груздем, потрянул головой, отгоняя наваливающийся сон. От медленно остывающей печки шло уютное тепло, от которого хотелось свернуться калачиком прямо на полу и заснуть. На мгновение Ванька подумал: в словах Алексея есть свой резон. Какое им, по сути, до него дело? Можно договориться и устроиться на боковую. Все равно раньше утра никто никуда не пойдет.

«Нет, — шепнул ему внутренний голос. — Как только ты уснешь, они отнимут оружие и убьют тебя. А не убьют, так сдадут ментам. И еще скажут, что угрожал. А это срок, и срок похлеще, чем за побег и нападение на беззащитного инженеришку».

В голове закопошилась трусливая, паническая мысль: как было бы замечательно все бросить и помчаться домой, к маме, уткнуться ей в плечо и рассказать о своих бедах, а уж она-то нашла бы выход. Почувствовав, как скривились в плаксивой гримасе губы, Ванька нахмурился, протянул руку к бутылке и отхлебнул прямо из горлышка. Водка обожгла горло. Он выпучил глаза, закашлялся и торопливо стал запихивать в рот разломанные грибы. Отдышавшись, поднялся, бросив на Алексея дурной взгляд.

— Эй, ты чего это хочешь делать? — всполошился тот и вдруг ... прыгнул на Ваньку.

Время, и без того притормаживающее, вовсе остановилось. Предметы и звуки застыли, словно мухи в янтаре. Вокруг воцарилась неподвижная, пугающая тишина, плотная, как пудинг.

С перекошенным от страха ртом Ванька смотрел, как на него летит Алексей, тяжелый и опасный, словно дикий буйвол. Смотрел и не мог пошевелиться, оглушенный паникой. И родной «калашников» лежит в спасительной близости, только руку протяни, а руки, деревянные, непослушные, не тянутся. Он с шумом выдохнул, губы плаксиво скривились.

В этот момент Алексей вдруг споткнулся о разбросанный по полу хлам, врезался плечом в дверь, и замахал руками, пытаясь удержаться на ногах.

Время тут же вернулось в привычный ритм, разрывая скопившийся вакуум в ключья. Заорав, Ванька схватил со стола автомат и, не глядя, нажал на курок, отправив пули в полет смертельным веером по кривой дуге. Он еще успел подумать, что, вероятно, не загнал патрон в ствол, а может, и вовсе не снял автомат с предохранителя, но, когда смертельная машинка затахтела в руках, понял, что сейчас произойдет что-то ужасное. И ему из этого кошмара не выбраться никогда.

Пум-пум-пум-пум...

Брызнуло осколками оконное стекло, и оттуда моментально повеяло холодом. Холодильник отозвался жестяными ударами, когда пули, высекая искры, пробили его насквозь. Алексей ахнул и тяжело упал на живот, а Ванька все давил и давил на курок. Пули летели в потолок, перерубив бесполезный электрический провод, выбивая щепки из деревянных полов, и звук был глухим, словно за досками начинался глубокий космос, в котором нет ничего, кроме пустоты и бессмысленных звезд.

Пум-пум-пум...

В горнице, зажимая уши руками, кричала Ольга. Этот вопль, придушенный и страшный, заставил Ваньку прекратить стрелять. Было страшно до такой степени, что он едва не бросил автомат и не выбежал обратно в снег и холод, куда угодно, лишь бы подальше от этого дома и человека, которого он только что застрелил. Трясущимися руками Ванька отстегнул почти пустой магазин, выхватил из подсумка новый и, передернув затвор, осторожно шагнул вперед. Пороховой дым застилал кухню, бил в ноздри острой вонью, заставляя кашлять.

Если бы все вернуть назад! Он бы забыл про стерву Аньку, изменщицу, подлючку, и даже не подумал бежать ради нее из части. Сколько ему там служить-то осталось? Слезки, до следующей осени, в сентябре бы уже был дома, нашел другую и, может, даже женился назло этой проститутке. А теперь что? Теперь куда?

Дальше бежать некуда. Он только что застрелил человека. Он — убийца!

Но тут «покойник» вскрикнул от боли и перевернулся на бок, зажимая рукой плечо. Ольга упала с табурета на пол и, воя, поползла на четвереньках к корчившемуся Алексею, шипевшему сквозь зубы матерные слова.

— Стоять! Стоять! — заорал Ванька, направляя автомат то на Ольгу, то на Алексея. — Лежать! Я что сказал?! Заткнулись оба! Пристрелю! А ну, стоять!

Не слушая, она подползла к мужу и обхватила его, прикрывая руками, словно птица своих бескрылых детей:

— Не надо! Не стреляй, не стреляй! Что ты делаешь, сволочь! Что! Ты! Делаешь! Леша, Леша...

— Заткнись! — заорал злой и перепуганный до полусмерти Ванька. Сейчас он уже был готов выпустить новую очередь в этих людей, случайно встретившихся ему на пути.

— Придурок больно́й, — прошипел Алексей и сплюнул. Между его пальцами, сжимающими простреленное плечо, бурлила кровь.

— Я придурок? Я?! А ты кто? Какого хрена ты на меня бросился? Я же сказал, пристрелю!

Он почти рыдал, а голос срывался на предательский девчоночий визг, выдающий его окончательную и бесповоротную истерику, застилающую глаза. Тело сотрясала дрожь, палец на курке ходил ходуном. В глазах темнело от паники, а в животе образовалась сосущая черная дыра, втягивающая в себя остатки самообладания.

— Оль, успокойся, — прошептал Алексей. — Не плачь. Там фигня, по касательной, наверное... Оль, нормально все, он промазал. Успокойся!

То, что он, оказывается, еще и промазал, взбесило Ваньку. Убедившись, что умирать Алексей не собирается, он отступил подальше, схватил со стола грязное полотенце и швырнул Ольге:

— Перевяжи его!

Она вытянула руку, пытаясь поймать старую тряпку, но та пролетела мимо, ударив ее прямо в лицо. Не сказав ни слова, Ольга трясущимися руками свернула коротковатое полотенце вчетверо и придавила к ране. Алексей приглушенно взвыл и вцепился в руку жены, не давая оторвать ее от окровавленного плеча. Под его кожей ходили тугие мускулы, как у готовящегося к прыжку зверя, а глаза горели такой ненавистью, что Ванька попытался и снова поднял автомат.

— А теперь, Бэтмен хренов, ты пойдешь вон туда! — мотнул он подбородком в сторону открытого подпола.

Глаза Алексея широко раскрылись, а потом сощурились, словно он собирался повторить свою попытку.

«И ведь прыгнет, — с тоской подумал Ванька. — Что же делать? Добить?»

— Пожалуйста, не надо! — умоляющим тоном попросила Ольга. — Он же ранен, а там очень холодно.

— Ничего, ему полезно, — истерически хохотнул Ванька и угрожающе добавил: — Я непонятно сказал? Быстро залез в подпол!

— Пожалуйста... — повторила Ольга.

Алексей молчал, зло глядя ему в глаза. Ванька поднял автомат и, тщательно прицелившись, вlepил пулю в верхнюю филенку двери, прямо над головой Ольги. Она сдавленно вскрикнула и зажмурилась.

— Следующая тебе в коленку, мужик, — предупредил он, чувствуя себя скотиной.

От одиночного выстрела снова зазвенело в ушах, но противная слабость начала отступать, и даже колени трястись перестали.

— Ладно, — кивнул Алексей, — иду. А ты, сволочь, если ее тронешь...

— То что? — хохотнул Ванька в припадке отчаянного сумасшедшего веселья. — Картошкой меня закидаешь?

— Только тронь, понял? — угрюмо ответил Алексей, но в его глазах плескалась лишь бессильная ярость.

— Тебе пинка дать для скорости, а?

Спускаясь по ступенькам, Алексей морщился от боли. Оказавшись внизу, он поднял голову и, посмотрев Ваньке в глаза, повторил:

— Если ты ее пальцем тронешь, я тебя все равно урою. Я тебя достану, и ты сдохнешь!

— Угу, — фыркнул Ванька. — Но сначала — ты. — И с этими словами захлопнул крышку, оставляя пленника в темноте.

Вьюга вроде бы выла уже не так ожесточенно, да и ночь посерела, отступая к западу, если можно было верить слабенькому проблеску в заин-

девовших окнах, а это означало, что сейчас восьмой час утра, и этот кошмар скоро должен закончиться, если повезет.

— Выпусти его, — тихо сказала Ольга. — Пожалуйста.

Она так и не поднялась с пола, сидя в углу у холодильника, поджав острые колени к подбородку. В полумраке в ее испуганных глазищах отражался мерцающий огонек свечи, придавая худому лицу потустороннюю мрачность. Ванька бегло глянул на нее, однако не только не открыл погреб, но даже вставил в скобу алюминиевую вилку. Со своего места Ольга видела, что крышка погреба едва заметно дрогнула, а потом, наткнувшись на преграду, легла на место.

— Послушай, ну что мы тебе сделали? — всхлипнула она. — Выпусти его. Мы вообще уйдем отсюда, если хочешь.

— Заткнись! — грубо прервал ее Ванька, уселся за стол, налил водки и выпил, морщась и кашляя. Грибов в миске не осталось, а вытаскивать их из початой банки было некогда. Чтобы заглушить водочный вкус, он торопливо вытащил из банки прямо пальцами кусок холодной тушенки и засунул в рот. На вкус она была как мыло, гадость страшная!

— Фаф фуфуф фифа? — спросил он с набитым ртом.

— Что? — нахмутив брови, переспросила Ольга.

— Вас будут искать? — уже четко проговорил Ванька, глотая тушенку.

Теперь она поняла и торопливо закивала, чему Ванька абсолютно не поверил и даже фыркнул:

— Кто это вас искать будет, если вы сюда пешком пришли, а машина фиг знает где?

— Мы «эсэмэски» отправили, — пояснила она. Ванька недоверчиво покосился на мобильный, и Ольга быстро добавила: — Он еще работал. Мы тогда даже этот дом не нашли, торчали на улице, отправили сообщение, а потом телефон сдох.

— Кому отправили? — строго спросил он, и даже мобильный в руки взял, надеясь, что она все-таки обманывает его, телефон чудесным образом оживет, и в списке исходящих сообщений не будет ничего.

— Мы рассылку сделали, — ответила Ольга. — Кто-нибудь все равно приедет. Машину найдут, и нас тоже.

— Не факт, — парировал Ванька и многозначительно погладил автомат. — Тут такое дело... Могут и не найти. А гостей я встречу.

Теперь он сам себе казался мужественным и крутым. А что? Мужика обезвредил в два счета и даже слегка подранил, а сейчас вон с его бабой разговоры ведет, хотя уже заранее понятно, чем это кончится. Она начнет распускать нюни, а он, весь из себя суперменистый, «снизоидет и пожалеет», сто раз такое в кино видел. Погладив автомат по цевью, Ванька вкрадчиво произнес:

— Тут, сладенькая, все от меня зависит: отыщут вас ваши дружбаны, или меня найдут. А может, вообще никого. Еще от меня зависит, в каком состоянии вас найдут. Поняла? И что на это скажешь?

— А что я должна сказать? Чего ты от меня хочешь?

— А ты подумай. Я, вообще-то, в армии служил, баб давно не видел и уж тем более не щупал. Хочешь отсюда выбраться живой? Хочешь, а? А мужика своего хочешь живым увидеть? Если хочешь, то должна постараться это заслужить. Будешь послушной девочкой?

— Как тебя зовут? — неожиданно спросила Ольга совершенно будничным тоном.

От неожиданности он икнул, а потом неуверенно ответил:

— Ваня. Иван, то есть.

Ольга вдруг сжалась, словно от удара, и в мрачных темных глазищах мелькнула мука, чего Ванька понять никак не мог.

— Нашего сына тоже звали Иваном, — тихо проговорила она. — Когда-то у нас была нормальная, счастливая семья. А потом наш сын умер.

— Как это — умер? — сглотнув, недоверчиво спросил Ванька.

— Утонул, — ответила Ольга, и в ее глазах блеснули слезы. — Давно уже. Три года прошло, сейчас бы в школу ходил, катался на лыжах, лепил снеговиков и... всякое такое, что делают дети зимой. Санки, горки, коньки... Я бы все ему разрешала, честное слово. А вместо этого мы уже третью зиму подряд ездим к нему на кладбище. Мы все ехали, ехали, ругались и вроде даже ненавидели друг друга. Потом машина сломалась, мы пошли пешком и еще больше ненавидели. Но вдруг поняли, что все это фигня. Знаешь, напускное, ненужное. Я часто слышала о людях, вынуждающих себя кого-то любить, но никогда не думала, что буду заставлять себя ненавидеть, когда совсем этого не чувствую. Понимаешь меня, Ваня?

Он помотал головой, слишком пьяный и злой, чтобы понять.

— Иногда в жизни должно что-то случиться. Хорошее. Или плохое. Такой перелом, понимаешь? Не надо быть хуже, чем ты есть. Не нужно заставлять себя кого-то ненавидеть. Ты же хороший парень, Ваня, правда? Ты ведь не просто так тут оказался, да еще с оружием. У тебя что-то случилось. И потому ты такой злой, напуганный и несчастный. Но это все можно закончить, Ваня. Мы тебе поможем, правда. Только не делай ничего такого... что нельзя будет поправить, ладно?

Голос, хорошо поставленный, с округлыми согласными и бархатными интонациями, плыл к нему, убаюкивая и усыпляя. Пальцы, сжимавшие автомат, вдруг стали ватными и слабыми. Ванька сонно заморгал и уже готов был сесть на скамейку у теплой, уютной печки, как вдруг в его затуманен-

ной голове мелькнула четкая, ясная мысль: «Ах ты, сучка! Зубы мне заговариваешь!» — и от этого он сразу проснулся.

— Ты чего меня лечишь, а? — гаркнул Ванька. — Что тут впариваешь? Сыночек помер, ах, какая жалость! А ну, встань! — Он ткнул в ее сторону автоматом, и Ольга поднялась, боязливо отшатнувшись к дверям. — Значит, так, подруга. Сейчас мы с тобой пойдем в кроватку, поняла? И ты сделаешь все, что я велю. А если нет, тогда...

И тут в подполе вдруг отчаянно заколотился Алексей, отчего вилка согнулась почти пополам.

— Эй ты, а ну, успокоился быстро! — крикнул Ванька, не поворачиваясь. Его больше занимало лицо Ольги, застывшей на полпути к дверям и явно понимающей, что у нее нет шансов уйти.

Он сделал шаг вперед и открыл рот, чтобы сказать очередную пошлую фразочку, как вдруг Ольге на лицо упала темная капля. А затем еще одна.

Она моргнула, вытерла щеку тыльной стороной ладони и недоумевающе посмотрела на руку, вымазанную чем-то темно-красным. Осторожно поднесла ее к лицу и понюхала, а потом посмотрела на потолок и с ужасом отскочила в сторону.

— Какого... — начал, было, Ванька, но тут же осекся и тоже глянул вверх.

На выкрашенных красно-коричневой краской досках полатей виднелось несколько пулевых отверстий. И теперь из неаккуратных дыр капала густая красная жидкость. Тяжелые капли отрывались от деревянной поверхности и с неохотой падали вниз, на круглый домотканый коврик, скрадывающий звуки.

Ванька отодвинул коврик ногой и увидел под ним темное пятно. Его заколотило так, что даже с другого конца комнаты Ольга видела, как трясутся его колени.

— Что там? — шепотом спросил он и повторил с истерическим всхлипом: — Что там такое?

— Откуда я знаю? — ответила Ольга и вдруг вспомнила, что дверь была забаррикадирована изнутри, однако хозяев они так и не увидели, и от этого ей стало еще страшнее.

«Мы пробыли здесь пять или шесть часов, — подумала она. — Может, даже больше. Если там, на этих проклятых досках, лежал человек, мы наверняка бы его увидели или услышали. Но не было ничего: ни звука, ни шороха... Какого черта он вообще туда забрался?»

Память подбросила ей картинку выстуженного дома, в котором печь не топили как минимум сутки...

«Нет, не сутки, больше, слишком долго пришлось согреть дом. Суток двое, может, трое. Неужели все это время там кто-то лежал? Почему не

подал знак? Испугался? Чего можно так испугаться в деревне, где никого нет? Мародеров? Грабителей? Или...»

Она не успела додумать — Ванька ткнул в ее сторону автоматом:

— Посмотри, что там.

— Сам посмотри, — еле слышно ответила Ольга.

— Ты меня что, не слышишь? Я сказал: быстро залезла и посмотрела!

Ольга упрямо помотала головой. Лезть наверх, в неизвестность, ей совершенно не хотелось. Ванька зло смотрел на нее, его рот снова плаксиво кривился, и губы тряслись. Парень поднял автомат и погрозил, но Ольга не сдвинулась с места, тогда, всхлипнув, он подошел к печи, влез на деревянную скамейку и встал на носки, чтобы заглянуть на полати.

Наверху было темно, и он почти ничего не увидел. На полатах, вонявших сырым тряпьем, лежал какой-то темный узел, скрытый старым полушубком, торчал край закопченного чугуна, в углу, у стены, притулилась стопка газет, стянутых бечевкой. Но света керосинки, оставленной на столе, было слишком мало, чтобы рассеять тьму, а свечка, догоравшая на холодильнике, едва теплилась крохотным синеватым огоньком.

— Что там? — спросила Ольга.

— Не видно, — досадливо ответил Ванька, вытянул вперед автомат и ткнул полушубок стволом. Тот уперся во что-то твердое. Он потыкал полушубок еще несколько раз, но то, что лежало под ним, никак не реагировало на толчки и было слишком плотным, тяжелым для кучи никчемного барахла и... неживым.

Господи! Господи!

Уже не думая, что Ольга может внезапно столкнуть его со скамейки, Ванька забросил автомат за спину, спихнул на пол чугунок, зазвеневший колокольным набатом, а потом схватился за край полушубка и потянул. Завернутый в него предмет не поддавался. Он заскрежетал зубами и стал ожесточенно дергать, не заметив, как Ольга скользнула к подполу. Но едва она попыталась вытолкнуть из скобы вилку, Ванька обернулся и заорал:

— А ну, не трогай!

Неловко повернувшись, он стал в панике дергать ремень АКС, оступился и едва не слетел со скамьи. Схватившись за край полатей, больно ударился о них подбородком и, матерно выругавшись, неуклюже приземлился на пол, а потом с перекошенным от ярости лицом двинулся на перепуганную, пятившуюся Ольгу. Что бы ни лежало там, наверху, оно могло подождать. Сначала надо разобраться с этой...

— Я же сказал: не рыпайся, — яростно прошипел Ванька. — Ты что, меня не...

Внезапный треск заставил его замолчать на полуслове, а потом он заорал не своим голосом.

Простреленные, наполовину сгнившие доски полатей не выдержали находившейся на них тяжести и проломались. Вниз с грохотом полетели стеклянные банки, кастрюли, брызнули высыпавшиеся из какой-то тары гвозди и железные скобы, но самым страшным стал тяжелый удар рухнувшего тела. Зацепившийся за обломок доски полушубок больше не скрывал своего содержимого...

Алексей отчаянно долбился в крышку подпола, а вилка, служившая запором, после каждого удара сгибалась все сильнее и сильнее. Скобы трещали, готовые отлететь, но Ваньке было на это наплевать. Он орал, дико, с девчоночьим повизгиванием, на одной ноте. Его выпученные глаза смотрели в одну точку.

На полу, среди разбросанного хлама, лежала мертвая старуха, скрюченная едва ли не колесом. Ее беззубый рот застыл в агонии, вокруг сморщенных губ засохла пена. Один глаз оказался закрыт, второй, закатившийся и страшный, был словно направлен внутрь мозга. Из-под темного платка выбивались седые волосы, а тонкие сморщенные пальцы сжались, словно птичьи лапы. Старуха походила на ведьму, страшную, опасную, и Ванька, оседая на пол, тихо завыл, подумав, что сейчас она вскочит на ноги, вытянет свои когтистые лапы и высосет всю его кровь, сверкая закатившимся вверх глазом.

Насмерть перепуганная Ольга молчала, хватая ртом холодный воздух, бьющий из простреленного окна. Как ни странно, но ей хватило нескольких секунд, чтобы прийти в себя. То ли ужасов прошедшей ночи хватило, то ли подсознательно она ожидала найти в каком-нибудь закутке хозяев дома, но шок от увиденного прошел быстро, чего нельзя было сказать о юном солдатице, отнюдь не стойком и к трагедиям не подготовленном.

Закатившийся глаз старухи стал последней каплей, сломавшей Ваньку. Он отшвырнул автомат в сторону и разрыдался, как ребенок, выплескивая накопившиеся за эти кошмарные сутки отчаяние и страх. В тишине деревенского дома его клопочущие всхлипы звучали особенно громко, и Ольга, застывшая у дверей, поежилась, внезапно осознав, что бушевавшая за окном вьюга утихла.

Автомат все еще лежал в опасной близости от Ваньки, и она не была уверена, что сумеет схватить его первой. Бросив торопливый взгляд на крышку подпола, Ольга увидела, что торчащая в петлях вилка согнулась пополам. Вряд ли получится выдернуть ее одним движением. Алексей, бившийся в крышку, снова затаился, явно прислушиваясь к происходящему наверху.

Рыдающий мальчишка вдруг пробудил давно похороненные материнские чувства, и ей стало жаль эту заблудшую душу. Так жаль, что она сделала пару неуверенных шагов, присела рядом с ним на корточки и ла-

сково погладила по стриженной почти наголо голове. Ванька вдруг бросился к ней, и Ольга отшатнулась, но он вовсе не собирался делать ничего плохого. Уткнувшись ей в плечо, мальчишка рыдал, обнимая ее за шею.

Ольге в голову пришла сумасшедшая мысль, что рядом — ее сын, чудом спасшийся, выросший, живой и теплый. Пальцы на Ванькином затылке затряслись, и она на мгновение сжала их в кулак.

— Ну, что ты, что ты, — ласково проговорила она, чувствуя, что сама вот-вот разрыдается. — Не плачь, Ванечка, не плачь, все будет хорошо.

— Я ее убил, да? — бормотал Ванька. — Убил ведь? Я не хотел, правда. Я ничего такого не хотел!

— Конечно, нет, — ответила Ольга и снова погладила его по затылку, тихо шепча: — Бедный, бедный мальчик, что же ты наделал, и как тебя спасти? И как нам всем выбраться из этого дома?

Дома, где жила всеми позабытая женщина, в которую попали беспорядочно выпущенные пули. Она была напугана до такой степени, что заложила хламом входную дверь, забралась на полаты, и там, скорее всего, ей и стало настолько плохо, что она потеряла сознание.

Баюкая Ваньку, Ольга видела спину старухи, куда попало, как минимум, три или четыре пули. Кровь из этих страшных дыр капала неохотно, по капле.

«Все это время она лежала рядом, на расстоянии вытянутой руки, а мы не поняли, — подумала она, чувствуя внутри противный, склизкий ком вины. — Что нам стоило просто посветить на полаты?»

«Ничего не стоило, — услужливо подсказал гаденький голос здравого смысла. — А если бы и посветили, как бы вы ей помогли?»

Никак, скорее всего.

Вьюга утихла, словно и не начиналась. И ночь, наполненная страхом, тоже должна была вот-вот закончиться. Замороженные окна заметно посветлели, став темно-синими. В доме царила тишина, только бормотал плачущий Ванька, да Алексей в подполе все приподнимал крышку, надеясь сорвать запор.

— Я домой хочу, — скулил парень. — Хочу, чтобы все кончилось, и вообще... чтобы ничего этого не было! Анька виновата, Анька, дура, шалава, тварь конченная! Из-за нее все!

— Тихо, тихо, — шептала Ольга, не зная, кто такая эта Анька и какое отношение она имеет к Ваньке, но кроме бессмысленных слов ей нечего было говорить, и она повторяла их снова и снова, как детскую колыбельную: — Успокойся, Ваня, ш-ш-ш... Все обойдется, все будет хорошо...

— Не будет, — пробулькал он. — Ничего уже не будет. Меня поймают и посадят в тюрьму, за эту бабку-у-у, а я ее даже не ви-и-и-идел!

— Конечно, не видел!

— И из части я сбежал, и мужика на дороге останови-и-ил, угрожал ему-у, и тут еще это все... Но главное, я бабку убил! Какого хрена она туда залезла-а-а... Не хоте-е-ел я, не хоте-е-ел...

Он кашлял, захлебываясь рыданиями, вцепившись в Ольгу, как в спасательный круг, позабыв, что еще несколько минут назад хотел завалить ее в койку. А Ольга беззвучно плакала, жалея и его, и себя, и запертого в погребке мужа, и несчастную бабку, пытавшуюся спрятаться в пустом доме, за подпертой хламом дверью...

Дверью с ободранной обивкой... Точнее, с обивкой, разодранной в клочья.

Она вдруг сжалась, схватила Ваньку за затылок и с силой придавила к себе, заглушая его всхлипы. Мысль, мелькнувшая у нее недавно, наконец-то вспыхнула пожаром, застилая горизонт.

От кого могла прятаться одинокая женщина в старом доме брошенной деревни, если на двери отчетливо видны следы когтей?..

И в этот самый миг, между судорожными всхлипами Ваньки, в полной тишине, она отчетливо услышала, как в сенях под чьей-то тяжелой лапой хрустнуло разбитое стекло.

Прижав к себе голову мальчишки, Ольга шепотом молила: «Молчи, молчи!», но с ее губ не срывалось ни звука. Она почти душила всхлипывающего солдатика, беспомощного и жалкого, потерявшего представление о реальности. Вспыхнувшая в сердце жалость к нему мгновенно исчезла. Теперь, слыша, как в сенях ворочается что-то большое, натываясь на громоздкую мебель, Ольга ненавидела Ваньку, привлекающего внимание своими причитаниями. Алексей в подполе не шевелился, вероятно, тоже услышав незваного гостя. Странное дело, но Ольга словно воочию увидела мужа, сидящего на перекладине лестницы, упирающегося в крышку спиной и готового выскочить наружу, если позволят силы. Подумав об Алексее, она вдруг вспомнила, что тот ранен, и испуганно завертела головой.

Так и есть. Кровь. Свежая, а еще та, что набежала из развороченной спины покойницы. Запах, который привлечет зверя.

Ольга ни минуты не сомневалась, что за дверью — не человек.

Керосиновая лампа, до того светившая ровно и ярко, внезапно потускнела, а может, это произошло и раньше, кто разберет в дикой суматохе? Пока Ольга таращила глаза на дверь, огонек под стеклянной колбой захирел и погас. Кухня погрузилась в полумрак, рассеиваемый лишь крохотной точкой едва теплящегося язычка свечи и медленно светлеющим небом за окном, чернильно-синим, с легкими тонами желто-бело-розового. Ванька, испугавшись темноты, прижался к Ольге еще крепче.

В сенях послышалось легкое брэнчание, словно неизвестный гость катал что-то жестяное и круглое по деревянному полу. Ольга сжала трясущиеся от страха губы и, найдя взглядом валяющийся на полу «калашников», попыталась оторвать от себя цепкие, как паучьи лапки, Ванькины руки, не дающие ей не только двигаться, но даже дышать. Высвободив одну руку, она потянулась к ремню автомата.

Оторвав голову от ее плеча, Ванька посмотрел на Ольгу, а потом скосил взгляд вбок. Увидев, что она тянется к оружию, парень с силой толкнул ее в грудь, да так, что она ударилась головой о холодильник.

— Ах ты, сука! — взвыл он и, путаясь в собственных ногах, полез через нее к автомату.

Ольга схватила его за воротник, но Ванька вырвался, пиная ее ногами в плечи, и один раз даже попал по голове.

Не обращая внимания на боль, Ольга прыгнула ему на спину. Подумаешь, взбесившийся мальчишка. За дверью, похоже, ждет кое-кто пострашнее!

— Да успокойся ты, придурок! — прошипела она ему в ухо. — Ты что, не слышишь?

Но Ванька то ли действительно не слышал, то ли был настолько ошеломлен предательством женщины, еще минуту назад успокаивавшей его, что уже не воспринимал реальность адекватно. Водка, притупившая чувства, взорвалась в голове набатом, толкая на дикие поступки. И сейчас на него накатывала волна семейной агрессии, той самой, от которой в свое время сбежала мать, бросив пьянчужку-отца на произвол судьбы. Теперь Ваньке снова хотелось убить всех: сначала эту бабу, а затем и ее муженька, начавшего буяннить в своей «тюрьме».

Он дотянулся до автомата, но в этот момент Ольга схватила парня за редкий, дозволенный уставной прической, чубчик и дернула назад. Взвизгнув от боли, Ванька вслепую двинул локтем, угодив во что-то мягкое, и выронил автомат на пол, содрогающийся от ударов снизу.

Алексей снова ударил в крышку подпола. Петли скрипнули от натуги, но удержали ее на месте, хотя было ясно — долго они не продержатся. Удар отозвался ослепляющей болью в раненом плече, такой сильной, что в глазах потемнело. Зажмурившись, он выждал секунду, а затем ударил еще раз.

Петли с треском вылетели, согнутая пополам вилка, звякнув, впечаталась в стену. Откинув крышку, Алексей прыгнул, но сгнившая, расшатанная перекиладина лестницы подломилась под его ногой, и он неуклюже упал на бок, хватаясь окровавленными пальцами за края лаза, дрыгая ногами, нащупывавшими точку опоры. Ольга с разбитым в кровь лицом, цеплялась за Ванькины руки. Ствол валявшегося на полу автомата был направлен прямо ему в лицо, а Ванька с безумными глазами все тянулся и тянулся к оружию.

В дверь вдруг тяжело ударили, и она отворилась с резким визгом несмазанных петель. Борьба в комнате тут же прекратилась. Застыв, Ольга, Ванька и Алексей уставились в темноту сеней, откуда повалили плотные клубы мгновенно нагревающегося воздуха. А потом из тьмы выступила лобастая голова с поблескивающими глазами. Чудовище втянуло в себя воздух и сделало первый шаг через порог...

В вездеходе было тепло. Настолько тепло, что Волин моментально отключился, откинувшись на спинку сиденья, и проснулся, только когда тяжелая машина резко остановилась.

Поначалу он не хотел пить, пытался сохранять субординацию, но водка брала и не такие города. Ближе к ночи они с Карпухиным уже сидели в обнимку, красные, распаренные после сауны, показывали друг другу семейные фото в мобильниках и, приняв на грудь «еще по чуть-чуть», плюхались в бассейн. После очередного прыжка Волин несколько протрезвел и пошел спать. В шесть утра его безжалостно растолкали, утрамбовали в вездеход вместе с бодрым Карпухиным и отправили на поиски. Разомлев в машине, Волин сразу же вырубился и спал до тех пор, пока машина не остановилась.

Тюкнувшись лбом в переднее сиденье, он продрал глаза, недовольно поморщился и спросил:

— Чего стоим? Уже приехали?

— Чего-то там такое торчит в овраге, — пробурчал Карпухин. — Сейчас бойцам команду дам...

Он встал и вытянулся, как охотничий пес в стойке, вглядываясь сквозь лобовое стекло, разве что лапу не поднял.

Волин разозлился, запахнул бушлат и, сунув в рот сигарету, дернул дверь, вываливаясь наружу, в холод и снег. Темень была несусветная, а мороз, после прокуренного тепла вездехода, пробирал до костей. Буря улеглась, пряча дорогу, и водитель, судя по всему, ориентировался по высоким наметам с обеих сторон колеи.

Впереди действительно виднелась прореха в снежном намете, а за ней, в овраге, маячил высокий сугроб странно-правильной формы, сверкающий в свете фар мелкими бриллиантами снежинок. Подняв воротник, Волин буквально съехал к нему, чувствуя, как снег набивается под бушлат.

— Машина, что ли? — крикнул ему вслед Карпухин.

— Что ли, — буркнул Волин, прекрасно зная, что его не расслышат.

Судя по очертаниям, это был «BMW». Подойдя ближе, он смахнул снег с номера. Удостоверившись, что перед ним действительно машина пропавших Тарасовых, обошел джип сбоку, проваливаясь в снег почти по колено.

Из второго вездехода спешила группа поддержки, вооруженная до зубов, следом торопливо шагал Карпухин, спотыкаясь и увязая в снегу. Мельком оглянувшись на полицейских, Волин дернул дверь.

— Заперта? — шепотом спросил подбежавший Карпухин.

Только сейчас Волин увидел, что все бойцы оцетинились автоматами, и даже у Карпухина в руке был пистолет. Сперва ему это показалось смешным, но потом он подумал, что не представляет, что скрывается там, за темными стеклами «впавшего в кому» джипа. А вдруг Лыткин там? Вдруг он сейчас проснется и прошьет дверцу очередью?

Видимо, Карпухин пришел к тому же мнению, поскольку Волина моментально оттеснили. Лучи фонарей прорезали тьму салона сквозь стекла, обшаривая пустые сиденья, и лишь после этого бойцы опустили оружие. Карпухин на всякий случай подергал дверь, видимо, сомневаясь, открывать ли ее, а потом махнул рукой:

— Едем дальше. Они вроде до Юдино добрались, там поищем...

— Который час? — спросил Волин, поежившись.

— Полвосьмого. Скоро рассветет, — ответил Карпухин и хлопнул его по плечу: — Давай, Борисыч, поехали. Тут всего ничего осталось. Прочешем Юдино, и, если твоего бегунка там нет, хоть людей спасем.

— Поехали, — вяло согласился Волин и побрел к вездеходу.

Он уже открыл тяжелую дверь и даже занес ногу, чтобы забраться внутрь, но замер, услышав где-то вдалеке глухую очередь, отброшенную эхом от леса.

— Борисыч, — просипел Карпухин севшим голосом, — похоже, это твой парень балуется... Только в кого же он стреляет?

Несколько мгновений в доме было тихо. Никто не шевелился и, кажется, даже не дышал в этой вязкой, наполненной страхом и адреналином тишине — ни люди, ни зверь. Затем медведь шумно вздохнул, отчего его черный клеенчатый нос задергался, и осторожно шагнул вперед, вытягивая голову к лежащему на полу труп старухи. Сделав еще один шаг, мягкий и совершенно беззвучный, он ткнулся носом в мертвое тело, а потом, презрительно фыркнув, ударил его лапой. Подняв голову, медведь оглядел людей маленькими злыми глазками, словно не зная, на кого первого напасть.

В этот момент Ольга отчаянно завизжала, а следом завизжал и Ванька, не менее отчаянно, совершенно по-бабьи, истерическим фальцетом. Стряхнув с себя Ольгу, он схватил автомат и навел ствол на гигантскую тушу.

Острая пороховая вонь медведю была хорошо знакома. Но вместо того чтобы убежать, зверь впал в ярость. Молниеносным, почти незаметным

в полумраке ударом тяжелой лапы он выбил автомат из трясущейся Ванькиной руки, а затем прыгнул, подминая жертву под себя.

— Ольга, беги! — заорал Алексей.

Медведь на мгновение поднял голову, словно запоминая противника, с которым следует разобраться позже, а потом впился отчаянно верещавшему Ваньке в плечо острыми клыками.

Тот отбивался и орал, молотя по оскаленной морде кулаками. Вскочившая Ольга схватила со стола погасшую керосинку и швырнула в медведя, целясь в голову, но промахнулась. Однако острый химический запах на мгновение заставил зверя выпустить свою слабеющую жертву. Получив отпор, медведь зарычал. Ольга шарахнулась в сторону, споткнулась о скамейку и упала на пол, но тут же вскочила и бросилась в горницу, захлопывая легкую двустворчатую дверь перед носом хищника. Автомат валялся у порога, однако впопыхах она не подумала его схватить, а потом было уже слишком поздно: оружие осталось на кухне. Упираясь руками в хлипкие филенки, Ольга затравленно оглянулась в сторону окна.

Новая жертва показалась медведю более опасной, чем торчащая из подпола голова Алексея или беспомощный Ванька. Недолго думая, зверь бросился вперед и изо всех сил ударил лапами в филенки. Удерживающая их с той стороны Ольга была сбита с ног. Отлетев в сторону, она, не помня себя от ужаса, забилась в угол.

— Иди сюда, падла! — заорал Алексей. — Ко мне иди!

Медведь не отреагировал, разве что ушами пошевелил. Раненый Ванька истекал кровью и даже не выл — слабо, с хриплым свистом, стонал, дрыгал ногами, стараясь отползти подальше, но его ноги лишь скользили по залитому кровью полу. Плечо и шея потемнели от крови, а камуфляж на груди был разодран на ровные полоски когтями. На материи уже выступили черные кляксы, расползающиеся с невероятной быстротой.

Алексей, сделав отчаянное усилие, выбрался наружу. Схватив тяжелую чугунную заслонку, швырнул ее в медведя, угодив в мохнатый бок, а потом сунул в печь руки, хватая тлеющие угли голыми руками.

Боль в обожженных ладонях была дикой, и он закричал. Мотнув головой, медведь зарычал и тут же получил в скалящуюся морду шипящие головешки.

Теперь в воздухе завоняло паленой шерстью. Головешка попала медведю в глаз, и на несколько мгновений он ослеп, что одновременно испугало и разозлило зверя. Ему захотелось выбраться наружу, удрать в родной лес, но стены людского жилища не пускали. С хриплым воем он заметался по кухоньке. Сбив Алексея с ног, медведь отскочил в сторону и с неожиданной злостью набросился на труп старухи, схватив его зубами и подбро-

сив вверх. Взметнувшееся к потолку тело перелетело через всю комнату и упало на Алексея. Не удержавшись на ногах, он рухнул на пол, врезавшись головой в допотопную газовую плиту. Медведь повернулся на грохот и остановился, а затем с ревом поднялся на задние лапы, готовясь напасть на добычу.

Чуткое ухо уловило движение за спиной, но зверь, опьяненный запахом крови, слишком злой, чтобы реагировать на что-то еще, не обернулся, и потому не увидел, как женщина хватается воняющую порохом железяку. Издав долгий утробный рык, он ринулся в атаку.

Дотянувшись до автомата, Ольга схватила его и надавила на курок.

Оружие затряслось в ее руках, но отдача была не такой сильной, чтобы не удержать АКС в руках. Пули злыми осами впились в спину и бока медведя. Взыв от боли, зверь замолотил передними лапами в воздухе, развернулся к новому врагу, пытаясь схватить Ольгу когтями. Почти не целясь, она выпустила остаток рожка прямо в пасть медведя, брызнувшую темно-красным.

Захлебнувшись ревом и кровью, зверь грузно осел на пол, точно не желая падать, коротко, отчаянно всхлипнул два раза с невероятной болью. Его лапы конвульсивно дергались, а из горла доносился стихающий утробный рык, будто медведь еще боролся со смертью. Потом этот хриплый рык стих. Животное, не нашедшее покоя в зимней спячке, успокоилось навсегда, и только мертвый глаз с укором смотрел Ольге в лицо.

Опустив автомат, она села на пол и расплакалась. Алексей, бросив беглый взгляд на Ваньку, осторожно перешагнул через мертвого зверя и кинулся к ней. Отшвырнув оружие в сторону, Ольга вцепилась в мужа, обнимая его изо всех сил, а он в ответ обнимал ее, растопырив обожженные пальцы. Хотя ему было невероятно больно, он боялся разомкнуть объятия, чтобы жена не выскользнула из них вновь.

Ольга плакала, и Алексей плакал вместе с ней. Стекла, залитые предрасветной синевой, вдруг ярко осветились электрическими снопами, выбеливая морозные узоры. По-прежнему стонал Ванька, но, прижимаясь друг к другу телами, они даже не подумали о том, чтобы подойти и проверить, насколько тяжело он ранен. Все произошедшее с ними в эту ночь казалось чем-то невероятным, фантастическим и ужасным.

За окном шумели моторы тяжелых машин, что-то кричали люди, и со двора уже доносился топот. Только сейчас Ольга огляделась по сторонам, с сомнением посмотрела на стонущего Ваньку и даже хотела встать, узнать, что с ним, но ноги тряслись так, что она не смогла даже двинуться.

— Нас спасли, да? — спросила она.

— Спасли. Ты нас спасла, — прошептал Алексей. — Ты очень храбрая. Я так за тебя испугался.

— А я за тебя, — всхлипнула Ольга, прижимаясь мокрой щекой к его щеке. — И вообще — вовсе я не храбрая. Думала, все, конец нам... Нет, я вообще ни о чем не думала. У меня вся жизнь перед глазами промелькнула...

Она шмыгнула носом и часто задышала. Слезинка потекла по ее щеке и зависла на подбородке. Алексей слизнул эту каплю, ощутив на языке соленую горечь, и сказал:

— У меня тоже. Мы дураки с тобой, правда? Столько времени бегали, бегали, а зачем?

— Не знаю, — устало ответила Ольга. — Я вообще ничего не понимаю. Наверное, прошлое не имеет значения. Это только кажется, что имеет, а на самом деле все можно пережить, перетерпеть, перебороть. Чтобы понять, как дальше будет, и будет ли вообще.

— Будет, — твердо проговорил Алексей. — Я ведь тебя так люблю. Я вообще не знаю, как без тебя жить!

— Это я тебя люблю, — возразила Ольга и подставила ему пересохшие, горячие губы.

Они самозабвенно целовались несколько секунд, пока не открылась дверь, и в дом не ввалились вооруженные мужчины в камуфляже. Вбежавший следом Волин застыл на месте, оглядывая последствия побоища на кухоньке: стонущего Ваньку, тушу мертвого медведя и труп старухи, а потом посмотрел на двух обнимающихся людей, сидящих в горнице прямо на полу.

— Здрасьте, — пробормотал он, смущенно кашлянув, и указал глазами на валяющийся автомат: — Вы бы не могли... того, оружие от себя отпихнуть?

Алексей дрыгнул ногой, и автомат откатился к порогу. Чтобы подобрать его, Волину пришлось перепрыгнуть через тушу мертвого шатуна. Взяв АКС в руки, Волин вздохнул и произнес:

— Ну, похоже, вам кое-что придется нам рассказать.

— Идите на хрен, — беззлобно поморщился Алексей. — Вы бы лучше врача привели.

Три дня спустя погода на дворе была почти весенней. Солнышко припекало так, что с крыши закапало, а воробьи, еще совсем недавно серьезные и нахохлившиеся, отважно расчирикались и затеяли под окном шумную драку.

— Может, все-таки стоило рассказать? — спросил Алексей. — Ну, как все было?

— И что? — просипела Ольга. — Что это изменит? Тебе легче станет? Господи, Тарасов, он мальчишка еще с ватой в голове! А ты предлагаешь его в асфальт закатать за то, что у него крыша съехала из-за измены?

Алексей с трудом подавил улыбку. Ну вот, она сердится и снова называет его Тарасовым, как в старые добрые времена.

Оба находились в больнице. Алексею заштопали рану в плече, оказавшуюся неопасной. Обожженные ладони смазали на редкость вонючей мазью и туго забинтовали, пообещав, что скоро все пройдет. Простудившаяся Ольга маялась бронхитом, мучительно долго кашляла, до сухой рези в горле и боли в затылке, и разговаривала не своим голосом. Алексей даже сказал ей, что теперь она похожа не то на Сову из мультфильма о Винни Пухе, не то на мультяшных Товслу и Вивслу. Ванька лежал здесь же, под охраной, хотя в его состоянии он вряд ли мог куда-то сбежать. Медведь здорово порвал его, к тому же врачи опасались, что зверь мог болеть бешенством.

Волин заходил к ним с утра, чтобы взять показания, но Ольга не захотела топить несчастного Ваньку, чем вызвала у мужа бурю протеста.

— А если бы он нас пристрелил?

— Не пристрелил ведь!

— Оль, но мог же? Забыла, что он с тобой хотел сделать? Как ты могла его простить? Как вообще такое можно прощать?

Ольга горько усмехнулась, потом сползла со своего стула и забралась в постель к Алексею, стараясь не задеть его рук. Он ждал, пока жена, повозившись, устроится поудобнее.

— Леш, на самом деле, можно очень многое простить, если захотеть. Все от обстоятельств зависит. Неизвестно, как карта бы легла. Представь, Ваня не сбежал бы, не пришел в этот дом, а медведь, наоборот, явился? Ты же видел, он явно не первый раз приходил. Что бы мы делали без оружия?

— Люди такие скоты, — медленно произнес Алексей. — Бросили бабку одну в деревне, и никому до нее дела не было: ни ментам, ни врачам. Представляю, что ей пришлось пережить в последние дни. Никому не пришло в голову проверить. Знаешь, все считали, что деревня необитаема, а она там так и жила, совсем одна.

— Это ужасно, Леш.

— Жить одной?

— И жить. И умирать никому не нужной, забытой, без всякой надежды. Я себя ужасно чувствую, думаю, если бы мы ее увидели, то как-то помогли... Хотя бы на постель переложили. Ваньку обвинять легко, но ведь и мы ее не заметили, Леш! И это меня всю жизнь будет глодать. Не смогу

я свидетельствовать, что Ванька хотел кого-то убить. Пусть уж все остается как есть, случайный выстрел, медведь и все такое, тем более что это правда, да и бабку не вернуть. Надо бы ее похоронить по-людски, хоть какая-то благодарность за дом, еду, защиту. И узнать нужно, как ее звали. Может, родственники есть, дети... Помнишь портреты на стене?

Он помнил, но отвечать не стал, только засопел, сглатывая подступивший к горлу ком. Портреты из старого дома внезапно напомнили ему о собственной жизни, о друзьях, сыне, изменщице Лике, мерзавце Фильке, и Алексей с облегчением подумал, что у него еще не все так плохо.

Зуевы первыми подняли тревогу, узнав о беде, случившейся с друзьями. Именно Виктор и Алла примчались в больницу, как только стало известно, где находятся Тарасовы. Алла отпаивала Алексея и Ольгу куриным бульоном. Виктор, невзирая на протесты, выбил отдельную палату, хотя в этом не было никакой необходимости, а сам умчался спасать брошенный в снегу автомобиль.

Потом в больницу приехала Лика, покрашенная, завитая, с тщательно отрепетированной тревогой в глазах и крохотным клатчем в руке. Увидев любовницу, Алексей изменился в лице и уволок ее подальше, в прокуренный закуток под лестницей, откуда уборщица гоняла злостных нарушителей режима, а они все равно курили, стряхивая пепел в кадку с фикусом.

Разговора Алексея с Ликой Ольга не слышала, зато увидела, как та бежит по коридору, вскидывая тоненькие ножки, как антилопа. Мятые комья бахил на белых сапогах смотрелись потешно. Пробегая мимо Ольги, сидевшей на лавочке с безмятежным выражением лица, Лика притормозила, бросила на замотанное горло соперницы торопливый взгляд и злобно ухмыльнулась. Потом, фыркнув, задрала нос к небесам и продефилировала мимо независимой походкой, мол, видели бы мы вас всех в гробу, и ничего вы с нами не сделаете, молодыми, красивыми, роскошными...

После этой встречи на душе Ольги было одновременно и гадко, и благостно, а еще появилась надежда, робкая, как первый цветок, что роковая прелестница ушла навсегда и больше в ее жизни не появится.

Вечером Алексей сходил на перевязку, а после обрадовал жену, что завтра его уже выпишут, но та, задумчиво катая по подоконнику апельсин, перебила его:

— Знаешь, я тут о Ванечке думала.

Алексей понял, что она говорит не о дезертире, дремавшем на соседнем этаже, а о сыне, и настороженно насупился.

— В общем, я готова его отпустить. Я никогда Ванечку не забуду, и еще очень долго буду выть от тоски, но траура с меня достаточно. Я устала жить одна в четырех стенах и думать о том, как мне плохо. Не хочу!

Он подошел ближе, сграбастал ее свободной от перевязи ручищей с перебинтованной кистью и, прижав к себе, прошептал:

— Оль, мы справимся.

— Мы? — уточнила она, вздернув брови, хотя прекрасно понимала, что он хочет сказать.

— Мы, конечно. Или ты думаешь, что я тебя куда-то отпущу?

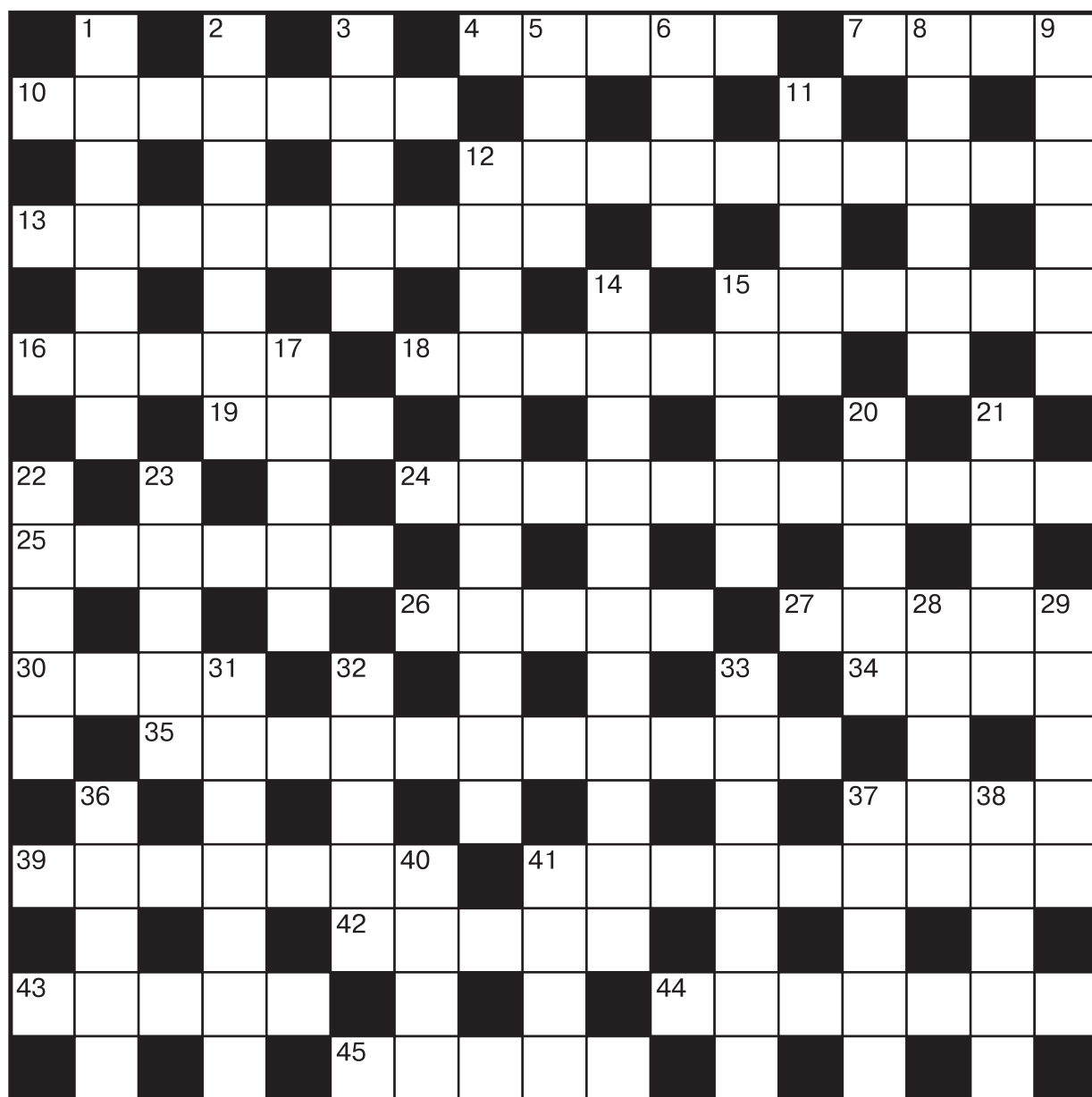
— А я больше никуда и не уйду, — пообещала Ольга и прижалась к нему, вдыхая такой родной запах его тела, смешанный с резким запахом медикаментов.

Алексей поцеловал ее в макушку и зажмурился, чувствуя, как кончики пальцев наливаются жаром, отгоняющим грустные мысли.

Они думали об одном и том же, по-разному, по-своему, но об одном: «Если вдруг тебя не станет, как мне дальше жить? И зачем?»

В приоткрытой створке окна появился грязный воробей. Он с интересом оглядел целующуюся парочку и, посчитав их не опасными, бодро запрыгал по подоконнику, а потом несколько раз радостно чирикнул, подставляя бурые перья уже почти весеннему солнцу. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Аппарат для запуска Марион Диксон «в небеса». **7.** «Райское наслаждение» от поедания. **10.** Любимый жанр Проспера Мериме. **12.** Венецианское эссе «... неисцелимых» Иосифа Бродского. **13.** Гоголевский герой с шинелью. **15.** За кого пошла Русалка из песни «Лукоморья больше нет» Владимира Высоцкого? **16.** Какую птицу сделал

своей эмблемой Фонд охраны дикой природы? **18.** «И ... уточняет в последний раз маршрут». **19.** «Третий глаз» ищейки. **24.** Какую вершину непальцы между собой величают Богиней Неба? **25.** Где происходит действие диснеевского мультфильма «Аладдин»? **26.** Чьих сородичей безжалостно потрошат браконьеры из комедии «Ты — мне, я — тебе»?

27. Какому богу древние славяне посвящали Масленицу? **30.** Единственное лекарство против тщеславия. **34.** Популярная героиня компьютерных игр ... Крофт. **35.** Какая книга помогает поддержать беседу на международном уровне? **37.** Очко для конкурсанта. **39.** Индивидуальное летательное средство. **41.** Недостаточное кровяное давление, с которым нужно бороться с помощью китайской дыхательной гимнастики. **42.** Что кормит крестьянина? **43.** «Болванка» телеграммы. **44.** Какая «народная звезда» нашей эстрады виртуозно владеет казацкой шашкой? **45.** «Сибирские Афины».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой недуг мучил английского классика Уилки Коллинза? **2.** Пушкинский игрок, оказавшийся в сумасшедшем доме. **3.** Какую сливу добавляют во фруктовый лаваш? **5.** С каким металлом связано открытие «лучей Беккереля»? **6.** Основа питательной маски. **8.** Мексиканский суп. **9.** Тараканова, запечатленная на полотне Константина Флавицкого. **11.** Чисто англ-

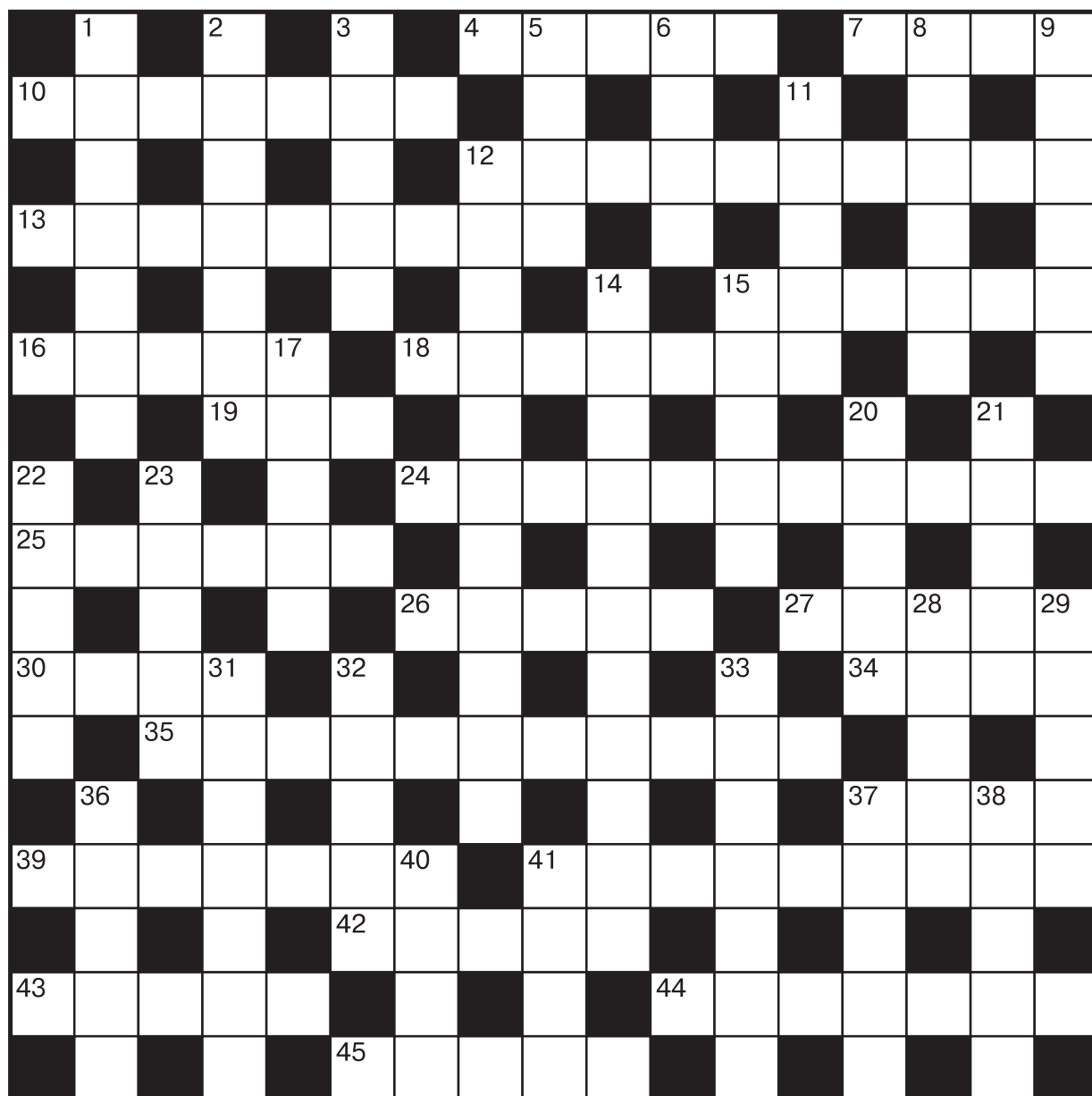
лийское дополнение к яичнице. **12.** «Абсолютный ноль» в человеческом обличи. **14.** На какую область литературы работал Александр Островский? **15.** Прелюдию «... дождя» великий Фридерик Шопен впервые играл для Жорж Санд на Майорке. **17.** Рыба из романа «Анна Каренина». **20.** Кто стал героем картины «Всепроникающий Дух Вселенной» англичанина Джорджа Уоттса? **21.** Главный город из фантастической трилогии Роджера Желязны. **22.** Книжный доктор с мировой славой чародея и чернокнижника. **23.** Выписывают на арест. **28.** «... на чертей, а тюрьма на татей». **29.** «Мы повстречались на самой горе, ... стоит у фруктового сада». **31.** Иудейский праздник в память возвращения Иерусалимского храма. **32.** Мистический недуг. **33.** Главное увлечение голливудского актера Джона Траволты. **36.** Ради кого Брэд Питт оставил Дженнифер Энистон? **37.** Приют для Гекльберри Финна. **38.** Трава, оплетающая «все, что ни попадя». **40.** Числовая лотерея. **41.** «И тихий ... простой свирели с улыбкой дружества внимать».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Шорты. **6.** Фигаро. **10.** Метро. **12.** Шкурничество. **13.** Олимп. **15.** Матроскин. **17.** Роза. **20.** Тау. **21.** Аэлита. **22.** Сом. **24.** Твит. **26.** Набег. **28.** Машинист. **29.** Восток. **30.** Гид. **31.** Рэп. **33.** Даная. **34.** Дефис. **37.** Макар. **39.** «Нокиа». **40.** Зазноба. **41.** Мираж. **42.** Игрок. **43.** Союзник. **44.** Кашевар. **45.** Юниор. **46.** Анфас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Земля. **2.** Гримм. **4.** Откорм. **5.** Тараскон. **7.** Идея. **8.** Автоответчик. **9.** Ономастика. **11.** Пирит. **14.** Паутина. **16.** Напев. **18.** Магма. **19.** Флэшбэк. **23.** Мария. **25.** Эскалатор. **27.** Гоген. **30.** Гарнизон. **31.** Радикал. **32.** Панацея. **35.** Форганг. **36.** Симонов. **38.** Община. **43.** Сад.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Чье надгробие украшает надпись «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!»? **7.** Зеленый великан со звездой на «Аллее славы». **10.** С какой фирмы начался путь в кино для Чарли Чаплина? **12.** Уличный праздник в Валенсии со строительством «живых пирамид». **13.** Подпасок у поляков. **15.** Какой аэроплан купил себе великий фо-

кусник Гарри Гудини? **16.** Самая голодная богиня древних греков. **18.** Десерт из мороженого с меренгой. **19.** Колокольчик для носа из фильма «Кин-дза-дза!» **24.** «Морская акробатика» на буксируемой доске. **25.** Парчовый карп. **26.** Держатель из икебаны. **27.** Самая высокая гора в Венгрии. **30.** Бекас с болота. **34.** Венера из индийских мифов. **35.** Де-

сертное вино с Кипра. **37.** Ядовитая змея, с которой частенько играют вьетнамские дети. **39.** «Улица сапожников» в Древнем Риме. **41.** Кто из нынешних секс-символов Голливуда стойко ассоциирует себя с Шерханом из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга? **42.** Скучная проповедь. **43.** Вышибала из Тибидохса. **44.** «Прекрасный миротворец». **45.** Лотерея «семидесяти пяти шаров».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой антиоксидант в арбузном соке предупреждает рак? **2.** Каждый из блюстителей порядка в сказочных детективах Андрея Белянина. **3.** Французский драматург в друзьях Гюстава Флобера. **5.** Армянский овощной салат. **6.** Павильон для торжеств у османов. **8.** Игра, лучшие фишки для которой китайцы делают из нефрита. **9.** Манфред в соавторах термина «киборг». **11.** Кому до того принадлежала вилла в Торки, где на долгие годы поселилось семейство Агаты Кристи? **12.** Международный фестиваль искусств, проводимый в Италии. **14.** За-

висимость от декоративной косметики. **15.** Кого из патриархов нашего кино забраковали на главную роль из комедии «Иван Васильевич меняет профессию»? **17.** У какого народа есть мера длины «poronkusema», чья величина равна расстоянию, которое может пройти олень, пока не захочет помочиться? **20.** Первый исследователь «комплекса неполноценности». **21.** «Боже, избавь меня от тех, кто способен прощать все на свете» (классик). **22.** Чем продлевают срок жизни букета в вазе? **23.** Как за глаза называют каждого из котов главного музея Санкт-Петербурга? **28.** Безрукавка на белорусах. **29.** Пастух овец у курдов. **31.** Пегая масть у лошадей. **32.** Кто из французов ввел в научный оборот термин «кибернетика»? **33.** Под каким из английских замков в XX веке обнаружили значительные запасы нефти? **36.** Сладкое крошево у американцев. **37.** Придворный кинолог. **38.** Кардинал, чья протекция сделала Караваджо знаменитым художником в Риме. **40.** Золотая монета итальянской чеканки. **41.** Продюсер Pet Shop Boys.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Миасс. **6.** Кайкен. **10.** Мулен. **12.** Сноллигостер. **13.** Хелис. **15.** Фернамбук. **17.** Чуфа. **20.** Хоу. **21.** Агреже. **22.** Дик. **24.** Нола. **26.** Кутос. **28.** Пастилаж. **29.** Барака. **30.** Жал. **31.** Сод. **33.** Балас. **34.** «Чумай». **37.** Синус. **39.** Маноа. **40.** Рутений. **41.** Фосса. **42.** Харет. **43.** Фузилли. **44.** Тасадес. **45.** Якорь. **46.** Ханна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пушер. **2.** Хериф. **4.** Иннинг. **5.** Селамлик. **7.** Атон. **8.** Катсудоратан. **9.** Нирманакая. **11.** Питух. **14.** Седжвик. **16.** Колоб. **18.** Чакпу. **19.** Фриссон. **23.** Кувас. **25.** Талалурус. **27.** Сагум. **30.** Жареница. **31.** Синодал. **32.** Дунстан. **35.** Мачанка. **36.** Йоменри. **38.** Жислин. **43.** Фея.

Уважаемые читатели! С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

